

ISSN 2410-0773

SocioTime

Социальное время

1(21)
2020

Научный журнал

Издается с 2015 года
Выходит 4 раза в год

Главный редактор
В. П. Шалаев

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-59171 от 03.09.2014

Территория распространения: Российская Федерация, зарубежные страны

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Поволжский государственный технологический университет» (г. Йошкар-Ола)

Адрес учредителя и издателя: 424000, Йошкар-Ола, пл. Ленина, 3

Адрес редакции: 424000, Йошкар-Ола, пл. Ленина, 3, каб. 430а.
Тел. 8(8362)686040, 8(8362)686800. E-mail: sociotime@volgatech.net

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, публикующих основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук и доктора наук (решение Президиума ВАК России при Министерстве образования и науки РФ от 23.03.2018) по следующим направлениям: 07.00.00 – исторические науки и археология; 22.00.00 – социологические науки; 09.00.00 – философские науки

Редакторы русского текста *Л. С. Емельянова, П. Г. Павловская*
Компьютерная верстка *С. Н. Эштыкова*
Перевод на английский язык *В. В. Хренков*

Подписано в печать 14.09.2020. Формат 70×100^{1/16}. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 12,19. Тираж 500 экз. Заказ № 4328.
Дата выхода в свет: 09.10.2020. Цена свободная.

Поволжский государственный технологический университет. 424000, Йошкар-Ола, пл. Ленина, 3
Отпечатано в ООО «Вертола». 424004, Йошкар-Ола, ул. Льва Толстого, 45

Перепечатка или воспроизведение материалов номера
допускается только с письменного разрешения редколлегии.

© Поволжский государственный
технологический университет, 2020

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Шалаев Владимир Павлович, д-р филос. наук, проф. (Йошкар-Ола) – главный редактор
Дахин Андрей Васильевич, д-р филос. наук, проф. (Н. Новгород)
Ильин Владимир Иванович, д-р социол. наук, проф. (Санкт-Петербург)
Кутырев Владимир Александрович, д-р филос. наук, проф. (Н. Новгород)
Лепский Владимир Евгеньевич, д-р психол. наук, проф. (Москва)
Полутин Сергей Викторович, д-р социол. наук, проф. (Саранск)
Тишкин Алексей Алексеевич, д-р ист. наук, проф. (Барнаул)
Шатунова Татьяна Михайловна, д-р филос. наук, проф. (Казань)
Хренков Вадим Владимирович, канд. филос. наук, доц. (Йошкар-Ола) – секретарь

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

• Члены редсовета в регионах России:

Аршинов Владимир Иванович, д-р филос. наук, проф. (Москва)
Астафьева Ольга Николаевна, д-р филос. наук, проф. (Москва)
Бекарев Адриан Михайлович, д-р филос. наук, проф. (Н. Новгород)
Беляев Владимир Александрович, д-р полит. наук, проф. (Казань)
Войцехович Вячеслав Эмеринович, д-р филос. наук, проф. (Тверь)
Гавров Сергей Назипович, д-р филос. наук, проф. (Москва)
Дадаева Татьяна Михайловна, д-р социол. наук, проф. (Саранск)
Дунец Александр Николаевич, д-р геогр. наук, проф. (Барнаул)
Еришов Андрей Николаевич, д-р социол. наук, проф. (Казань)
Ковалева Алла Владимировна, д-р социол. наук, проф. (Барнаул)
Косачев Константин Иосифович, канд. юрид. наук (Москва)
Максимова Светлана Геннадьевна, д-р социол. наук, проф. (Барнаул)
Малинецкий Георгий Геннадьевич, д-р физ.-мат. наук, проф. (Москва)
Набиев Ринат Ахматгалиевич, д-р ист. наук, проф. (Казань)
Павлова Анжелика Николаевна, д-р ист. наук, доц. (Йошкар-Ола)
Пчелина Ольга Викторовна, д-р филос. наук, доц. (Йошкар-Ола)
Савчук Валерий Владимирович, д-р филос. наук, проф. (Санкт-Петербург)
Сергеев Сергей Алексеевич, д-р полит. наук, проф. (Казань)
Смолин Олег Николаевич, д-р филос. наук, проф. (Москва)
Солодухо Натан Моисеевич, д-р филос. наук, проф. (Казань)
Спирова Эльвира Маратовна, д-р филос. наук (Москва)
Сухова Мария Геннадьевна, д-р геогр. наук, проф. (Горно-Алтайск)
Черданцева Инна Владимировна, д-р филос. наук, доц. (Барнаул)
Чумаков Александр Николаевич, д-р филос. наук, проф. (Москва)
Шалаева Светлана Леонидовна, канд. филос. наук, доц. (Йошкар-Ола)
Шашкова Ярослава Юрьевна, д-р полит. наук, доц. (Барнаул)
Щелкунов Михаил Дмитриевич, д-р филос. наук, проф. (Казань)
Широкалова Галина Сергеевна, д-р социол. наук, проф. (Н. Новгород)

• Члены редсовета и представители журнала за рубежом:

Бабосов Евгений Михайлович, д-р филос. наук, проф. (Минск, Беларусь)
Билалов Бахадур Анвер оглы, канд. ист. наук, доц. (Баку, Азербайджан)
Ведлер Барбара, д-р, проф. (Миттвайда, Германия)
Водопьянов Павел Александрович, д-р филос. наук, проф. (Минск, Беларусь)
Зеленков Анатолий Изотович, д-р филос. наук, проф. (Минск, Беларусь)
Ибрагимов Айдын, д-р геогр. наук, проф. (Чанакалле, Турция)
Ильева Снежана, д-р психол. наук, проф. (София, Болгария)
Корабельева Сося, д-р психол. наук, проф. (София, Болгария)
Левицка Яна, д-р, проф. (Трнава, Словакия)
Муза Дмитрий Евгеньевич, д-р филос. наук, проф. (Донецк)
Перинчек Мехмет Бора, д-р ист. наук, проф. (Стамбул, Турция)
Проданов Васил, д-р филос. наук, проф. (София, Болгария)
Рамтун Рой, д-р, проф. (Афины, США)
Тарароев Яков Владимирович, д-р филос. наук, проф. (Харьков, Украина)
Тодорова Богдана, д-р филос. наук, проф. (София, Болгария)

ISSN 2410-0773

SocioTime

Социальное время

1(21)

2020

Scientific journal

Founded in 2015
Published 4 times a year

Editor-in-Chief
Vladimir P. Shalaev

The journal is registered in the Federal service for supervision of communications, information technology, and mass media (Roskomnadzor)

Registration certificate: ПИ № ФС77-59171 from 03.09.2014

Area of distribution: Russian Federation, foreign countries

Founder: FSBEI of HE «Volga State University of Technology» (Yoshkar-Ola)

Founder office: 424000, Yoshkar-Ola, 3 Lenin Square

Editorial office: 424000, Yoshkar-Ola, 3 Lenin Square, room 430a.
Tel. 8(8362)686040, 8(8362)686800. E-mail: sociotime@volgatech.net

The scientific magazine is included in the List of the reviewed scientific editions publishing the main results of theses for a degree of the candidate of science and doctor of science (the decision of Presidium of VAK (Higher Attestation Commission) of Russia at the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, of 23.03.2018) in the following directions: 07.00.00 – historical sciences and archeology; 22.00.00 – sociological sciences; 09.00.00 – philosophical sciences.

Editors *L. S. Emelyanova, P. G. Pavlovskaya*
Computer imposition *S. N. Eshtykova*
Translator *V. V. Khrenkov*

Signed in 14.09.2020. The format 70×100¹/₁₆. Offset paper.
Circulation 500 ind. Ordering № 4328.
Release date: 09.10.2020. Open price.

Volga State University of Technology. 424000, Yoshkar-Ola, 3, Lenin Square
Printed in "Vertola" LLC. 424004, Russia, Mari El Republic, Yoshkar-Ola, Lev Tolstoy street, 45.

Reprint or reproduction of material numbers is permitted only with prior written permission of the editorial board

© Volga State University
of Technology, 2020

EDITORIAL BOARD

Shalaev V.P., Doctor of Philosophy (Yoshkar-Ola) – Editor-in-Chief

Dakhin A.V., Doctor of Philosophy (Nizhny Novgorod)

Ilyin V.I., Doctor of Sociology (St. Petersburg)

Kutyrev V.A., Doctor of Philosophy (Nizhny Novgorod)

Lepsky V.E., Doctor of Psychology (Moscow)

Polutin S.V., Doctor of Sociology (Saransk)

Tishkin A.A., Doctor of History (Barnaul)

Shatunova T.M., Doctor of Philosophy (Kazan)

Khrenkov V.V., Candidate of Philosophy (Yoshkar-Ola) – Secretary

EDITORIAL COUNCIL

• **Members of the editorial board in the regions of Russia:**

Arshinov V.I., Doctor of Philosophy (Moscow)

Astafeva O.N., Doctor of Philosophy (Moscow)

Bekarev A.M., Doctor of Philosophy (Nizhny Novgorod)

Belyaev V.A., Doctor of Politology (Kazan)

Voitsekhovitch V.E., Doctor of Philosophy (Tver)

Gavrov S.N., Doctor of Philosophy (Moscow)

Dadaeva T.M., Doctor of Sociology (Saransk)

Dunets A.N., Doctor of Geography (Barnaul)

Yershov A.N., Doctor of Sociology (Kazan)

Kovalyova A.V., Doctor of Sociology (Barnaul)

Kosachev K.I., Candidate of Philosophy (Moscow)

Maksimova S.G., Doctor of Sociology (Barnaul)

Malinetsky G.G., Doctor of Physical and Mathematical Sciences (Moscow)

Nabiyev R.A., Doctor of History (Kazan)

Pavlova A.N., Doctor of History (Yoshkar-Ola)

Pchelina O.V., Doctor of Philosophy (Yoshkar-Ola)

Savchuk V.V., Doctor of Philosophy (St. Petersburg)

Sergeyev S.A., Doctor of Politology (Kazan)

Smolin O.N., Doctor of Philosophy (Moscow)

Solodukho N.M., Doctor of Philosophy (Kazan)

Spirova E.M., Doctor of Philosophy (Moscow)

Sukhova M.G., Doctor of Geography (Gorno-Altaysk)

Cherdantseva I.V., Doctor of Philosophy (Barnaul)

Chumakov A.N., Doctor of Philosophy (Moscow)

Shalaeva S.L., Candidate of Philosophy (Yoshkar-Ola)

Shashkova Y.Y., Doctor of Politology (Barnaul)

Shchelkunov M.D., Doctor of Philosophy (Kazan)

Shirokalova G.S., Doctor of Sociology (Nizhny Novgorod)

• **Members of the editorial board of the journal and representatives abroad:**

Babosov E.M., Doctor of Philosophy (Minsk, Belarus)

Bilalov B., Candidate of Philosophy (Baku, Azerbaijan)

Wedler B., Doctor, prof. (Mittweida, Germany)

Vodopianov P.A., Doctor of Philosophy (Minsk, Belarus)

Zelenkov A.I., Doctor of Philosophy (Minsk, Belarus)

Ibragimov A., Doctor of Geography (Chanakalle, Turkey)

Ilieva S., Doctor of Psychology (Sofia, Bulgaria)

Korabelyeva S., Doctor of Psychology (Sofia, Bulgaria)

Levická J., Doctor of Philosophy (Trnava, Slovakia)

Muza D.E., Doctor of Philosophy (Donetsk)

Perinçek M.B., Doctor of History (Istanbul, Turkey)

Prodanov V., Doctor of Philosophy (Sofia, Bulgaria)

Ramtun R., Doctor of Philosophy (Athens, USA)

Tararoev Y.V., Doctor of Philosophy (Kharkiv, Ukraine)

Todorova B., Doctor of Philosophy (Sofia, Bulgaria)

СОДЕРЖАНИЕ

Слово главного редактора 7

ФИЛОСОФИЯ

Годарев–Лозовский М. Г.

Кинематическая интерпретация волновой функции
и метатеоретический принцип соответствия 9

Захарова Е. Ю.

Антропологические практики, или «Забота о себе» в античности
и средневековье по М. Фуко 18

Савельев А. М.

Философско-методологический анализ инновационной политики США 27

Филатов А. С.

Социальная свобода в экологической деятельности: формирование
исследовательского инструментария 40

Хренков В. В.

Коммерческая реклама в обществе потребления
как фактор ограничения субъектности 53

СОЦИОЛОГИЯ

Асеева Т. А., Шашкова Я. Ю.

Оценка эффективности государственной молодежной политики
и ее информационного компонента школьниками регионов
Юго-Западной Сибири 66

Атанасов П. А.

Репутационные кризисы онлайн 77

Возьмитель А. А.

Интеграционные проекты России: проблемы и перспективы 88

Коморникова О. М.

Роль человеческого капитала в становлении гражданского общества в России.. 98

Нежданов В. А., Ромашов Ю. М.

Особенности развития локальной северо-восточной системы расселения
Калужской области 107

ИСТОРИЯ

Айвазян О. О.

Особенности правовой коммуникации как социального института
в концепциях мыслителей Древнего мира в формировании
коммуникативно-правовой культуры личности 117

Барташевич Д. А., Гавров С. Н.

Восприятие французов и россиян: история, культура, традиция 127

Мокроусова Л. Г., Павлова А. Н.

Политические настроения советского провинциального общества
середины 50-х годов XX века (Часть I) 137

Подготовка и порядок приема рукописей 146

CONTENTS

Column of the Editor-in-Chief	7
-------------------------------------	---

PHILOSOPHY

Godarev–Lozovsky M. G.

Kinematic interpretation of wave function and metatheoretic principle of correspondence.....	9
--	---

Zakharova E. Yu.

Anthropological practices or "care of yourself" in antiquity and the middle ages according to M. Fuko.....	18
--	----

Saveliev A. M.

Philosophical and methodological analysis of innovation policy in the United States of America.....	27
---	----

Filatov A. S.

Social freedom in ecological activity: research tools generation	40
--	----

Khrenkov V. V.

Advertising in the consumer society as a reason of subjectivity constraint	53
--	----

SOCIOLOGY

Aseeva T. A., Shashkova Ya. Yu.

Evaluation of the effectiveness of the state youth policy and its information component by schoolchildren of the regions of South-Western Siberia	66
---	----

Atanasov P.

Reputation crises online	77
--------------------------------	----

Vozmitel A. A.

Integration projects in Russia: problems and perspectives.....	88
--	----

Komornikova O. M.

The role of human capital in the formation of civil society in Russia.....	98
--	----

Nezhdanov V. A., Romashov Yu. M.

Features of the development of the local north-eastern system settlements of Kaluga region.....	107
---	-----

HISTORY

Ayvazyan O. O.

Features of legal communication as a social institute in the concepts of thinkers of Ancient world in the formation of a communicative and legal culture of personality	117
---	-----

Bartashevich D. A., Gavrov S. N.

Perception of french and russians: history, culture, tradition	127
--	-----

Mokrousova M. G., Pavlova A. N.

The political moods of the soviet provincial society of the mid-50s of the twentieth century	137
--	-----

Preparation and procedure for acceptance of manuscripts	146
---	-----

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

В двадцать первом номере журнала **SocioTime / Социальное время** (с 2018 года журнал входит в перечень ВАК научных журналов России по направлениям «Философия», «Социология», «История») представлены оригинальные научные материалы, подготовленные учеными и исследователями России и зарубежья. Все они посвящены актуальным вопросам социально-гуманитарного знания, охватывающего современные и исторические процессы развития человека и общества под влиянием доминант социального времени. **SocioTime** позиционирует себя как сетевое международное научное издание. Интеллектуальное партнерское сообщество журнала нашло свое отражение в составе его редколлегии, в которую входят исследователи из университетов и академических институтов Российской академии наук из городов Йошкар-Олы, Казани, Нижнего Новгорода, Москвы, Санкт-Петербурга, Барнаула, Саранска, Твери, а также университетских центров зарубежных стран: Беларуси, Украины, Германии, США, Турции, Болгарии, Словакии, Азербайджана.

Двадцать первый номер журнала «**SocioTime / Социальное время**» имеет широкую географию. Он включает в себя 13 статей авторов, представляющих различные вузовские и научные центры России и зарубежья. Три главных раздела журнала представлены работами исследователей из Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Барнаула, Краснодара, Симферополя, Обнинска, Шадринска, Йошкар-Олы, Софии.

Раздел «Философия» открывает статья М. Г. Годарева–Лозовского (Смольный институт РАО, Санкт-Петербург), исследующего взаимосвязь кинематической интерпретации волновой функции и метатеоретического принципа соответствия. Автор из Татарстана Е. Ю. Захарова (Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова, Нижнекамский филиал) посвятила свое исследование антропологическим практикам или «заботе о себе» в античности и средневековье (по М. Фуко). Статья А. М. Савельева (Институт философии РАН, Москва) посвящена философско-методологическому анализу инновационной политики современных Соединенных Штатов Америки. Крымский автор А. С. Филатов (Таврическая академия Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, Симферополь) представляет результаты анализа формирования исследовательского инструментария феномена свободы в экологической деятельности. Автор из Йошкар-Олы В. В. Хренков (Поволжский государственный технологический университет) исследует в своей статье феномен коммерческой рекламы в обществе потребления как фактор ограничения человеческой субъектности.

Раздел «Социология» начинается статьей барнаульских авторов Т. А. Асеевой и Я. Ю. Шашковой (Алтайский государственный университет). Их анализ посвящен оценке эффективности государственной молодежной политики и ее информационного компонента школьниками регионов Юго-Западной Сибири. Болгарский ученый П. А. Атанасов из Софийского университета «Св. Кл. Охридски» исследует в своей статье репутационные кризисы онлайн. В центре внимания А. А. Возмителя (Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва) находятся интеграцион-

ные проекты России, их проблемы и перспективы развития. В статье О. М. Коморниковой (Шадринский государственный педагогический университет) исследуется роль человеческого капитала в становлении гражданского общества в России. В. А. Нежданов (Среднерусский гуманитарно-технологический институт, Обнинск) и Ю. М. Ромашов (Центр геопространственного экономического анализа МГУ им. М. В. Ломоносова, экономический факультет, Москва) посвятили свою работу анализу особенностей развития локальной северо-восточной системы расселения Калужской области России.

Раздел «История» открывает статья автора из Краснодара О. О. Айвазян (Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма), которая в фокус своего исследования поместила особенности правовой коммуникации как социального института в концепциях мыслителей Древнего мира в формировании коммуникативно-правовой культуры личности. Д. А. Барташевич и С. Н. Гавров (Департамент политологии Финансового университета при правительстве РФ, Москва) в контексте истории, культуры и традиций анализируют в своей статье особенности восприятия французов и россиян. Политические настроения советского провинциального общества середины 50-х гг. XX века оказались в центре внимания статьи авторов из Йошкар-Олы Л. Г. Мокроусовой и А. Н. Павловой (Поволжский государственный технологический университет).

Редколлегия «SocioTime / Социальное время» приветствует оригинальные исследовательские работы авторов из России и зарубежных стран, посвященные творческому осмыслению актуальных процессов и проблем развития человека и общества в профиле основных разделов журнала. Отдавая дань уважения маститым авторам, особое внимание редколлегия уделяет поддержке молодых исследователей, стремясь сохранить и развить научный диалог поколений, представляющих различные пространственно-временные континуумы науки, культуры, мировоззрения и общества, в том числе в международном формате.

Уважаемые коллеги, мы ждем Ваши работы и открыты для обсуждения и дискуссий. Журнал «SocioTime / Социальное время» – это, несомненно, Ваше социальное время, здесь и сейчас!

Адрес редакции: 424000, Йошкар-Ола, пл. Ленина 3, Поволжский государственный технологический университет, факультет социальных технологий, каб. 426, 430а. E-mail: sociotime@volgategh.net, ksnt@volgategh.net. Тел. редакции: 8-8362-686800.

С требованиями к оформлению статей, правилами их публикации, а также онтологией выпусков можно ознакомиться на сайте журнала (<https://www.volgategh.net/sociotime/>) и в системе Elibrary.

УДК 114

DOI: 10.25686/2410-0773.2020.1.9

КИНЕМАТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ВОЛНОВОЙ ФУНКЦИИ И МЕТАТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП СООТВЕТСТВИЯ

М. Г. Годарев-Лозовский

Смоленский институт Российской академии образования, Санкт-Петербург (Россия)

Введение. Общепринятая в настоящее время вероятностно-статистическая интерпретация волновой функции требует дополнения и развития. Предлагаемая кинематическая интерпретация волновой функции, решая эту задачу, включает в себя идею отсутствия скрытых параметров траекторного и темпорального движения микрообъекта, а также идею математической мнимости элементарного перемещения квантовой частицы.

Методы. Как следствие предлагаемой интерпретации в самом общем виде впервые реализовано логико-математическое описание квантового туннелирования частицы. В основе предлагаемой кинематической интерпретации волновой функции лежит сформулированный нами метатеоретический принцип соответствия множеств чисел фундаментальным понятиям, таким как пространство, время, материальная среда и движение.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. В связи с предлагаемой концепцией также проанализированы основные логические дилеммы, перед которыми стоит современная физика, и с их помощью обозначен индуктивный вывод обозначенного выше принципа соответствия.

Заключение. Впервые в истории науки и философии на основе разрешения апорий Зенона получена числовая оценка фундаментальных понятий: пространство, время, движение и взаимодействие. При этом обнаружилось, что каждому понятию соответствует свое число.

Ключевые слова: пространство, время, движение, бестраекторность, материальная среда, числовое множество.

Введение. «Волновая механика оперирует с волновой функцией Ψ , которую, по крайней мере, в случае одной частицы, можно наглядно изобразить в пространстве» [3, с. 308]. Целью настоящего исследования является развитие и углубление господствующей статистической интерпретации волновой функции на основе методологического принципа соответствия в науке. Известно, что каждая фундаментальная теория имеет определенные границы применимости. Так, в квантовой механике принципом соответствия называется утверждение о том, что поведение квантово-механической системы стремится к классическому образу при больших квантовых числах. При этом метатеоретический уровень познания предполагает единое теоретическое построение, которое может включать

утверждения из совершенно разных областей науки и философии. Осмысление возможности математического описания природы является одной из главных задач философии естествознания. Предлагаемое исследование на современном уровне научного знания претендует на решение этой задачи, в чем и заключается его новизна и актуальность.

Известно, что математическое выражение, описывающее волну де-Бройля, называется волновой функцией. В общем случае волновая функция $\Psi(x, y, z, t)$ зависит от трех пространственных переменных и времени [15, с. 123, 144]. Если физик знает условия, в которых микрообъект движется, то он может решить уравнение Шредингера и узнать функцию Ψ . Полагают, что волновая функция исчерпывающе описывает потенцию состояний микрообъекта и с помощью математических операторов показывает, какие значения могут принимать связанные с частицей физические величины. Однако статистическая интерпретация ничего не говорит о том, *как* реализуются «квантовые скачки координат» [1, с. 181-185]. Предлагаемая кинематическая интерпретация волновой функции строится в рамках статистической интерпретации, сохраняя все её характерные признаки, а именно: полноту описания при помощи Ψ ; наличие физического смысла у $|\Psi|^2$; комплекснозначность Ψ и т.д. [12, с. 113-118].

Если бы время было непрерывным, то его течение по несчетному множеству собственных значений логически отсутствовало бы. Мы полагаем, что множество точек отрезка реального непрерывного пространства соответствует несчетному множеству, а множество точек времени соответствует счетному множеству потому, что только временные, а не пространственные точки подчиняются отношению «следует непосредственно за». Крупный философ XX века А. Койре относительно апорий Зенона проницательно заметил: «Возникающие трудности не касаются движения как такового, они относятся к нему лишь постольку, поскольку движение происходит *во времени и в пространстве*» [10, с. 27-50].

Методы. Кинематическая интерпретация волновой функции

Тезис № 1: *скрытые параметры темпорального движения микрообъекта отсутствуют.* Атемпоральность движения квантового микрообъекта связана с наличием в уравнении Шредингера мнимого коэффициента при производной от пути по времени, т.е. с отсутствием классической скорости у квантовой частицы и с отсутствием вектора скорости в определении импульса микрообъекта. «В квантовой механике не существует понятия скорости частицы в классическом смысле, т.е. как предела, к которому стремится разность координат в два момента времени, деленная на интервал между этими моментами» [11, с. 17]. При этом необходимо учитывать, что групповая скорость может быть характерна не для собственно микрообъекта как такового, но для связанного с ним волнового пакета.

Тезис № 2: *скрытые параметры траекторного движения микрообъекта отсутствуют.* Бестраекторность квантового микрообъекта связана с неравенствами Гейзенберга, в соответствии с которыми у квантового микрообъекта в следующий за измерением сколь угодно малый промежуток времени присутствует неопределенность координаты, которая в пределе может быть сколь угодно

но велика. Если моментов времени дано счетное множество, то траектория микрообъекта в пространстве обязательно должна быть разрывной. В случае, например, прямой линии такое движение означает, что, зафиксировав нахождение частицы в начале и в конце непрерывного отрезка, мы вынуждены заключить, что во всех промежуточных его точках она не была, но туннелировала через них.

Тезис № 3: имеющая математический смысл комплекснозначности волновая функция Ψ исчерпывающе описывает квантовую систему и её перемещения, а квадрат её модуля $|\Psi|^2$ имеет физический смысл плотности вероятности обнаружения частицы в некотором объеме пространства. При этом имеющее метафизический смысл *движение квантового микрообъекта математически мнимо*.

Поясняющая данную интерпретацию аксиома: *у квантового микрообъекта недостаточно элементов счетного множества времени, чтобы двигаться темпорально, и имеется избыток элементов несчетного множества пространства, чтобы двигаться траекторно, поэтому его движение мнимо*.

Возможное описание квантового туннельного эффекта на основе предлагаемой интерпретации. Л. В. Келдыш в течение всей жизни занимался изучением туннельного эффекта, который, по его мнению, является следствием уравнения Шредингера, но этим уравнением *не описывается* [9, с. 1059-1072]. Это означает, что собственно туннелирование микрообъекта, не имея математического описания, пусть в самом общем виде, но все же в нём нуждается. В связи с туннелированием, М.В. Давидович пишет, что волновая функция частицы, «набегающей на барьер», в динамике, – это волновой пакет, для которого импульсы распределены в некоторой области (строго говоря, в бесконечной), при этом «размыта» и координата, т.е. она определена с некоторой плотностью вероятности [7, с. 443-446]. Однако представить себе туннелирование как элементарное перемещение микрообъекта?

А. Борель писал, что нельзя указать процедуру, которая позволяла бы получить все множество несчетных значений разрывной функции одного вещественного переменного от 0 до 1, т.е. добраться до произвольного значения за некоторое ограниченное время. Но еще К. Гаус, говоря об интегралах с мнимыми пределами, отмечал, что непрерывный переход в них от одного значения x к другому $a+bi$ совершается по линии и бесконечно многими способами [6, с. 340; 360]. Иначе говоря, нельзя представить себе путь квантовой частицы как последовательное, поточечное движение в реальном пространстве, но его можно представить как математически непрерывный путь точки в плоскости комплексного переменного. Важно осознавать, что реальный микрообъект, испытывая атемпоральный «скачок координат» при туннелировании, *не исчезает в математическую мнимую плоскость*, а непрерывно присутствует в пространстве реальном, физическом.

Предлагается следующая онтологическая интерпретация элементарного перемещения микрообъекта при туннелировании. Физическое взаимодействие в прошлый необратимый момент времени, характеризуемое числом (-1), порождает потенцию и актуализированность последующего перемещения микрообъекта, описываемые как извлечение из этого числа квадратных корней, т.е. $\sqrt{-1}$, с ре-

зультатами i ; $-i$. В свою очередь, умножение потенции на актуализированность т.е. i^* ($-i$), порождает новое физическое взаимодействие микрообъекта со средой на новом месте, в будущий момент времени, характеризуемое числом 1. При этом приращение от одной точки к другой на оси времени означает, что мы перешли от одной точки в соседнюю, непосредственно следующую за предыдущей. Однако приращение от одной точки к другой в непрерывном пространстве означает, что мы перескочили через несчетное множество промежуточных точек.

Метатеоретический принцип соответствия. Формулировка принципа. Конкретному понятию соответствует определенное числовое множество, как то: *времени соответствует всюду плотное множество рациональных чисел, между разделенными классами которых существуют пробелы. При этом отрицательные числа соответствуют прошлому, а положительные – будущему. Физическим взаимодействиям соответствует нигде не плотное множество целых чисел, между классами которых существуют скачки. При этом 0 соответствует отсутствию взаимодействий при отсутствии течения времени. Материальной мировой среде соответствует множество иррациональных чисел; заполненному пространству – действительных, а мысленно освобожденному – актуально бесконечно малая (большая) в нестандартном анализе; и, наконец, движению соответствует множество чисто мнимых чисел и кватернионов.*

Пояснения к предлагаемому принципу

Рациональные числа, между разделенными классами которых математически существуют пробелы, соответствуют множеству элементов времени [8, с.12-25]. Пробелы связаны с невозможностью локализовать во времени элементарное перемещение микрообъекта, при этом его физические взаимодействия дискретны и вполне локализуемы во времени. В первоначальной версии предлагаемого принципа мы полагали, что времени соответствует множество целых чисел, ведь пополнение множества времени новыми элементами реализуется аналогично пополнению математической системы натуральных чисел, т.е. только за счет таких действий, как сложение и умножение. Однако это предположение не получило должного обоснования [5, с. 46-48]. Иррациональные числа соответствуют множеству элементов мировой материальной среды потому, что «природа не терпит пустоты» и она, эта среда, непрерывна. Математически в несчетных множествах при сечении не существует ни скачков, ни пробелов и, соответственно, имеется одно единственное число, которое это сечение производит.

Интересно, что взаимодействия микрообъекта с иррациональной средой вполне рациональны. Мировая материальная среда в целом неподвижна. Но поскольку известно, что свойства системы в целом не сводятся к сумме свойств её элементов, постольку на локальном уровне имеет место следующее. Среда взаимодействует с квантовым микрообъектом, в результате чего, например, изменяется импульс частицы. При этом поле есть средство описания взаимодействий реальных частиц с частью мировой среды; например, виртуальные полевые частицы действительно описывают квантовые электромагнитные взаимодействия реальных частиц, но без участия мировой среды.

Но, может быть, квантовая механика логически согласуется с пространством-временем в теории относительности? Вот что по этому поводу писал

Э. Шредингер: «Выделенный характер времени делает квантовую механику в ее современной интерпретации от начала и до конца нерелятивистской теорией... [19, с. 265]. К тому же добавим, что квантовая частица в отличие от релятивистской не имеет мировой линии, а само уравнение Шредингера – релятивистски не инвариантно. Если справедлива теория относительности, то роль материальной среды играет пространственно-временной континуум, однако эксперимент показывает обратное. Б. Уоллес в 1969 г. обработал данные о восьми радарных наблюдениях Венеры. Обработка была проведена на основе двух гипотез: по модели постоянства скорости света (С-модель) и по модели сложения скорости распространения радиоволн со скоростью наблюдателя (С+V-модель). Анализ Уоллеса заключался в сравнении расчётных данных искажённых радиусов орбиты Венеры по астрономическим таблицам Ньюкома и расчетных данных радиолокационных измерений. Сравнение результатов двух моделей неопровержимо свидетельствовало в пользу С+V-модели [17, с. 258-267; 16, с. 85-108]. Если, например, со спутника, летящего на высоте 500 км, «выстреливать» лазером по мишени на Земле, то луч всегда уходит на 13 метров вперед, т.е. скорость спутника добавляется к скорости света. Таким образом, теория относительности справедлива лишь в некотором приближении.

Действительные числа соответствует множеству элементов заполненного материей реального, трехмерного, евклидова пространства потому, что понятие «материя в пространстве и времени» логически складывается из рациональных взаимодействий микрообъектов с иррациональной средой в непрерывном пространстве и всюду плотном времени. Важно помнить, что ещё Д. Гильбертом доказано, что геометрия Евклида непротиворечива, если непротиворечивы логическая структура арифметики и система действительных чисел. Известно, что действительных, или иначе, вещественных чисел – несчетное множество, а действительное число может иметь бесконечное множество знаков после запятой, но само оно не является ни актуально бесконечно большим, ни актуально бесконечно малым. «Понятия бесконечно большого и бесконечно малого теорией действительных чисел в собственном смысле слова из рассмотрения исключаются» [4, с. 64-65].

Актуально бесконечно большая (малая) в нестандартном анализе логически соответствует мысленно освобожденному от материи пространству либо его элементу в силу особого свойства – быть именно актуально бесконечно большой (малой) величиной [18, с. 128].

Чисто мнимые числа соответствуют элементам движения потому, что математическое действие с комплексным числом вида $z0 = a + i*b$ тоже обладает особым свойством: оно позволяет, скачком перемещаясь по вещественной прямой, непрерывно сдвигаться в комплексной плоскости. Таким образом, движение (элементарное перемещение микрообъекта) можно определить как *скачок координат в реальном, непрерывном пространстве, наполненном средой, сопровождающийся математическим пробелом во времени и описываемый как непрерывный путь точки в плоскости комплексного переменного* [14, с. 15-17]. При этом в случае рассмотрения множества синхронных элементарных перемещений, каж-

дое из которых реализуется в своей плоскости реального пространства, логически допустимо рассматривать движение точек в евклидовом векторном пространстве размерностью четыре с использованием алгебры кватернионов [14, с. 54-65]. Ведь не случайно некоммутативная алгебра так естественно вписалась в математический аппарат квантовой механики.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение.

С учетом предложенного выше метатеоретического принципа философский вопрос о том, что первично – материя или движение – можно свести к вопросу о том, какая математическая система чисел – комплексных или действительных – является более общей? А вопрос о том, что первично – дискретность или непрерывность – допустимо свести к вопросу: что произойдет, если мы из несчетного множества чисел вычтем счетное множество? Перед наукой, кроме того, возникают также следующие фундаментальные вопросы.

Пять логических дилемм современной физики. *Течение времени либо его непрерывность.* Если бы время было непрерывным, то его движение по несчетному множеству собственных значений логически отсутствовало бы [13, с. 150]. Однако время является динамической переменной величиной, принимающей ряд дискретных значений. Множество точек отрезка реального непрерывного пространства соответствует несчетному множеству, а множество точек времени соответствует счетному множеству потому, что только временные (но не пространственные!) точки подчиняются отношению «следует непосредственно за».

Темпоральность перемещения квантового микрообъекта либо наличие у него координаты. Мы полагаем, что микрообъект, в отличие от движения во времени, с необходимостью должен иметь координату. Дело в том, что волновая функция всякой частицы нормирована, что означает *обязательное нахождение микрообъекта где-либо в пространстве.* Однако вектор скорости у микрообъекта отсутствует, что с определенностью говорит об отсутствии у него такой динамической характеристики, как темпоральность движения.

Бестраекторность перемещения квантового микрообъекта, либо дискретность пространства. В наше время бестраекторность перемещения квантового микрообъекта в пространстве является общепризнанным научным фактом, который теоретически обосновывается неравенствами Гейзенберга импульс – координата. Необходимо осознать, что если бы реальное пространство было дискретным, то перемещение квантовой частицы в каком-либо частном, отдельном случае могло бы быть траекторным, т.е. микрообъект мог бы двигаться в пространстве, последовательно перебирая все точки своего пути, что абсолютно невозможно в случае непрерывного и неподвижного пространства. Однако, как известно, траекторное движение квантовой частицы полностью отсутствует.

Бестраекторность и атемпоральность движения квантового микрообъекта, либо вещественность его движения. Бестраекторность и атемпоральность движения квантового микрообъекта логически указывает на невозможность описать его движение *только вещественными* числами. В следующий за измерением сколь угодно малый промежуток времени координата частицы может принимать множество значений, включая сколь угодно удаленные. Но как описать «скачок

координат» микрообъекта? Мы полагаем, что это возможно, если привлечь понятие «пути точки в плоскости комплексного переменного» (см. разд.: Пути в плоскости комплексного переменного [14, с. 15-19]).

Мировая материальная среда либо вакуум. Известно, что расчеты, учитывающие взаимодействие электрона с его собственным излучением, приводят к бесконечным значениям энергии и, соответственно, массы электрона. Представляется, что одна из причин расходимостей в теоретической физике связана с игнорированием потенциально бесконечной энергии, которой обладает не частица, но иррациональная в математическом смысле мировая материальная среда.

Заключение. Проанализировав господствующую статистическую интерпретацию волновой функции, мы нашли логически и эмпирически обоснованную возможность дополнить и расширить эту интерпретацию до кинематической интерпретации. С помощью новой, расширенной статистической интерпретации мы в самом общем виде описали кинематику квантового микрообъекта. При этом обнаружилось, что допустимо индуктивно вывести соответствие фундаментальных понятий числовым множествам, т.е. принцип, который лежит в основании кинематической интерпретации волновой функции.

Список литературы

1. Аккарди Л. Диалоги о квантовой механике. Москва – Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2004. 447 с.
2. Бор Н. Избранные научные труды. Т.2. Москва: Наука, 1971. 676 с.
3. Борн М. Физика в жизни моего поколения. Москва: Изд-во иностранной литературы, 1963. 465 с.
4. Гильберт Д., Бернайс П. Основания математики. Логические исчисления и формализация арифметики. Гл.2, п.4: «Нефинитные методы в анализе». Москва: Наука, 1979. 558 с.
5. Годарев-Лозовский М.Г. Числовая определенность фундаментальных понятий на основе решения апорий Зенона в натурфилософии исламского мыслителя Ибрахима ибн Саййар ан-Наззама // Россия – Сирия. Гуманитарный диалог во имя сохранения традиционных ценностей в современном мире: материалы 2-й международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 2018. С. 46-48.
6. Даан–Дальмедико А., Пейффер Ж. Пути и лабиринты. Очерки по истории математики. Москва: Мир, 1986. 431 с.
7. Давидович М.В. О парадоксе Хартмана, туннелировании электромагнитных волн и сверхсветовых скоростях // Успехи физических наук. 2009. Т. 179, № 4. С. 443-446.
8. Дедекиндр Р. Непрерывность и иррациональные числа. Москва: URSS, 2016. 48 с.
9. Келдыш Л.В. Динамическое туннелирование // Вестник Российской академии наук. 2016. № 12. С. 1059-1072.
10. Ко́йре А. Очерки истории философской мысли. Заметки о парадоксах Зенона. Москва: Прогресс, 1985. 269 с.
11. Ландау Л.Д., Лифшиц Е.М. Квантовая механика. Нерелятивистская теория. Москва: Государственное издательство физико-математической литературы, 1963. 702 с.
12. Липкин А.И. Основания физики. Москва: URSS, 2014. 207 с.
13. Лосев А. Ф. Античная философия истории. Москва: Наука, 1977. 205 с.
14. Понтрягин Л.С. Обобщения чисел. Москва: Наука, 1986. 117 с.
15. Севальников А.Ю. Интерпретации квантовой механики. В поисках новой онтологии. Москва: URSS, 2009. 189 с.
16. Толчельникова-Мури С.А. Радарные наблюдения Венеры как практическая проверка СТО // Известия вузов. Геодезия и аэрофотосъемка. 2001. № 6. С. 85-108.

17. Уоллес Б. Проблема пространства и времени в современной физике. Проблемы исследования Вселенной. Проблемы пространства и времени в современном естествознании. Вып. 15. Санкт-Петербург, 1991. 420 с.

18. Успенский В. А. Что такое нестандартный анализ? Москва: Наука, 1987. 128 с.

19. Шредингер Э. Специальная теория относительности и квантовая механика: Эйнштейновский сборник. Москва: Наука, 1982-1983. 363 с.

Авторская справка

ГОДАРЕВ-ЛОЗОВСКИЙ Максим Григорьевич, руководитель философского семинара Смольного института Российской академии образования, г. Санкт-Петербург, Россия. E-mail: godarev-lozovsky@yandex.ru.

UDC 114

DOI: 10.25686/2410-0773.2020.1.9

KINEMATIC INTERPRETATION OF WAVE FUNCTION AND METATHEORETIC PRINCIPLE OF CORRESPONDENCE

M. G. Godarev-Lozovsky

Smolny Institute of Russian Academy of Education, St. Petersburg (Russia)

Introduction. The currently accepted probabilistic-statistical interpretation of the wave function needs to be supplemented and developed. The proposed kinematic interpretation of the wave function, solving this problem, includes the idea of absence of hidden parameters of the trajectory and temporal motion of the microscopic object, as well as the idea of mathematical imaginary elementary movement of a quantum particle.

Methods. As a consequence of the proposed interpretation, the logical-mathematical description of quantum tunneling of a particle is given for the first time in the most general form. The proposed kinematic interpretation of the wave function is based on the formulated metatheoretic principle of correspondence of sets of numbers to fundamental concepts, such as space, time, material medium and motion.

Results. In connection with the proposed concept, the main logical dilemmas faced by modern physics are also analyzed and with their help the inductive conclusion of the above-defined principle of compliance is indicated.

Conclusions. For the first time in history of science and philosophy based on the resolution of Zeno's aporia, a numerical evaluation of the fundamental concepts of space, time, movement and interaction was obtained. It was found that a specific number corresponds to each concept.

Keywords: space, time, motion, non-vector nature, material medium, numerical set.

References

1. Akkardi L. Dialogi o kvantovoy mekhanike [Dialogues on quantum mechanics]. Moscow – Izhevsk: Institut komp'yuternykh issledovaniy [Institute of Computer Research], 2004, 447 p.
2. Bor N. Izbrannye nauchnye trudy [Selected scientific works]. Vol. 2. Moscow: Nauka [Science], 1971, 676 p.
3. Born M. Fizika v zhizni moego pokoleniya [Physics in the life of my generation]. Moscow: Izd. Inostrannoy literatury [Foreign Literature publishing house], 1963, 465 p.
4. Gilbert D., Bernais P. Osnovaniya matematiki. Logicheskie ischisleniya i formalizatsiya arifmetiki, gl.2, p.4 "Nefinitnye metody v analize" [Bases of Mathematics. Logical Calculus and Formalization of Arithmetic, Chapter 2, Item 4 "Nephrinite Methods in Analysis"]. Moscow: Nauka [Science], 1979, 558 p.

5. Godarev-Lozovskiy M.G. Chislavaya opredelennost' fundamental'nykh ponyatiy na osnove resheniya aporiy Zenona v naturfilosofii islamskogo myslitelya Ibrakhima ibn Sayyar an-Nazzama [Numerical certainty of fundamental concepts based on the solution of Zenon 's apores in the naturphylosophy of Islamic thinker Ibrahim ibn Sayyar al-Nazzama], *Rossiya – Siriya. Gumanitarnyy dialog vo imya sokhraneniya traditsionnykh tsennostey v sovremennom mire* [Russia - Syria. Humanitarian dialogue for the sake of preserving traditional values in the modern world]. Proceedings of the 2nd International Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, 2018, Pp. 46-48.

6. Daan-Dalmediko A., Peiffer J. Puti i labirinty. Ocherki po istorii matematiki [Ways and Labyrinths. Essays on the history of mathematics]. Moscow: Mir, 1986, 431p.

7. Davidovich M. V. O paradokse Khartmana, tunnelirovaniy elektromagnitnykh voln i sverkhsvetovyykh skorostyakh [On Hartman's Paradox, Electromagnetic Wave Tunneling, and Super Light Velocities], *Uspekhi fizicheskikh nauk* [Successes of Physical Sciences], 2009, Vol. 179, No. 4, Pp. 443-446.

8. Dedekind R. Nepreryvnost' i irratsional'nye chisla [Continuity and irrational numbers]. Moscow: URSS [URRS]. 2016. 48 p.

9. Keldysh L.V. Dinamicheskoe tunnelirovanie [Dinamic tunneling], *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk* [Journal of the Russian Academy of Sciences], 2016, No. 12, pp. 1059-1072.

10. Koyre A. Ocherki istorii filosofskoy mysli. Zametki o paradoksakh Zenona [Essays of the history of philosophical thought. Notes on Zenon 's paradoxes]. Moscow: Progress [Progress], 1985, 269 p.

11. Landau L. D., Lifshits E. M. Kvantovaya mekhanika. Nerelyativistskaya teoriya [Quantum Mechanics. Non-relativistic theory], Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo fiziko-matematicheskoy literatury [State Publishing House of Physical and Mathematical Literature], 1963, 702 p.

12. Lipkin A.I. Osnovaniya fiziki [Foundations of Physics]. Moscow: URSS [URRS], 2014, 207 p.

13. Losev A. F. Antichnaya filosofiya istorii [Ancient Philosophy of History]. Moscow: Nauka [Science], 1977, 205 p.

14. Pontryagin L.S. Obobshcheniya chisel [Generalization of number]. Moscow: Nauka [Science], 1986, 117 p.

15. Seval'nikov A. Yu. Interpretatsii kvantovoy mekhaniki. V poiskakh novoy ontologii [Interpretations of quantum mechanics. In search of a new ontology]. Moscow: URSS, 2009, 189 p.

16. Tolchel'nikova-Muri S. A. Radarnye nablyudeniya Venery kak prakticheskaya proverka STO [Radar observations of Venus as a practical check of STO], *Izvestiya vuzov. Geodeziya i aerofotos"emka* [News of higher education institutions. Geodesy and aerial photography], 2001, No. 6, pp. 85-108.

17. Uolles B. Problema prostranstva i vremeni v sovremennoy fizike. Problemy issledovaniya Vselennoy. Problemy prostranstva i vremeni v sovremennom estestvoznaniy [The problem of space and time in modern physics. Problems of universe exploration. Problems of space and time in modern natural science], iss. 15, Saint Petersburg, 1991, 420 p.

18. Uspenskiy V. A. Chto takoe nestandartnyy analiz? [What is a non-standard analysis?]. Moscow: Nauka [Science], 1987, 128 p.

19. Shredinger E. Spetsial'naya teoriya odnositel'nosti i kvantovaya mekhanika. Eynshteynovskiy sbornik [Special relativity and quantum mechanics. Einstein's collection]. Moscow: Nauka [Science], 1982-1983, 363 p.

Author's Bio

GODAREV-LOZOVSKY Maxim Grigoryevich, Head of the Philosophical Seminar of Smolny Institute of Russian Academy of Education, St. Petersburg, Russia. E-mail: godarev-lozovsky@yandex.ru.

Библиографическая ссылка

М. Г. Годарев–Лозовский. Кинематическая интерпретация волновой функции и метатеоретический принцип соответствия // SocioTime / Социальное время. – 2020. – № 1(21). – С. 9-17. – DOI: 10.25686/2410-0773.2020.1.9

УДК 101.1

DOI: 10.25686/2410-0773.2020.1.18

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ, ИЛИ "ЗАБОТА О СЕБЕ" В АНТИЧНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ ПО М. ФУКО

Е. Ю. Захарова

*Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова, Казань (Россия),
Нижекамский филиал, Нижнекамск (Россия)*

Введение. Цель работы – показать, что несмотря на актуальность проблемы исчезновения субъекта из научного знания, как указывают многие философы, в науке была попытка вернуть субъекта самим же М. Фуко, теория которого с ещё большим раскрытием продолжила своё существование в рамках синергичной антропологии.

Методы. В работе используется теоретический контент-анализ работы М. Фуко «Герменевтика субъекта» через контент «антропологические практики» и близкие ему понятия. Применяется также сравнительно-исторический метод при анализе антропологических практик античности и средневековья, проводится сопоставление с подобными практиками у П. Адо.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. В данной статье автор поднимает проблему «исчезновения» субъекта из научного познания. Анализирует попытку вернуть субъекта французским социологом и философом Мишелем Фуко, обращаясь к антропологическим практикам античности и средневековья. Раскрывая сущность понятий «забота о себе», «практика себя», «stultitia», «обращение к себе», М. Фуко показывает, насколько важен был субъект в античности, средневековье и Возрождении и как он потерял свою актуальность в период Нового времени. Вернуть субъекта в XX в. не удалось, однако теория М. Фуко становится базисом для других современных фундаментальных направлений (такого, например, как синергичная антропология).

Заключение. Проблема субъекта, поднятая Мишелем Фуко, не перестаёт быть актуальной в современной науке и находит своё продолжение в работах по синергичной антропологии С. Хоружего, О. Агапова, которые предлагают новый подход рассмотрения индивида: не как субстанциальной личности, а как энергичной личности, способной к трансформациям и изменениям. Если М. Фуко удалось показать в противоположность «практике себя» статус – человека, который ни к чему не стремится, не старается что-то запомнить и позволяет своей жизни просто утекать, то С. Хоружий удачно раскрывает, как в онтологической «топике» при восхождении к «антропологической границе» происходит новое осмысление себя субъектом. Дальнейшая проработка поставленной проблемы требует применения данного подхода к анализу современной действительности в качестве нового методологического подхода.

Ключевые слова: антропологические практики, «практика себя», «забота о себе», «обращение к себе».

Введение. После открытия Фрейдом бессознательного в человеке, казалось, что человек стал ясен и понятен и изучать в нём нечего больше. Психология как наука взяла на себя обязательства объяснить человека и долгое время оказывала влияние на другие науки. Именно это заставило М. Фуко объявить, что «человека не существует». Попытки философов начала и середины XX века показать, что человек не есть просто Оно, Я и Сверх-Я, оказались неуспешными [3; 9; 11; 12]. Поэтому М. Фуко постоянно заставляет нас обращаться к античной философии и

продолжать поиски человека. И прежде чем рассматривать понятие «практика себя», он предлагает рассмотреть введённое Сократом понятие «забота о себе».

Методы. В работе используется теоретический контент-анализ работы М. Фуко «Герменевтика субъекта» через контент «антропологические практики» и близкие ему понятия. Применяется также сравнительно-исторический метод при анализе антропологических практик античности и средневековья, проводится сопоставление с подобными практиками у П. Адо.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Античное предписание «забота о себе» М. Фуко рассматривает в своей знаменитой работе «Герменевтика субъекта», частным случаем которого он считает предписание «Познай самого себя». При этом, согласно Фуко, оба термина были введены Сократом, и уже Сократом «забота о себе, таким образом, должна рассматриваться как момент пробуждения» [7, с. 9]. И этого принципа придерживались философы эллинистического, римского и средневекового периодов.

«Забота о себе предполагает некий способ слежения за тем, о чем ты думаешь, что делается у тебя в душе» [7, с. 12]. В качестве синонимов термина «забота» употреблялись также понятия «упражнение» и «размышление». Фуко отмечает, что «Erimelēia» включает действия, которые субъект производит над самим собой, изменяет себя, становится другим, преобразуется. Так субъект берет на себя заботу о себе. Поэтому античные философы разработали множество практик по медитации, обращению с прошлым, досмотру сознания и т. п., некоторые из них до сих пор существуют в европейской культуре [7, с. 12].

Таким образом, «забота о себе», по мнению Фуко, обязательно включает факт преобразования, который влечёт за собой различные специальные практики: очищение, отречение, выносливость, обращение, изменение образа жизни – их совокупность Фуко называется «духовностью». Преобразоваться же субъект может в рамках двух форм: в любви (эрос) и труде, т.е. работе над собой (аскеза). Платон считает, что человек должен заботиться о самом себе, поскольку ему нужно будет управлять другими. Забота же о себе состоит в том, чтобы знать самого себя, а уловить самого себя можно только обратившись к божественному. Заботиться о себе могут не все, а лишь люди, обладающие определёнными культурными, экономическими и социальными возможностями (то есть тогда в Греции это были аристократы).

М. Фуко считает, что в I-II в. н.э. смысл понятия «заботы о себе» приобретает другое значение. Во-первых, оно стало требованием, которое предъявлялось абсолютно ко всем, в независимости от возраста и положения. Во-вторых, перестало включать в себя управление другими [7, с. 48]. Именно в этот период забота о себе трансформируется в «практику себя», которая нацелена на формирование индивида, исправление его пороков, «стать таким, каким ты никогда не был» [7, с. 58]. «Практика себя» становится врачебной деятельностью, то есть она направлена на то, чтобы исправлять человека, а не направлять его. Целью же «практики себя» является сам человек, точнее, отношение человека к самому се-

бе. Чтобы прийти к самому себе, по М. Фуко, надо сначала разобрать понятие «Другого». А что значит, прийти к самому себе – это перейти от «не-субъекта» к «субъекту». Помочь осуществить этот переход может учитель, он-то и выступает в качестве «другого». А этим «другим» в античности является конечно же философ, только он способен направить «душу ко благу». Появляется практика наставничества, которая очень подробно описана у Квинтилиана [5], и даже есть практика правильного выбора наставника у Галена, практика взаимоотношений наставника и ученика. По сути, Фуко, так же как Адо [2], приходит к выводу, что в эллинистический и римский периоды философия сама становится практикой.

Фуко вводит и понятие, противоположное «практике себя», взятое им у Сенеки – «*stultitia*», по сути, означающее некое текучее изменчивое состояние, позволяющее субъекту быть открытым всему, проникающим во все и не задерживающимся на чём-то одном. «*Stultus* – это тот, кто ничего не помнит, позволяет своей жизни утекать, не пытается привести ее к единству, запоминая то, что заслуживает запоминания, и не направляет свое внимание, волю к какой-то точной и твердо установленной цели. *Stultus* попусту расходует жизнь, непрестанно меняя свой взгляд на вещи. Т.о, его жизнь протекает без вмешательства памяти и воли. Отсюда свойственная *stultus*’у неизбывная тяга к изменению образа жизни» [7, с. 78]). При этом *stultus* то хочет что-то изменить, то не хочет. Его желание не абсолютно, зависимо, ограничено, переменчиво. Он не способен направить свою волю на самого себя. Поэтому нужен «другой», учитель – философ, поэтому в римский период «практика себя» становится «императивом, правилом, манерой поведения», связанной с философией, при этом она выходит за рамки деятельности философов. Практика себя становится «общественной практикой» [7, с. 92], а областями этой практики становятся диететика, экономика и эротика.

В противоположность «*stultitia*» «практика себя» предполагает определение отношения к реальности, отношения к нормам, существующим в данной реальности, а затем и отношение к себе, после чего субъект воздействует на самого себя с целью познания себя, самосовершенствования, контроля и преобразования. Д.Ю. Дорофеев описывает подобную «практику себя» следующим образом: «Для этого индивид отграничивает часть самого себя, составляющую объект этой моральной практики, определяет свою позицию по отношению к предписанию, которому следует, задаёт самому себе определенный тип бытия, который будет для него иметь ценность морального самоосуществления» [4, с. 353].

Фуко считает, что уже в «Алкивиаде» Сократ выделяет два значения принципа «познай самого себя». С одной стороны, это определённые правила для индивида, которые со временем позволяют ему быть хорошим гражданином или правителем. С другой стороны, это определённые действия, «с помощью которых субъект должен очиститься и приспособить свою природу к контакту с божественным и распознанию в себе самом божественного начала» [7, с. 102]. В неоплатонизме, согласно Фуко, данные понимания ещё больше разводятся. Если Платон считал, что заботиться о самом себе необходимо, чтобы смочь забо-

тяться о других, то в неоплатонизме забота полностью замыкается на самом себе, и ещё более актуальным это становится в средневековье, которое породило множество аскетических практик себя, при этом направлены они были не на то, чтобы найти божественное в себе, а скорее, наоборот, распознать дьявольское.

Каким же образом человек должен заботиться о себе? Беря на себя заботу о себе, человек «должен спросить себя о том, что такое он сам, – что он такое, и что такое вещи, которые суть не он. Он должен спросить о том, что от него зависит, а что нет. И в конце концов, он должен спросить себя, что же ему полагается делать и чего не полагается, сообразуясь с категориями *kathekonta* или *proegmena* и т. д.» [7, с. 115]. Тот человек, который во всём этом разберётся, и сможет заботиться о себе, и выполнять свои общественные обязанности. Заботиться о себе – значит, отворачиваться от всего, что нас окружает, отворачиваться к себе, в центр себя, так Фуко приходит к термину «обращение» как элементу технологии себя. У Платона «обращение» – это способ отвернуться от, повернуться к себе, вспомнить, «вернуться на родину (онтологическую родину)». В эллинистической и римской культурах «обращение» – это возвращение внутри этого мира: отвернуться от того, что от нас не зависит, повернуться к тому, что зависит от нас; это не просто освобождение от тела, это обретение завершённого отношения к самому себе. В христианстве же «обращение» – это внезапное кардинальное изменение самого себя, превращение в себя нового. Однако Фуко не согласен с подобным пониманием и считает, что «обращение» – долгий, непрерывный процесс, целью которого является сам субъект. По его мнению, Плутарх предлагал следующее обращение себя: постигать тайны природы (физиологию), читать историю, отдыхать в деревне и делать некоторые упражнения – тренировка памяти, сознательное воздержание от соблазнов, способность концентрироваться. Сенека же считает, что читать историю не следует, потому что она часто бывает приукрашена, а значит, отвлекает от истины и от реальности; познавать же природу необходимо, потому что познание природы приводит к познанию всего мира, а значит, и к познанию самого себя, при этом предлагается стать свободным, то есть перестать быть рабом самого себя; для этого необходимо не требовать многого от себя и не ждать вознаграждения за свой труд. Познать мир – значит, устремиться к божественному и сверху вниз обзреть этот мир и посмотреть на себя. Иногда даже стоит отойти назад, чтобы соприкоснуться с Богом и увидеть мир и себя в нем. Такое действие позволяет не отворачиваться от мира, а значит, и от самого себя.

Пьер Адо пишет, что ещё в гомеровский период в Греции уделяли большое внимание воспитанию молодого поколения, при этом «у воспитанника стараются выработать качества, подобающие воинам: физическую силу, мужество, чувство долга и высокое понятие о чести; эти достоинства воплощены в великих божественных прародителях, которые берут за образец. Начиная с V в. до н.э., с развитием демократии, города тоже станут проявлять заботу о том, чтобы воспитывать будущих граждан путём упражнения тела и духа (гимнастика и музыка)»

[2, с. 27]. Таким образом, становится понятным, что чтобы воспитать необходимые качества личности, человеку следует осуществлять антропологические практики в спорте, риторике, философии, этике и искусстве. При этом философия охватывает все зарождающиеся науки. И если в классический период развития Греции не предполагалось какого-то специального обучения, то софисты его придумали и даже стали продавать различные учебные курсы не только нужной воспитательной направленности, но и для широкого кругозора; и если первоначально обучать предполагалось молодых людей «благородного происхождения», то в IV в. до н.э. любой гражданин мог осуществлять подобные антропологические практики, если «его влечёт мудрость и любовь к прекрасному» [2, с. 32]. П. Адо раскрывает особые антропологические практики у представителей ремесленничества и искусства. Подобная практика «подчиняется строгим расчётам и правилам и предполагает наставничество и выучку, но, сверх того, требует ещё и содействия какого-нибудь бога, милостиво открывающего ремесленнику или художнику секреты мастерства и помогающего им в их искусстве» [2, с. 33].

Страх перед смертью порождает ещё большее разнообразие антропологических практик: телесных – связанных со стремлением достичь бессмертия путём деторождения, духовных – достижения бессмертия в творении ума, литературном или техническом. К техническому можно отнести строительство городов, образование научных школ и т.п. Своеобразной антропологической духовной практикой являлась и платоновская диалектика, которая по сути своей продолжает метод майевтики Сократа и приобретает в период Платона более организованный порядок духовных упражнений. Платон уделяет внимание и другим духовным практикам: особая «подготовка ко сну», чтобы не снились кошмары и спать недолго; быть спокойными, когда случаются несчастья; духовно готовиться к смерти, избавляя душу от страха перед ней.

В основе «практики себя» у Марка Аврелия, считает Фуко, лежат три принципа: определить, что такое благо для человека, что такое свобода и что такое реальность. К этим принципам добавляются духовные упражнения, которые позволяют удерживать в постоянном внимании все три принципа. «Предмет, образ которого возникает в сознании, все то, что подпадает под представление (*hyporiptontos*), должно быть некоторым образом взято под наблюдение и послужить поводом для того, чтобы начать работу по его определению и описанию» [7, с. 167]. То есть, с одной стороны, надо позволить представлениям течь свободно, а с другой – необходимо всё определять и описывать, а если точнее, определять предмет отдельно, в целом и по составным частям. Затем нужно выявить значимость предмета, то есть определить связи предмета с окружающим миром и его ценность как для мира, так и для человека, узнать, что стоит за этим представлением. В средневековье необходимо было определить источник и природу представления.

П. Адо же считает, что христианство заставило человека ещё больше обратиться к себе, что в свою очередь породило монашеские практики – это и палом-

ничество, и суровая аскеза, и медитация. Заботиться о самом себе – не значит, заботиться о теле и имуществе, это значит – заботиться о разуме и душе. Такие размышления опять приводят к практикам исследования совести. Аскетические же практики должны привести к «победе разума над страстями, вплоть до их полного искоренения» [2, с. 258]. То есть «практика» с подачи философа Евагрия понималась как предварительное очищение перед созерцанием природы и связью с Богом. Очищение – это отключение чувственных страстей. Практика философии позволяла и позволяет «заново научиться видеть мир» [10].

В целом «обращение к себе» связано у Фуко с такими понятиями, как «перемещение» – «смещение субъекта по отношению к себе самому» [7, с. 143] и «возвращение» – возвращение к себе самому. У Платона вернуться к себе – это вспомнить истину. В период эллинизма «обращение к себе» является самоцелью.

В христианстве, в период средневековья, возвращение к себе невозможно, оно, наоборот, заставляет отречься от себя, от своей индивидуальности, слиться с божественным. В средневековье сложились также практики аскезы; Фуко считает, что это практика истины. При этом если в средневековье «аскеза» заставляет отречься от себя, то в античности, наоборот, установить самодостаточное отношение к самому себе, приобрести что-то новое. «Аскеза» – «совокупность, определенная, продуманная последовательность процедур, пригодных для того, чтобы сформировать у индивида, окончательно укоренить в нем, периодически приводить в действие и при необходимости укреплять эту самую *paraskeue*» [7, с. 187]. «*Paraskeue* – это способ (structure) непрерывного преобразования истинных речей, глубоко укорененных в субъекте, в морально приемлемые принципы поведения» [7, с. 187]. Всё это необходимо для того, чтобы научиться духовным упражнениям, о которых говорилось выше. Аскетическая практика в римскую эпоху представляет собой совокупность техник слушания, говорения, молчания, чтения и письма, «упражнение по усвоению и освоению мысли» [7, с. 202].

Фуко делает достаточно глубокий анализ процедур вышеуказанных техник – так, как они понимались в античности. Анализируя техники слушания и говорения, Фуко отмечает, что в «практике себя» античные философы придавали большое значение распознаванию лести и обузданию гнева. Также необходимо было извлекать пользу из трудностей. Аскетические практики в средневековье совсем другие – это детально прописанные каждодневные, ежечасные упражнения, которые заставляют отречься от себя: практики воздержания, молитвы, соблюдение постов, паломничество и т.п. В отличие от античности, эти практики не носят рекомендательный характер, они обязательны. Практики воздержания были и в античности, однако именно в средневековье им уделяется большое внимание и придаётся значение. И ещё большее значение придаётся практикам испытания – да и вся жизнь считается испытанием.

Заключение. В период Возрождения тема возвращение к себе, считает Фуко, становится актуальной и даже превращается в настоящую этику себя и эстетику себя. Попытка вернуться к этике себя была осуществлена и в XIX в. такими

философами, как М. Штирнер, А. Шопенгауэр, А. Ницше, Ш. Бодлер. В XX же веке попытки воссоздать этику себя, по мнению Фуко, потерпела полный крах, хотя и стала насущной проблемой.

Таким образом, проблема субъекта, поднятая Мишелем Фуко, не перестаёт быть актуальной в современной науке и находит своё продолжение в работах по синергической антропологии С. Хоружего, О. Агапова [1; 8], которые предлагают новый подход рассмотрения индивида – не как субстанциальной личности, а как личности энергичной, способной к трансформациям и изменениям. Если М. Фуко удалось показать в противоположность «практике себя» статус – человека, который ни к чему не стремится, не старается что-то запомнить и позволяет своей жизни просто утекать (в современной действительности существуют и такие индивиды), то С. Хоружий удачно раскрывает, как в онтологической «топике» при восхождении к «антропологической границе» происходит новое осмысление себя субъектом. Дальнейшая проработка поставленной проблемы требует применения данного подхода к анализу современной действительности в качестве нового методологического подхода.

Список литературы

1. Агапов О. Д. Энергия общительности (социально-философские этюды). Казань: Познание, 2014. 92 с.
2. Адо П. Что такое античная философия? / пер. с франц. В.П. Гайдамака. Москва: Изд-во гуманитарной литературы, 1999. 320 с.
3. Бодлер Ш. Избранные письма / пер. с франц. под ред. С.Л. Фокина. Санкт-Петербург: Machina, 2012. 366 с.
4. Дорофеев Д. Ю. Под знаком философской антропологии. Спонтанность и суверенность в классической и современной философии: монография. Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2012. 464 с.
5. Квинтилиан. Риторические наставления. Книга I. Режим доступа: <http://ancientrome.ru/antlitrt/t.htm?a=1295581698> (дата обращения 16.07.19).
6. Курс лекций, прочитанных Сергеем Сергеевичем Хоружим в Томском государственном университете в сентябре 2007 / Библиотека «Института синергической антропологии». Режим доступа: http://synergia-isa.ru/?page_id=4301#Н (дата обращения 17.07.2015).
7. Фуко М. Герменевтика субъекта. Режим доступа: https://royallib.com/book/fuko_mishel/germenevtika_subekta.html (дата обращения 17.07.2015).
8. Хоружий С. С. Очерки синергической антропологии Москва: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. 408 с.
9. Шопенгауэр А. Свобода воли и нравственность / общ. ред., сост., вступ. ст. А. А. Гусейнова и А. П. Скрипника. Москва: Республика, 1992. 447, [1] с.
10. Merleau-Ponty M. Phenomenology de la perception. Paris, 1945. P. XVI.
11. Nietzsche F. Also sprach Zarathustra. Ein Buch für Alle und Keinen. Leipzig: C. G. Naumann, 1895. 300 p.
12. Stirner M. Der Einzige und sein Eigenthum. Otto Wigand, Leipzig, 1845.

Авторская справка

ЗАХАРОВА Елена Юрьевна, аспирант (направление 09.00.11), старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин Казанского инновационного университета им. В.Г. Тимирязова, Нижнекамский филиал, г. Нижнекамск, Россия. E-mail: makelur@mail.ru.

UDC 101.1

DOI: 10.25686/2410-0773.2020.1.18

ANTHROPOLOGICAL PRACTICES OR "CARE OF YOURSELF" IN ANTIQUITY AND THE MIDDLE AGES ACCORDING TO M. FUKO

E. Yu. Zakharova

Kazan Timiryasov Innovation University, Kazan (Russia),

Nizhnekamsk Branch, Nizhnekamsk (Russia)

Introduction. The purpose of the work is to show that despite the urgency of the problem of the disappearance of the subject from scientific knowledge, as many philosophers think, in science there was an attempt to return the subject to M. Foucault himself, whose theory continued to exist with even greater disclosure within the framework of synergistic anthropology.

Methods. The work uses a theoretical content analysis of M. Foucault's work *The Hermeneutics of the Subject* through the content of anthropological practices and related concepts. The comparative historical method is also used in the analysis of the anthropological practices of antiquity and the Middle Ages, and P. Ado is compared with similar practices.

Results. In this article, the author raises the issue of the disappearance of the subject from scientific knowledge. He analyzes the French sociologist and philosopher Michel Foucault's attempt to return the subject referring to the anthropological practices of antiquity and the Middle Ages. By revealing the concepts of caring for oneself, practising oneself, stultitia, turning to oneself, M. Foucault shows how important the subject was in antiquity, the Middle Ages and the Renaissance and lost its relevance during the New Age. The attempt to return the subject to the twentieth century failed, however M. Foucault's theory is becoming the basis for other modern fundamental areas, such as for example, synergistic anthropology.

Conclusions. The issue of the subject, raised by Michel Foucault, does not cease to be relevant in modern science and is continued in the works of the synergistic anthropology of S. Khoruzhiy, O. Agapov who offer a new approach to consider the individual not as a substantial person, but as an energetic person capable of transformations and changes. If M. Foucault succeeded in showing, in contrast to the "practice of oneself", a stultus being a person who does not strive for anything, does not try to remember anything and allows his life to simply flow away, S. Khoruzhiy successfully reveals how in the ontological "topic" when climbing to the "anthropological border" there takes place one's new understanding of oneself as a subject. Further study of the problem posed requires the application of this approach to the analysis of modern reality as a new methodological approach.

Keywords: anthropological practices, "practice of oneself", "caring for oneself", "turning to oneself".

References

1. Agapov O. D. Energiya soobshchitel'nosti (sotsial'no-filosofskie etjudy) [Energy of communication (socio-philosophical studies)]. Kazan, Poznanie Publ., 2014. 92 p. (in Russian)
2. Ado P. Chto takoe antichnaya filosofiya? [What is antique philosophy?], translated from French V.P. Gaydamak. Moscow, Izdatel'stvo gumanitarnoy literatury, 1999. 320 p. (in Russian)
3. Bodler Sh. Izbrannye pis'ma [Featured Letters], ed. by S L. Fokin. St. Petersburg, Machina, 2012. 366 p. (in Russian)
4. Dorofeev D. Ju. Pod znakom filosofskoy antropologii. Spontannost' i suverennost' v klassicheskoy i sovremennoy filosofii. [Under the sign of philosophical anthropology. Spontaneity and sovereignty in classical and modern philosophy]. St. Petersburg, Centr gumanitarnykh initsiativ, 2012. 464 p. (in Russian)

5. Kvintilian. Ritoricheskie nastavleniya. Kniga I [Rhetorical instructions. Book I]. Available at: <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1295581698> (accessed 16 July 2019). (in Russian)

6. Kurs lekciy, pročitannykh Sergey Sergeevichem Horuzhim v Tomskom gosudarstvennom universitete v sentjabre 2007 [The course of lectures delivered by Sergey Sergeevich Khoruzhiy at Tomsk State University in September 2007]. Available at: http://synergia-isa.ru/?page_id=4301#H (accessed 17 July 2015) (in Russian)

7. Fuko M. Germenevtika sub"ekta [Hermeneutics of the subject]. Available at: https://royallib.com/book/fuko_mishel/germenevtika_subekta.html (Accessed 17 July 2015) (in Russian)

8. Horuzhiy S. S. Ocherki sinergiy noy antropologii [Essays on Synergy Anthropology]. Moscow, Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy, 2005. 408 p. (in Russian)

9. Shopengaujer A. Svoboda voli i npravstvennost' [Free will and morality], General ed., comp., Intro. art. A. A. Gusejnov i A. P. Skripnik. Moscow, Respublika, 1992. 447, [1] p. (in Russian)

10. Merleau-Ponty M. Phenomenology de la perception. Paris, 1945, p. XVI.

11. Nietzasche F. Also sprach Zarathustra. Ein Buch für Alle und Keinen. Leipzig: C. G. Naumann, 1895. 300 p.

12. Stirner M. Der Einzige und sein Eigenthum. Otto Wigand, Leipzig, 1845.

Author's Bio

ZAKHAROVA Elena Yuryevna, Senior Lecturer of Social and Humanitarian Disciplines
Department of the Kazan Timiryasov Innovation University, Nizhnekamsk Branch,
Nizhnekamsk, Russia. E-mail: makelur@mail.ru.

Библиографическая ссылка

Захарова Е. Ю. Антропологические практики, или «Забота о себе» в античности и средневековье по М. Фуко // SocioTime / Социальное время. – 2020. – № 1(21). – С. 18-26. – DOI: 10.25686/2410-0773.2020.1.18

УДК 330.341(470+571)

DOI: 10.25686/2410-0773.2020.1.27

ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИННОВАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ США

А. М. Савельев

Институт философии Российской академии наук, Москва (Россия)

Введение. Целью статьи является проведение философско-методологического анализа инновационной политики США на современном этапе с целью выявления в ней взаимоотношений, соответствующих классической, неклассической и постнеклассической парадигмам научной рациональности.

Методы. Философский анализ моделей инновационного развития и базовых трендов развития научной рациональности.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. На примере инновационной политики США рассмотрены философско-методологические основания межсубъектного взаимодействия в контексте развития научной рациональности (классической, неклассической, постнеклассической). Выделены базовые элементы инновационной политики США, на основе функций которых проведена типологизация по характеру возникающих в них взаимодействий и доминирующих видов активности.

Заключение. По результатам исследования сделан вывод, что на современном постнеклассическом этапе развития науки возрастает необходимость создания рефлексивных коммуникативных площадок для межсубъектного взаимодействия в рамках инновационной политики.

Ключевые слова: США, инновации, инновационные системы, инновационная политика, постнеклассическая научная рациональность.

Введение. В XXI веке инновационная деятельность стала ключевым слагаемым устойчивости и эффективности экономики государства, укрепления его обороноспособности и роста благосостояния граждан. Можно сказать, что она стала фактором национальной безопасности современных обществ [15]. Одновременно непрерывно усложняющийся процесс накопления научных знаний и усиление их междисциплинарности выдвигают новые требования к инновационной политике. Данные изменения неизбежно затрагивают и инновационную политику государств, изменяя ее сообразно вызовам этапов развития науки. По В.С. Степину, три этапа развития науки можно охарактеризовать как связанные с доминантой одного из трех типов научной рациональности, сменявших друг друга в истории техногенной цивилизации. Это – *классическая, неклассическая и постнеклассическая* рациональности [1, 2]. На современном этапе развития науки происходит становление *постнеклассической модели рациональности*, что ведет к углублению рефлексии над научным познанием, к включению в него проблематики социокультурной детерминации научной деятельности. Познающий субъект теперь должен не только иметь профессиональные знания, но и осуществлять рефлекссию над ценностными основаниями научной деятельности. При этом субъект не является изначально данным, но конструируется в опреде-

ленных социальных институтах в процессе обучения и в коммуникации с другими субъектами познания. В рамках этого процесса совместные познавательные в одной научной дисциплине дополняются деятельностью гетерогенных (с точки зрения научной специализации) исследовательских сообществ. Такие сообщества, по мнению В.С. Степина, выступают как коллективный субъект познания при решении междисциплинарных задач [3].

Методы исследования. Закономерности, обозначенные в учении В.С. Степина, конституируют аппарат философского и методологического анализа инновационной политики государства на современном этапе, позволяя исследователю наилучшим образом типологизировать сложные связи, возникающие между субъектами инновационной деятельности. Тем не менее, ключевые положения учения В.С. Степина требуют дальнейшей конкретизации для успешного формирования аналитической модели, которая будет использоваться в рамках данной работы. Для решения этой задачи наиболее целесообразно воспользоваться идеями российского и американского психолога и математика, основателя теории рефлексии В.А. Лефевра, разработавшего т.н. системный конфигуратор, на основании которого исследователь может обоснованно отбирать принципиально разные представления об объекте исследования для построения своей модели [4]. В свою очередь, российский специалист в области рефлексивных процессов в управлении В.Е. Лепский предложил использовать системный конфигуратор для изучения представлений об управлении в инновационных системах, выбрав в качестве структурных позиций следующие устоявшиеся представления научного анализа:

- философский уровень (философия науки – базовые типы научной рациональности);
- методологический уровень (базовые парадигмы и объекты управления, методология научного подхода) [5].

Предложенная В.Е. Лепским модель конфигуратора особенно ценна тем, что в качестве базовых позиций предлагает использовать учение В.С. Степина о типах научной рациональности. Это обстоятельство в полной мере соответствует цели данной работы, заключающейся в философском и методологическом анализе инновационной политики США на современном этапе.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Инновационная политика США имеет разветвленный характер и представлена большим количеством субъектов (агентств, правительственных организаций, фондов), а также специализированных программ. При этом федеральное правительство США финансирует от 28 до 30 % всех НИОКР в стране и является ответственным исполнителем примерно 11 % НИОКР [6]. Подчеркнем, что государственное регулирование в США в области науки и технологии подразумевает разделение на т.н. непрямую и прямую инновационную политику. Каждому типу политики соответствуют свои организации и типы целеполагания.

Инновационная политика непрямого воздействия представлена мерами косвенного регулирования, которые направлены на создание соответствующей среды, благоприятствующей научно-техническому развитию через систему зако-

нодательных, налоговых и финансовых инструментов, которые в совокупности формируют средовую инфраструктуру инновационной политики в ее узком и широком понимании. Примером таковой политики может служить *Программа обеспечения прав интеллектуальной собственности*, реализуемая Ведомством по патентам и товарным знакам США (US Patent and Trademark Office – USPTO). USPTO осуществляет содействие инновациям на основе Патентного закона Бей-Доэла (Bayh-Dole Act, 1980). По данному закону, университетские лаборатории, некоммерческие научные организации получают права на интеллектуальную собственность, созданную при полном государственном финансировании. Данный механизм поддерживается законом Стивенсона-Уайдлера (Stevenson-Wydler Technology Innovation Act of 1980), устанавливающим обязательный порядок создания государственными научными агентствами, лабораториями и организациями специальных бюро передачи технологий предпринимательскому сектору для их последующего внедрения и коммерциализации. Еще одним важнейшим элементом не прямой инновационной политики в США является *Программа налоговых кредитов в научно-технической сфере*, предоставляющая скидку с налога на прибыль в размере 25 % дополнительных расходов компаний на НИОКР по сравнению с соответствующими среднегодовыми затратами на эти цели за предшествующие три года [7]. Ежегодно она покрывает до 5 % расходов организаций частного сектора на НИОКР.

Как уже отмечалось выше, не прямая инновационная политика представлена в первую очередь мерами государственного регулирования, которые, в свою очередь, зависят от организаций, вырабатывающих основы Национальной инновационной системы. К таковым организациям на федеральном уровне относится *Управление по политике в области науки и техники* – департамент правительства Соединенных Штатов (US Office of Science and Technology Policy – OSTP), в чьи задачи входят управление и координация инициативами исполнительной власти в области исследований и разработок, информирование президента страны о важнейших тенденциях в мировой науке и распределение бюджетов интегрированных научных программ, проводимых по инициативе федерального правительства. OSTP возглавляет Советник президента США по научным вопросам, который, в свою очередь, является членом Президентского совета по науке и технологиям и Национального совета по науке и технике – совещательных экспертных организаций, осуществляющих экспертное сопровождение НИОКР и консультацию федеральных чиновников. Вопросы финансирования федеральных исследовательских программ и агентств решает *Административно-бюджетное управление* (Office of Management and Budget – OMB) – государственное учреждение в составе администрации президента США, занимающееся подготовкой ежегодного Федерального бюджета для представления в Конгрессе.

Важную роль в выработке основ инновационной политики США на федеральном уровне играет также *Национальный научный фонд* (The National Science Foundation – NSF), утвержденный Конгрессом еще в 1950 году как независимое федеральное агентство для содействия прогрессу науки, укреплению национальной обороны и улучшению здоровья, благосостояния и процветания нации. Яв-

ляясь элементом непрямой инновационной политики, фонд спонсирует базовые фундаментальные исследования, но в то же время принимает также ограниченное участие в ряде прикладных программ (таких как Программа инженерно-исследовательских центров и Программа промышленно-университетских центров). Кроме того, фонд является источником оперативной статистической информации по развитию американской науки и осуществляет информационную поддержку лиц, принимающих решения на федеральном уровне.

Отношения, возникающие в рамках *непрямой инновационной политики* в США, соответствуют *классическому типу научной рациональности*. Под *субъектами инновационной политики* здесь понимаются государственные агентства и институты, тогда как другая часть обширного ландшафта инновационной системы страны, представленная, в том числе, независимыми исследовательскими группами, университетскими и частными лабораториями, рассматривается как *объект политики*. В качестве базового вида активности непрямая инновационная политика использует *деятельностную активность*, которая понимается максимально широко (например, «повышение конкурентоспособности американской науки»). В то же время коммуникационная активность (которая является доминирующей в рамках неклассической научной рациональности) выражена слабо. Директивный подход, преобладающий в прямой инновационной политике, диктует односторонний характер связей – правительство США создает среду для субъектов инновационной системы, однако механизм обратной связи, позволяющий оценить эффективность этих мер, возложен лишь на традиционные государственные институты (такие как Конгресс). Кроме того, субъекты инновационной системы, охваченные непрямой инновационной политикой (а к ним можно отнести и все научные организации, действующие в правовом поле США, как частные, так и государственные), лишены механизма межсубъектного взаимодействия, который бы учитывал характер поставленных государством целей.

Инновационная политика прямого воздействия заключается в финансировании НИОКР и в непосредственном исполнении научно-исследовательских работ через систему национальных лабораторий, исследовательских центров и организаций. В данном случае государство может выступать и в качестве института заказчика, и в качестве источника финансирования исследований, и в качестве субъекта, генерирующего новые знания и технологии. При этом, учитывая характер американской экономики, меры прямой поддержки НИОКР чаще всего носят характер государственно-частного партнерства. Наиболее ярким примером такой политики можно назвать *SBIR/SBTT* (Small Business Innovation Research/Small Business Technology Transfer) – Программу поддержки малого бизнеса в сфере инновационных исследований/передачи технологии [8]. Программа SBIR действует на основе Закона о стимулировании деятельности малого бизнеса 1982 года и предусматривает государственное софинансирование НИОКР в новаторских фирмах небольшого масштаба с последующей реализацией их результатов. В рамках SBIR государственные федеральные агентства (в том числе в сфере ОПК), тратящие в год более 100 млн долл. на НИОКР, обязаны выделять около 3,2 % от этих фондов субъектам малого бизнеса, которые

проводят исследования на ранних стадиях НИОКР. По итогам 2017 года малому бизнесу в рамках этих программ поддержки малого предпринимательства было выделено 452 целевых гранта сроком от одного до нескольких лет на общую сумму около 2,13 млрд долл.

SBIR органично дополняется *Программой передачи технологий малому бизнесу* (Small Business Technology Transfer Act – STTR), предусматривающей финансирование внедрения частными фирмами результатов НИОКР, созданных на средства федерального бюджета. Патентные права в таком случае, согласно закону Бей-Доэла, остаются за субъектами-инициаторами исследований, что опять же содействует укреплению внедренческого эффекта подобных разработок. Мониторинг результатов SBIR/SBTT выполняет Институт развития инноваций (Innovation Development Institute), некоммерческая негосударственная организация.

Еще одним примером прямой инновационной политики в США являлась *Программа перспективных технологий* и дополняющая ее *Программа технологических инноваций* (Advanced Technology Program/Technology Innovation Program). Обе программы действовали под эгидой Национального института по стандартам и технологиям (NIST) и должны были содействовать развитию государственно-частного партнерства в сфере технологического развития [9]. Данные программы предусматривали финансирование правительством США высокорисковых прикладных инновационных исследований, имеющих потенциал к последующей коммерциализации, в размере до 50 % стоимости работ (но не более 3 млн долл. на одного получателя поддержки и не более 9 млн долл. на долгосрочный проект государственно-частного партнерства). Получателями поддержки по обеим программам выступали как субъекты малого предпринимательства в лице фирм, так и индивидуальные исследователи/группы исследователей. Программы АТР/ТИР успешно действовали в США с 1995 по 2011 год, однако с 2012 года их финансирование было прекращено. В настоящее время правительство США рассматривает возможность их перезапуска в виде программ содействия развитию конкретных технологических инноваций в энергетическом и оборонном секторах.

К мерам прямой инновационной политики можно отнести и *Программу университетских промышленных консорциумов и университетских центров совместных исследований* (University-based Industry Consortia and The Industry-University Cooperative Research Centers – IUCRC). Программа предусматривает конкурсный отбор прикладных инновационных проектов в заранее определенных отраслях науки с их последующим финансированием фондом [10]. Данная мера служит связующим звеном между университетской фундаментальной наукой и прикладными НИОКР. Участниками IUCRC ежегодно являются 50-60 университетов и их филиалов и до нескольких сотен частных фирм. Финансирование со стороны Национального научного фонда предусматривает покрытие организационных и административных расходов создаваемого консорциума в размере до 50 тыс. долл. ежегодно на срок до 5 лет. При этом консорциум может обратиться за повторным финансированием на новый 5-летний срок, по истече-

нии которого он обязан выйти на самоокупаемость, генерируя не менее 300 тыс. долл. чистой прибыли ежегодно. Ежегодный бюджет программы IUCRC составляет примерно 1-2 млн долл.

Отношения, возникающие в рамках *прямой инновационной политики США*, можно отнести к неклассическому типу научной рациональности. Здесь составные элементы государственной политики с самого начала органично включены в процесс генерации инноваций, выступая в качестве субъектов, находящихся в диалоге с другими – негосударственными – субъектами. В качестве базового вида активности непрямая инновационная политика использует *коммуникационную активность*, так как ключевым аспектом, от которого зависит эффективность таковой политики, является четкая координация действий равноправных хозяйствующих субъектов в национальной инновационной системе, их оперативное информирование, ориентация и стимулирование на выполнение поставленных задач. Уполномоченные государством организации выступают в качестве координаторов, сочетая госрегулирование с рыночным и нерыночным регулированием, основываясь на системе индикаторов инновационной деятельности. Пока речь идет в основном о количественных и финансовых индикаторах, однако правительство США заинтересовано и в разработке индикаторов, способных оценить непосредственно инновационную активность по запущенным программам.

При всей успешности существующего механизма коммуникаций в прямой инновационной политике США стоит отметить, что характер связей, установленный в нем, носит двусторонний характер по принципу *субъект государственной политики – инновационный субъект*. Оперативное и эффективное взаимодействие между самими инновационными субъектами (*интерсубъектное взаимодействие*) не находится числе приоритетов государственной инновационной политики США. В этом вопросе государственные органы полагаются на уже имеющиеся механизмы рыночных отношений или на ранее установленные субъектами связи. В настоящее время в США практически все программы прямой поддержки инноваций имеют механизмы обратной связи с государственными структурами, осуществляющими содействие им. Эти механизмы представлены институтами, экспертными центрами мониторинга НИОКР, а также официальными каналами связи, интегрированными непосредственно в сами государственные программы. В то же время эти связи чаще всего носят формальный характер и детерминированы самой системой государственной поддержки НИОКР. Взаимная детерминация субъектов инновационной деятельности, являющаяся одним из основных признаков неклассической парадигмы, выражена слабо [11].

Меры *непрямой поддержки инновационной активности* не столь сильно зависят от механизма обратной связи. При этом именно эти меры обеспечивают то, что принято называть средой инновационной активности, чья эффективность напрямую зависит от учета требований участников инновационной деятельности. С философской точки зрения, среда включает в себя, наряду с различными типами субъектов, совокупность ценностей мирового культурного развития, что в конечном итоге позволяет ей самой позиционировать себя в качестве саморазви-

вающейся системы. Средовая детерминанта требует надлежащей коммуникативной (диалогической) включенности субъектов, выдвигая особые требования к механизмам обратной связи. К сожалению, в настоящее время именно непрямая инновационная политика (как в США, так и в других технологически развитых странах мира) практически полностью лишена своих механизмов обратной связи, полагаясь только на традиционные политические институты. При этом директивный тип взаимоотношений, доминирующий в непрямой инновационной политике, сложно назвать адекватным ее задачам. Создавая национальную среду инновационного развития сугубо директивными методами на высшем уровне, государство лишается представления о реальных потребностях инновационных субъектов. В результате возникает дисбаланс национальной инновационной системы, выражающийся в наличии *распределенной рефлексии* на ее нижнем уровне (пусть и представленной жестко детерминированными взаимоотношениями) и в практически *полном отсутствии рефлексии* на высшем уровне формирования политики. В таких условиях профильные органы государственной власти и экспертное сообщество зачастую не могут идентифицировать себя с инновационной деятельностью как таковой, не владеют ее реальной спецификой и не способны адекватно воспринять и оценить научные и технологические вызовы времени.

Устранить эту проблему могли бы ***рефлексивные коммуникативные площадки*** для межсубъектного взаимодействия в рамках инновационной политики. Рефлексивная площадка – это позиция индивидуального и группового субъекта, оснащенная языковыми (коммуникационными) средствами для осознания, структурирования и переструктурирования им реальности самого себя и своей деятельности, а также коммуникации с другими субъектами через согласование принимаемых ими реальностей [12]. Связи, установленные между участниками инновационной деятельности, в таком случае носили бы характер полисубъектной среды, где участники проекта непосредственно взаимодействуют друг с другом и с привлекаемыми партнерами, напрямую влияя на ход работ по выбранной тематике, всецело концентрируясь на финансировании основного направления исследовательских работ или позволяя участникам исследования углубиться в детали смежных и побочных ответвлений [13]. Процесс рефлексивного взаимодействия субъектов инновационной политики обеспечивал бы непрерывный диалог государства, общества, заказчика и инициатора исследования, исполнителя и добровольных инвесторов вне рамок традиционной двусторонней схемы. Данный диалог позволяет не только увеличить эффективность инновационной деятельности, но и постепенно включить в нее ценностную детерминанту научно-технического развития, что является неизбежным с точки зрения постнеклассической научной рациональности, где познающий субъект предстает не как дистанцированный от мира «чистый разум», а как включенный в мир, развивающийся вместе с развитием деятельности, формированием ее новых видов, целей и средств [2]. В итоге инициация и стимулирование коммуникации с различными субъектами познания приводят к созданию комплексных *коллективных субъектов научного познания*, ориентированных на решение междисциплинарных задач

[1]. Иными словами, рефлексивные площадки можно с уверенностью отнести к постнеклассическим элементам. В некоторой степени отдаленным прообразом такой рефлексивной коммуникативной площадки в инновационной политике США в настоящее время является DARPA (Defense Advanced Research Projects Agency), агентство передовых оборонных исследовательских проектов Минобороны США. Схема работы DARPA изначально предусматривает формирование среды из нескольких субъектов, находящихся в постоянном диалоге: государство (в лице менеджера-руководителя исследовательской программы этого агентства) привлекает под рамочный инновационный проект большое количество участников инновационной деятельности, включая как университеты и исследовательские институты, так и неформальные научно-исследовательские коллективы, и малые инновационные компании. В рамках инновационной системы США DARPA выступает в качестве коммуникационной площадки и интегратора инновационной деятельности, объединяющего усилия фундаментальной и прикладной науки (см. таблицу).

Классификация взаимоотношений в инновационной системе США

Параметры	Непрямая инновационная политика	Рефлексивные коммуникационные площадки	Прямая инновационная политика
Пример организации/ программы поддержки НИОКР	Национальный научный фонд; Программа обеспечения прав интеллектуальной собственности; Программа налоговых кредитов в научно-технической сфере; Управление по политике в области науки и техники	DARPA, ARPA-E	SBIR/STTR; Advanced Technology Program / Technology Innovation Program; University-based Industry Consortia and The Industry-University Cooperative Research Centers
Участники инновационной политики	Государство в лице институтов законодательной и исполнительной власти; косвенно – все участники государственной инновационной системы	Государство в лице заказчика и распределителя средств; участник инновационной деятельности/исполнитель работ по НИОКР в лице малой фирмы, лаборатории университета, независимого научно-исследовательского коллектива	Государство в лице распорядителя средств, выделяемых программами; участник инновационной деятельности/исполнитель работ по НИОКР в лице малой фирмы, лаборатории университета, независимого научно-исследовательского коллектива
Базовая научная парадигма	<i>Классическая</i>	<i>Неклассическая</i>	<i>Постнеклассическая</i>
Доминирующий вид активности	Деятельностная активность	Смешанная: коммуникационно-деятельностная активность; рефлексивная активность	Коммуникационная активность

Окончание таблицы

Параметры	Непрямая инновационная политика	Рефлексивные коммуникационные площадки	Прямая инновационная политика
Характер поддержки инновационной активности	Формирование благоприятной среды для инновационной деятельности при помощи регулятивных инструментов	- Стимулирование коммуникации между субъектами инновационной политики и их взаимной рефлексии в рамках меняющихся приоритетов национальной инновационной политики; - Работа с высокорисковыми инновационными проектами, требующими вовлечения разнообразных по своему характеру субъектов инновационной деятельности	Трансфер знаний и технологий между субъектами инновационной политики; обеспечение обратной связи между государственными и негосударственными участниками инновационной политики

Схема инновационной политики США на современном этапе

Функции государства в рамках схемы работы DARPA сконцентрированы на стратегическом планировании, модерировании рабочих групп проектов и контроле над распределением средств. Принцип DARPA во многом схож с программами SBIR/STTR, ATP/TIP, но в отличие от них он имеет встроенный механизм межсубъектного взаимодействия и обеспечивает поддержку инновационных

проектов на всех этапах. Штат DARPA состоит из 220 сотрудников, из них 120 – технические специалисты, а 100 – менеджеры проектов, которые напрямую осуществляют руководство научными проектами, являясь одновременно и научными руководителями, и управленцами, распоряжающимися выделенными средствами. DARPA не имеет своих собственных лабораторий и оборудования, полагаясь на принцип аутсорсинга. Так, DARPA очень часто привлекает специалистов из промышленности, с соответствующим окладом. Кроме того, используется система грантов, контракты, кооперативное финансирование для проведения НИОКР в частных компаниях и университетах [14]. Таким образом DARPA выполняет функции катализатора для взаимного обогащения идеями между исследователями, представителями правительства, военными, предпринимателями и изобретателями, формируя среди них сообщество, связанное стремлением к структурным изменениям (см. рисунок).

Заключение. Разветвленный и разнообразный характер инновационной политики США сформировался не только в результате крупных вложений в исследовательские институты и программы, а в первую очередь благодаря последовательному наращиванию эффективной законодательной базы инновационной деятельности. Существенную роль в этом процессе сыграли системный подход к инновационному развитию и создание нового механизма инновационных процессов в экономике, что привело к укреплению инновационных возможностей страны в целом и ее научно-технического и производственного секторов в частности. Отличительной чертой данного подхода можно с уверенностью назвать распределенную сеть взаимодействия между всеми субъектами инновационной политики и этапами ее реализации. В инновационной политике США существуют и эффективно применяются в основном смешанные отношения, сочетающие в себе типовые признаки, характерные как для классической, неклассической и (в ограниченном масштабе) постнеклассической научной рациональности. Характер этих отношений находится в прямой зависимости от применяемых мер поддержки.

Непрямая инновационная политика задает рамочные условия функционирования среды, в которой развиваются отношения между субъектами инновационной политики в целом, а также стимулирует деятельность самих субъектов. Меры прямой адресной поддержки инновационных субъектов, в свою очередь, стимулируют коммуникационную активность между инновационными субъектами. Вопрос обратной связи, ее качества и оперативности приобретает главенствующий характер, позволяя при необходимости не только скорректировать действующие, но и разработать новые государственные программы содействия НИОКР, отвечающие современным технологическим и научным вызовам. Балансировка прямой и не прямой инновационной политики осуществляется при помощи ограниченного на текущем этапе развития инновационной системы США участия рефлексивных коммуникационных площадок типа DARPA и ARPA-E. Они не только одновременно стимулируют деятельность и коммуникационную активность субъектов, но и позволяют им структурировать и пере-

структурировать свои взаимоотношения в контексте меняющегося ландшафта инновационной политики.

На основании проведенного в статье философского и методологического анализа инновационной политики США можно сформулировать следующие практические рекомендации для совершенствования системы взаимоотношений между инновационными субъектами в России:

1. Приоритетом государственной инновационной политики России должна стать ориентация на интеграцию оборонного и гражданского секторов с целью объединения их инновационных потенциалов. Успехи таких программ, как SBIR/STTR, а также деятельность DARPA в США позволили коммерциализировать и успешно внедрить в гражданской экономике многие разработки военнотехнического комплекса. ОПК России, опираясь на стратегию инноваций двойного назначения и интеграцию с гражданским сектором экономики, имеет все возможности (кадровый потенциал, инфраструктура, технологические ноу-хау) для того, чтобы стать основой научно-технического прорыва страны в XXI веке.

2. Механизм поддержки инновационных процессов должен быть инкорпорирован в систему национальной экономики. Успех этой интеграции зависит не только от совершенства законодательной базы, но и от эффективности коммуникаций между субъектами инновационной деятельности. По мнению автора статьи, в России требуется усиление взаимосвязей между заказчиками и исполнителями НИОКР на всех уровнях их реализации и вне зависимости от области знаний.

3. Необходимо рассмотреть вопрос о создании в России рефлексивных коммуникационных площадок для субъектов инновационной деятельности. В связи с этим представляется актуальным рассмотреть возможность создания аналогов таких организаций, как DARPA и ARPA-E, и не только в тех секторах, в которых они действуют в США в настоящее время (ОПК и энергетика), но и в качестве системных интеграторов инновационных процессов в инновационной экономике в целом.

Список литературы

1. Степин В.С. Теоретическое знание. Москва: Прогресс-Традиция, 2003. С. 619-640.
2. Степин В.С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения // Постнеклассика: философия, наука, культура. Санкт-Петербург: Мирь, 2009. С. 249-295.
3. Буданов В.Г. Трансдисциплинарность в постнеклассике: дискурсы деятельностиных триад // Социальная философия науки российской перспектива: материалы международной конференции (Москва, 18-19 ноября) Том 2, секция 1 / ИФ РАН. Москва: Альфа М, 2014. С. 16-18.
4. Лефевр В.А. Конфликтующие структуры // Рефлексия. Москва: Когито-Центр, 2003. С. 97-98.
5. Лепский В.Е. Эволюция представлений об управлении (методологический и философский анализ). Москва: Когито-Центр, 2015. С. 9-11.
6. The Innovation System and Innovation Policy in the United States, Competing for Global Innovation Leadership: Innovation Systems and Policies in the USA, EU and Asia / Rainer Frietsch and Margot Schüller (Eds.). Fraunhofer IRB Verlag, Stuttgart, 2010. Chapter 2. Pp. 5-29.
7. Research and Experimentation (R&E) tax credit. URL: <https://www.treasury.gov/resource-center/tax-policy/tax-analysis/Documents/RE-Credit.pdf> (дата обращения 22.11.2019).

8. Small Business Innovation Research / Small Business Technology Transfer Program. URL: <https://www.sbir.gov/about/about-sttr> (дата обращения 22.11.2019).

9. The Technology Innovation Program. URL: <https://www.nist.gov/technology-innovation-program> (дата обращения 22.11.2019).

10. SRI International, Center for Science, Technology, and Economic Development, Research and Training Program Evaluation. URL: <http://www.sri.com/policy/csted/reports/university/> (дата обращения 22.11.2019).

11. Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. Москва, 2001.

12. Лепский В. Е. Рефлексивно-активные среды инновационного развития. Москва: Когито-Центр, 2010.

13. Междисциплинарные проблемы среднего подхода к инновационному развитию / под ред. В.Е. Лепского. Москва: Когито-Центр, 2011.

14. All That DARPA Can Be, William B. Bonvillian // *The American Interest*. 2015. Vol. 11, No. 1, August 1.

15. Шалаев В.П. Мироззренческо-образовательная западофикация как технология глобализации и угроза национальной безопасности России (философский анализ) // *Socio Time / Социальное время*. 2015. № 1. С. 57-71.

Авторская справка

САВЕЛЬЕВ Антон Максимович – соискатель Института философии РАН, советник АНО «Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации», Москва, Россия. E-mail: anton.saveliev@gmail.com.

UDC 330.341(470+571)

DOI: 10.25686/2410-0773.2020.1.9

PHILOSOPHICAL AND METHODOLOGICAL ANALYSIS OF INNOVATION POLICY IN THE UNITED STATES OF AMERICA

A. M. Saveliev

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Introduction. The purpose of the article is to give the philosophical and methodological analysis of the innovation policy of the United States at the present stage in order to identify the relationships in the policy corresponding to the classical, non-classical and postnonclassical paradigms of scientific rationality.

Methods. Based on the philosophical analysis of the innovative development models and basic trends in the scientific rationality development, the conclusion is made that in modern conditions there is a necessity in creation of new forms of communication of subjects of innovative policy on principles of postnonclassical rationality.

Results. The author used the example of the U.S. innovation policy to view the philosophical and methodological foundations of inter-subject interaction in the context of the development of scientific rationality (classical, non-classical, postnonclassical). The basic elements of the US innovation policy are given. Using the functions of those elements, the author made typologization taking into account the nature of the interactions arising in them and the dominant activities.

Conclusion. According to the research outcomes, it the conclusion has been made that at the present postnonclassical stage of science development there is a growing need in setting up reflexive communication platforms for inter-subject interaction within the framework of the innovation policy.

Keywords: USA, innovation, innovation policy, innovation systems, scientific rationality.

References

1. Stepin V.S. Teoreticheskoe znanie [Theoretical knowledge] (in Russian). Moscow: Progress-Tradition, 2003, pp. 619-640.
2. Stepin V.S. Klassika, neklassika, postneklassika: kriterii razlichenija [Classic, nonclassic, postnonclassic: criteria of distinction], *Postneklassika: filosofija, nauka, kul'tura* [Postnonclassic: Philosophy, science, culture] (in Russian). St. Petersburg: Mir, 2009, pp. 249-295.
3. Budanov V.G. Transdisciplinarnost' v postneklassike: diskursy dejatel'nostnyh triad [Transdisciplinarity in postnonclassical studies: discourses of the activity triad], *Social'naja filosofija nauki rossijskaja perspektiva* [Social Philosophy of Science Russian perspective] (in Russian). Proceedings of the international conference Moscow 18-19 November Volume 2, Section 1, pp. 16-18.
4. Lefebvre V.A. Konfliktujushhie struktury [Conflict structures], *Refleksija* [Reflexion] (in Russian). Moscow: Kogito-Center, 2003, pp. 97-98.
5. Lepskiy V.E. Jevoljucija predstavlenij ob upravlenii (metodologicheskij i filosofskij analiz) [Evolution of ideas about management (methodological and philosophical analysis)]. Moscow: Kogito-Center, 2015. Pp. 9-11.
6. The Innovation System and Innovation Policy in the United States, Competing for Global Innovation Leadership: Innovation Systems and Policies in the USA, EU and Asia, Rainer Frietsch and Margot Schüller (Eds.), Fraunhofer IRB Verlag, Stuttgart, 2010, Chapter 2, pp. 5-29.
7. Research and Experimentation (R&E) tax credit. Available at: <https://www.treasury.gov/resource-center/tax-policy/tax-analysis/Documents/RE-Credit.pdf> (date of contact 22.11.2019).
8. Small Business Innovation Research/Small Business Technology Transfer Program. Available at: <https://www.sbir.gov/about/about-sttr> (Date of contact: 22.11.2019).
9. The Technology Innovation Program. Available at: <https://www.nist.gov/technology-innovation-program> (date of contact 22.11.2019).
10. SRI International, Center for Science, Technology, and Economic Development, Research and Training Program Evaluation. Available at: <http://www.sri.com/policy/csted/reports/university/> (date of contact 22.11.2019).
11. Lektorskiy V.A. Jepistemologija klassicheskaja i neklassicheskaja [Epistemology is classical and non-classical] (in Russian). Moscow, 2001.
12. Lepskiy V. E. Refleksivno-aktivnye sredy innovacionnogo razvitija [Reflexive-active environments of innovative development] (in Russian). Moscow: Kogito-Center Publishing House, 2010.
13. Mezhdisciplinarnye problemy sredovogo podhoda k innovacionnomu razvitiju [Interdisciplinary problems of the environment approach to innovative development] (in Russian). Edited by V.E. Lepskiy. Moscow: Kogito-Center, 2011.
14. All That DARPA Can Be, William B. Bonvillian, *The American Interest*, Volume 11, Number 1, August 1, 2015.
15. Shalaev V. P. Mirovozzrenchesko-obrazovatel'naja zapadifikacija kak tehnologija globalizacii i ugroza nacional'noj bezopasnosti Rossii (filosofskij analiz) [Worldview-educational westernisation as a technology of globalization and a threat to the national security of Russia (philosophical analysis)], *Socio Time / Sotsial'noe vremya*. 2015. No. 1. pp. 57-71.

Author's Bio

SAVELIEV Anton Maksimovich – External Doctoral Student of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Advisor to the Analytical Center affiliated to the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia. E-mail: anton.saveliev@gmail.com.

Библиографическая ссылка

Савельев А. М. Философско-методологический анализ инновационной политики США // SocioTime / Социальное время. – 2020. – № 1(21). – С. 27-39. – DOI: 10.25686/2410-0773.2020.1.27

УДК 502.1

DOI: 10.25686/2410-0773.2020.1.40

СОЦИАЛЬНАЯ СВОБОДА В ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ФОРМИРОВАНИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТРУМЕНТАРИЯ

А. С. Филатов

*Таврическая академия Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского,
Симферополь (Республика Крым, Россия)*

Введение. Состояние экологической среды имеет статусные характеристики условий существования общества (социальная статика), а состояние социальной свободы имеет процессуальные измерения, связанные с реализацией сущностных сил человека во времени и пространстве (социальная динамика). Целью данной статьи является сформировать и сформулировать исследовательский инструментарий, необходимый для изучения проблемы социальной свободы в экологической деятельности.

Методы. К числу методологических оснований исследования, в направлении обозначенной темы, относятся системный подход, принципы развития и историзма. В рамках рассмотрения понятийного аппарата особое внимание будет уделено использованию методов сравнительного и семантического анализа, понимающей интерпретации. Также используется метод контент-анализа при работе с источниками.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Среди наиболее важных понятий, «работающих» в нашем исследовании, следует назвать такие как «сознание», «социальность», «общество», «индивид», «человек», «личность», «индивидуальность», «мышление», «мировоззрение», «социальное устройство», «культура», «цивилизация», «деятельность», «труд», «социальная свобода». Они достаточно глубоко разработаны и представлены в отечественной и зарубежной философии, хотя некоторые из них нуждаются в определенных дополнительных пояснениях.

Существенную значимость в определении общества представляет признание того факта, что в основе социальных связей и социального поведения человека лежит фактор сознания. Именно благодаря сознанию человек обретает деятельностные качества, реализация которых в социоприродной среде обуславливает формирование общества, лежит в основе социальной свободы и осуществляется с экологическими характеристиками.

Заключение. Формирование исследовательского инструментария по проблеме социальной свободы в экологической деятельности не сводится просто к определению используемых понятий (хотя в любом исследовании понятийный аппарат выполняет едва ли не основополагающую функцию), но также приводит к анализу, характеристике и оценке тех явлений социальной действительности, которые включены в предметное поле данного исследования.

Ключевые слова: социальная свобода, экологическая деятельность, сознание, социальность, общество, человек, мышление, социальное устройство, культура, цивилизация

Введение. В современных условиях экологическая проблематика явно достигла того же уровня внимания и озабоченности, который занимает вот уже, как минимум, два с лишним столетия (со времён Французской революции) проблема социальной свободы и свободы личности. Более того, экологическая деятельность и социальная свобода рассматриваются как взаимосвязанные и взаимно дополняющие формы социальной деятельности.

Рассматривая состояние социальной свободы личности и процесс ее деятельностной реализации в условиях экологической среды, следует исходить из определенной сложившейся парадигмы современных исследований. Важнейшей частью парадигмы как системы теоретических и методологических предпосылок исследования выступает необходимый категориальный аппарат. Он становится своеобразным инструментарием и средством исследовательской работы. Формирование категориального аппарата будет способствовать выяснению позиции современных авторов, исследующих различные аспекты проблематики темы нашего исследования, и даст возможность обозначить свои подходы к выделенным проблемам.

В этом контексте характеристика категориального аппарата может осуществляться на основе определенной традиции, сложившейся в социально-философской литературе, благодаря работам Т. Гоббса и М. Вебера (определение общества), Н.А. Бердяева и П. Тейяр де Шардена (категория сознания), Н.Я. Данилевского (определения культуры и цивилизации), В.И. Вернадского (ноосфера), М. Хайдеггера (экологическая деятельность), И. Пригожина и И. Стенгерс (системная организация общества, синергетика, проблемы нового мышления). Исследовательский инструментарий обозначенной темы формируется с использованием наработок и позиций таких современных авторов, как Ю.К. Плетников (понятия деятельности и труда), И.Т. Фролов (понятия личности, индивида, индивидуальности), Г.А. Бачинский, Н.Н. Моисеев, Ю.В. Олейников, А.И. Салтовский, А.Д. Урсул, (экология, экологические ограничения, экологический императив), И.В. Бычко, О.Н. Крутова, В.Н. Сагатовский (понятия социальной деятельности и свободы личности), Б.А. Грушин, Г.Г. Дилигенский, А.К. Уледов (общественное и индивидуальное сознание), В.П. Шалаев (проблемы социальной синергетики в условиях современной глобализации).

В результате анализа и оценки сложившегося категориального аппарата возникает потребность, с *одной стороны*, использовать богатый историко-философский материал как основу процесса исследования. С *другой стороны*, остается достаточно широкий простор для самостоятельной исследовательской деятельности по выяснению взаимообусловленности элементов триады «природа – общество – человек» и степени социальной свободы субъектов деятельности в системе взаимодействия этой триады. Цель нашей статьи – сформировать и сформулировать исследовательский инструментарий, необходимый для изучения проблемы социальной свободы в экологической деятельности. При этом сама процедура определения понятий, составляющих инструментарий исследования проблемы, становится способом решения задач по изучению избранной темы, т.е. не только инструментом исследования, но и самим исследованием через понятийные аспекты.

Методы. К числу методологических оснований нашего исследования (в направлении обозначенной темы) относятся системный подход, принципы развития и историзма. В рамках исследования понятийного аппарата особое внимание будет уделено использованию методов сравнительного и семантиче-

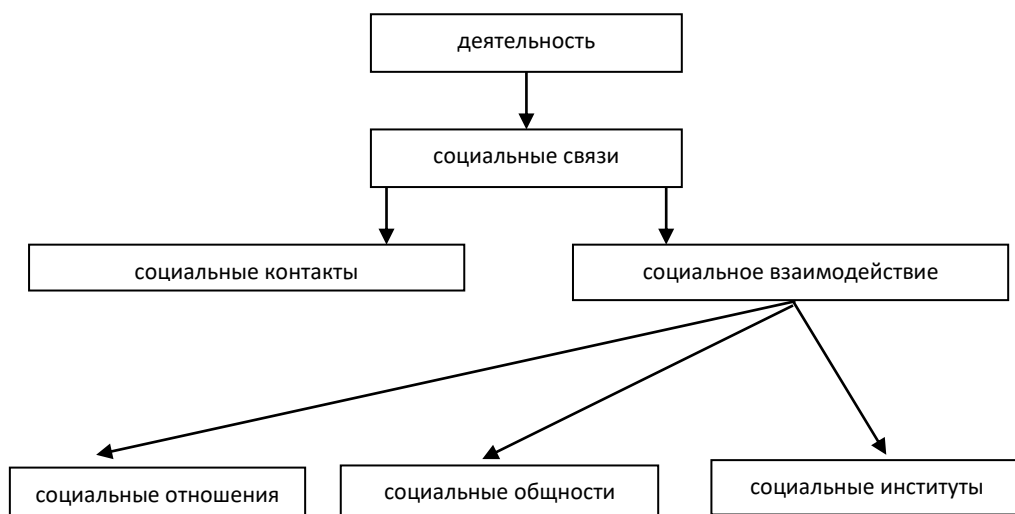
ского анализа, понимающей интерпретации. Также используется метод контент-анализа при работе с источниками.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение.

Среди наиболее важных понятий, «работающих» в нашем исследовании, следует назвать такие как «сознание», «социальность», «общество», «индивид», «человек», «личность», «индивидуальность», «мышление», «мировоззрение», «социальное устройство», «культура», «цивилизация», «деятельность», «труд», «социальная свобода». Они достаточно глубоко разработаны и представлены в отечественной и зарубежной философии. При этом некоторые из них нуждаются в определенных дополнительных пояснениях, которые будут даны ниже.

Понятия «экология», «социальная экология», «экологическая среда», «экологическая деятельность» и «экологический императив», непосредственно связанные с парадигмой данного исследования, особенно интенсивно и плодотворно разрабатывались в рамках отечественной социально-философской традиции такими исследователями, как Г.А. Бачинский, Н.Н. Моисеев, Ю.В. Олейников, А.И. Салтовский, А.Д. Урсул. В то же время цели и задачи данного исследования требуют переосмысления некоторых определений и потому они, в частности, «экологическая деятельность» и «экологический императив», даются в новой редакции.

Относительно первого блока понятий следует отметить, что здесь одним из основных, безусловно, является понятие общества. Формирование общества происходит вследствие развития человеческого сознания. Преобразования в общественной системе осуществляются в процессе исторического развития человека. Схема, по которой структурируется общество (и определяется его функционирование), может быть представлена следующим образом:

Существенную значимость в определении общества представляет признание того факта, что в основе социальных связей и социального поведения человека

лежит фактор сознания. По этой причине безусловную ценность и интерес представляет определение Ю.В. Олейникова, который говорит об «обществе как способе существования сознательных существ». В этом случае точно фиксируется источник не только социогенеза, но и последующего социального развития и совершенствования. Отметив роль деятельности в формировании и структурообразовании общества, необходимо остановиться на характеристике понятия «**деятельность**». Оно имеет очень важное значение для объяснения процесса антропосоциогенеза. Частично характеристика деятельности как сугубо человеческого процесса *воздействия* на окружающую среду была дана выше. Там это было связано с необходимостью обоснования используемого определения *Nomo creatur*. Сейчас, в силу значимости самого понятия деятельности для социальной свободы личности, следует детализировать его формулировку, подчеркнув и более чётко обозначив ранее прозвучавшие утверждения. Тем более важно это сделать, т. к. деятельность выступает в качестве основного системообразующего фактора в обществе.

Еще раз отметим, что понятие «деятельность» не может быть отождествлено с понятием «жизнедеятельность». Нельзя сказать, что последнее является более широким и включает в себя первое, но то, что жизнедеятельность есть основа для деятельности – это очевидно. Жизнедеятельность характеризует процесс, свойственный для всего живого, в том числе животного мира и человека. Деятельность возникает как следствие реализуемого в семействе гоминид качества сознания, которое позволяет *осознанно* проецировать действия на предполагаемый результат и осуществлять в действиях волю индивида. Именно в деятельности *осуществляется* личность, проявляется ее индивидуальное своеобразие и таким образом **строится** мир человека и формируется общество. В этом процессе мы наблюдаем важную, *существенную* грань между человеком и природой (как живой, так и неживой).

Деятельность не должна пониматься как сумма или слагаемое определенных действий. Она глубже и качественнее, т. к. предполагает *осознание* ситуации. В то время как действия могут быть и осознанными, и инстинктивными или механическими (условнорефлекторными). **Деятельность** всегда **включает целеполагание, корректировку и прогностико-моделируемый результат**. В этом отношении удачным может быть известный пример К. Маркса, показывающий отличие деятельности архитектора от инстинктивных действий пчелы. Именно системное и комплексное *осмысление* действий, прорыв в сфере сознания лежит в основе и антропосоциогенеза, и, как его следствие, – трудовой деятельности. О значении *целесообразной* деятельности в процессе становления труда говорится в работе Ю.К. Плетникова «О природе социальной формы движения» [1, с. 19-20].

Труд возникает, формируется и развивается как форма человеческой деятельности. Но человеческая деятельность как таковая становится возможной благодаря качественной эволюции сознания. Это позволяет отличать человеческий труд от орудийной жизнедеятельности животных. В связи с этим необходимо отметить, что стремления апеллировать к сформировавшейся в XIX веке «теории» происхождения человека выглядят мало убедительными в настоя-

щее время. Прежде всего потому, что такого рода утверждения не находят убедительных аргументов. К примеру: «Труд, превративший обезьяну в человека, является способом обмена социума веществом и энергией с природой» [2, с. 46]. Получается, что стадо обезьян есть социум!?! Избежать подобных парадоксов возможно лишь только при одном условии: признать труд производным от деятельностных качеств человека, а сами эти качества обусловленными уровнем человеческого сознания.

Нам видится, что наиболее точное определение деятельности было дано Ю.К. Плетниковым. Он отмечает, что «деятельность – это любое проявление социальной активности субъекта, его упорядоченные, организованные и в этом смысле осознанные поступки. ...Деятельность есть целенаправленное отражение (духовная деятельность) и целенаправленное изменение (практическая деятельность) действительности. По отношению к труду в собственном смысле слова деятельность выступает в качестве родового понятия» [1, с. 45]. При определении основополагающего значения реализации деятельностных свойств личности для социальной свободы устанавливается приоритет человеческого сознания. Степень развития сознания, характерного для человека, оказывает непосредственное влияние на деятельностные качества личности. Поэтому необходимо остановиться на характеристике *сознания* как наиболее значимого условия и необходимого атрибута полноценной человеческой деятельности в экологической среде.

Сознание – обеспечивает выражение преобразующе-созидающих способностей его носителей и обуславливает единство психических процессов. В этом смысле оно есть качество организации материи. Сознание обосновывает структурную целостность элементов мироздания, выступая как способ отражения окружающего мира. Процесс отражения проявляется прежде всего как способность выделять и сохранять свои имманентные (внутренне свойственные) признаки, строить свою самость и обозначать уникальность и неповторимость каждого явления сознания в мире вещной природы. Исходя из этого, мы вправе считать, что сознание, присущее человеку, способно к прогрессивной эволюции. *Сознание лежит в основе функциональной заданности и деятельностных качеств личности.*

При определении понятия «**социальность**» следует учитывать существование двух его основных трактовок. Общее, широкое значение социальности относит это понятие к различным формам социальных связей, которые проявляются во всех сферах общественной жизни – экономике, культуре, политике и т. д. А специфическое, иногда говорят – узкое, значение термина связывает его с взаимодействием элементов социальной структуры, когда оно (т. е. взаимодействие) направлено на сохранение и развитие социальных отношений и традиций, не связанных непосредственно с экономическими потребностями и политическими интересами. Последнее значение социальности отражает собственно социальную сферу общественной жизни – в отличие, допустим, от экономической или политической.

Понятие «**социальное устройство**» самым непосредственным образом связано с политической системой общества. Социальное устройство или, как иногда определяется, социальный строй основным своим компонентом имеет систему регламентации и контроля за отношениями элементов социальной структуры. К числу наиболее значимых из них относятся личности, социальные слои, классы, институты (не только социализации и культуры, но также политические и экономические). Отсюда следует: *во-первых*, в мировой истории существует большое множество самых разнообразных форм социального устройства, связанных со спецификой социального управления. Эта специфика обусловлена самыми разнообразными факторами: социальными (историческими, культурными, моральными, этническими, сложившимися традициями), физическими (в т. ч. природно-географическими), индивидуально-психологическими (состояние общественного сознания, тип социального лидерства, менталитет общества). *Во-вторых*, социальное управление есть форма и способ управления обществом, используемые государством как социальным институтом. Методологическим основанием социального управления выступают принципы, характерные для политического режима, в то время как государственное управление осуществляется правящей партией, монархом или президентом в отношении государственного аппарата. Поэтому оно есть управление государством как политическим институтом.

Проблема социальной свободы личности требует рассмотрения таких понятий, как «человек», «личность», «индивидуальность», «индивид». Они позволяют соотнести параметры социальной свободы с границами индивидуально-психологического и субъективно-личностного восприятия свободы. А это имеет значение не только для определения социальной свободы личности, но и для формирования парадигмы исследования. Определение «индивид», наряду с его синонимом «особь», широко используется в области биологии. Там оно означает единичного представителя какого-либо животного вида. С учетом этого в рамках социально-философского исследования понятие «**индивид**» выражает самостоятельное, в смысле не являющееся функциональной принадлежностью чего-либо другого, биологическое основание личности. Именно в этом плане рассматривает понятия «индивид» и «личность» известный советский философ И.Т. Фролов [3, с. 207].

Понятие «**человек**» допустимо рассматривать в двух значениях. *Во-первых*, как характеризующее человечество в целом, с его историческим багажом и современными достижениями, т. е. в широком смысле, как абстрактно-обобщающий образ человечества – Человека с большой буквы. *Во-вторых*, более конкретно, как отдельного представителя человечества, вне сущностно-личностного и социального наполнения (абстрактно-частный образ) – человек как родовое существо.

Как отмечает И.Т. Фролов, **личность** формируется в «результате социального развития индивида в процессе онтогенеза» [3, с. 207]. При этом личность предстает в качестве *целостного* социально-психологического явления, возникающего на основе интериоризации социальных качеств. Однако такой процесс может осуществиться только в том случае, если субъект (в данном случае лич-

ность) будет готов и способен к интериоризации. В качестве аргументации можно сослаться на тот факт, что даже полная включенность человеческого индивида в социальную среду и социальные процессы не гарантирует становление личностных качеств. Примером здесь могут выступать не только олигофрены. Этот факт подтверждается и феноменом массового сознания, для которого характерными становятся различные формы коллективных представлений. В этих случаях социальные ценности, которые могли бы быть интериоризированы и усвоены в процессе социального развития, оказываются невостребованными значительными массами людей.

Ряд исследователей, занимающихся проблемами психогенетики и психологии личности, отмечают определяющее значение индивидуального потенциала для формирования личностных качеств. Они показывают, что личность в основном формируется в результате генетически наследуемых признаков, а не под влиянием среды [4, 5]. С их точки зрения, сформированной на основе анализа эмпирических данных, социальная среда может провоцировать те или иные качества личности, подавлять их либо нейтрализовать.

В таком случае **индивидуальность** может быть определена как *своеобразное* проявление личностью своих качеств и сущностных свойств в окружающей, прежде всего социальной, среде. В этом плане определения «индивидуальные качества» и «индивидуальные свойства» как нельзя лучше передают смысл понятия индивидуальности личности. Именно так понятия «человеческий индивид», «человеческая личность» и «индивидуальность личности» получают направленное смысловое содержание. Тогда они помогут нам в определении детерминант социально-личностного развития во всемирно-историческом процессе.

Другими важными понятиями, которые прямо или косвенно включаются в предмет данного исследования, являются «культура» и «цивилизация». **Культура** представляется как безусловные достижения человеческой деятельности в сфере духовного и материального производства. Она есть следствие и специфическое обрамление социальной деятельности. Отсюда – культура выступает в качестве достигаемого результата, условий и способа человеческой деятельности во всем ее многообразии. Следовательно, мы имеем все основания говорить как о духовной, так и о материальной культуре.

Цивилизация возникает на базе духовной и материальной культуры и служит показателем их состояния. Основной мотив генезиса человеческой цивилизации состоит в необходимости упорядочивания и организации достижений человеческой деятельности, ее культуры. Поэтому цивилизация, кроме регламентирующих функций, еще и определяет направленность развития общества, комплексной человеческой деятельности. Проблема социальной свободы, безусловно, непосредственно связана с рассматриваемыми выше понятиями «человек», «индивидуальность», «личность». Не в меньшей степени социальная свобода личности взаимодействует с культурно-историческим пространством и цивилизационным устройством общества. Социальная свобода личности становится показателем уровня и качества культурно-цивилизационного развития социума. В этом контексте значение социальной свободы настолько возрастает, что неко-

торые философы представляют ее в качестве красугольного камня человеческого бытия. По этому поводу Н.А. Бердяев выразился вполне определенно и открыто: «я положил в основание философии не бытие, а свободу» [6, с. 56].

В непосредственной связи с рассмотренными выше понятиями находится определение экологической деятельности. Понятие экологической деятельности, в свою очередь, имеет генетическую связь с понятиями «экология» и «социальная экология», «экологические параметры», а также «экологический императив». В определении понятия экологической деятельности необходимо исходить прежде всего из того, что экологическая среда фактически является пространством жизни человека. Поэтому любая практическая форма деятельности человека будет иметь объектом воздействия экологическую среду. В этом случае мы должны особо оговориться, что здесь речь идет прежде всего о практическо-преобразовательной деятельности человека, но не о социальной деятельности вообще. Как совершенно справедливо отмечает А.Д. Урсул «деятельность есть специфически социальный, человеческий тип отношения к действительности, а экологическая деятельность как ее составная часть выражает аспект отношения общества лишь к природе, т. е. уточняет определенную часть общего содержания социальной деятельности (включающей в себя как субъект-объектные, так и субъект-субъектные отношения и связи)» [7, с. 127].

В то же время следует отметить, что экологическая деятельность является в современном обществе скорее неким признаком производственно-научной деятельности, нежели отдельным видом социальной деятельности. Она не обладает такими четко выраженными параметрами, как те же производственная и научная деятельности. Экологическая деятельность свои отличительные признаки получает в современном обществе вследствие прежде всего созидательного и преобразовательного характера материальной деятельности человека, начиная с эпохи промышленной революции и по причине наиболее существенного воздействия в эпоху научно-технической революции. С другой стороны, состояние современной производственной деятельности, создающей условия существования общества, не просто преобразующей окружающую среду, а созидующую её, позволяет определять её как экологическую, т.е. формирующую условия окружающей среды.

Значение решения проблемы усвоения нового мышления в организации экологической деятельности настолько жизненно необходимо, что для человека практически исключается возможность лавирования. Либо это решение будет найдено, либо люди обрекут себя на гибель. Потребность в выработке нового мышления становится для человека своеобразным тестом на выживание. Надо сказать, что аналогичные «тесты» уже приходилось решать человеческому сообществу за его историю. Например, в период перехода от присваивающего хозяйства к производящему наблюдался застой и даже регресс жизненного уровня населения. Такая ситуация зафиксирована историками и археологами у ранних земледельцев и скотоводов [8]. Вряд ли требуется доказывать, насколько необходим был такой переход. Тем более что речь идет отнюдь не об эпизодической случайности, а о глобальном исторически необходимом факте. Подобная «пере-

стройка», кроме всего прочего, свидетельствует о том, что человек как бы «вживается» в новое качество сознания, «приобщается» к нему, постигает и реализует в своей практической деятельности, и этот факт, видимо, является основополагающим в этом процессе.

В современном обществе проблемы взаимодействия общества и природы усугубляются процессами глобализации, которые вносят в повестку дня задачи социальной синергетики. Как справедливо отмечает В.П. Шалаев в своих исследованиях, достижения современного общества в освоении природного пространства зачастую приводят к кризисным явлениям, связанным с ложной либерализацией, индивидуализацией социальной свободы, нарушением синергетического баланса в условиях глобальных трансформаций [9-11]. Подобного рода подходы можно встретить в работах других учёных. Например, П.А. Водопьянов и Ч.С. Кирвель рассматривают необходимость утверждения в современном обществе экологического императива как одного из основополагающих принципов духовно-экологической цивилизации XXI века [12].

Отмеченные изменения непременно ведут к качественным преобразованиям в сфере мышления. К тому, что можно назвать формированием нового мышления, а отсюда и нового мировоззрения. Необходимым становится выработка не только новых суждений, понятий, но и новых теорий и концепций о месте и предназначении человека в мире природы. Все это свойственно и для экологической формы деятельности человека, которая отчетливо выявляется в последнее время, со всеми ее специфическими чертами. Необходимо отметить, что на роль и значение человеческого мышления в процессе обретения экологической безопасности и разрешения экологических проблем, порождённых техногенной цивилизацией, обращают внимание многие современные исследователи [13].

Потому следует более подробно остановиться на рассмотрении таких понятий, как «мышление» и «мировоззрение» и их отношениях. Мышление является достаточно устойчивым свойством человека. Его атрибуты сохраняются в неизменности на протяжении длительной исторической эпохи, связанной с определенным способом взаимодействия человека с природой. В научной литературе уже достаточно прочно укоренилось определение «первобытное мышление». Тем самым отмечается специфика мышления человека, жившего в эпоху первобытного общества и использовавшего присваивающий способ экзистенциального взаимодействия с природой. Но это определение также подчеркивает отличие мышления человека сельскохозяйственной цивилизации, использовавшего производящий способ взаимодействия, от первобытного мышления. В этом случае первое, безусловно, является *новым мышлением* по сравнению со вторым. Такое утверждение уже имеет своих сторонников. Среди них такие известные ученые, как Нобелевский лауреат И. Пригожин и его соавтор И. Стенгерс. Они подчеркивают: «Отличие нового взгляда на мир от традиционного столь глубоко, что... мы можем с полным основанием говорить о новом диалоге человека с природой» [14, с. 50].

В таком контексте следует понимать определение «новое мышление» применительно к человеку современной эпохи. С учетом того, что он предстает как

Nomo creatur и осваивает совершенно новый, отличающийся от предшествующих, созидательный способ взаимодействия с природной средой.

Заключение. Таким образом, формирование исследовательского инструментария по проблеме социальной свободы в экологической деятельности не сводится просто к определению используемых понятий (хотя в любом исследовании понятийный аппарат играет едва ли не основополагающую роль), но также приводит к анализу, характеристике и оценке тех явлений социальной действительности, которые включены в предметное поле данного исследования.

По сути, мы формируем поле работы со смыслами, в котором смыслы становятся и инструментами познания, и инструментами практического действия. В связи с этим будет уместным процитировать М. Хайдеггера, который метафорически показал трансформацию экологических смыслов в контексте социальной деятельности: «На Рейне поставлена гидроэлектростанция. Она ставит реку на создание гидравлического напора, заставляющего вращаться турбины, чье вращение приводит в действие машины, поставляющие электрический ток, для передачи которого установлены энергосистемы с их электросетью. В системе взаимосвязанных результатов поставки электрической энергии сам рейнский поток предстает чем-то предоставленным как раз для этого. Гидроэлектростанция не встроена в реку так, как встроены старый деревянный мост, веками связывающий один берег с другим. Скорее, река встроена в гидроэлектростанцию. Рейн есть то, что он теперь есть в качестве реки, а именно поставитель гидравлического напора, благодаря существованию гидроэлектростанции» [15, с. 226-227]. Здесь достаточно четко прослеживается перспективное направление исследований результатов социальной свободы, которая приводит к такому уровню экологической деятельности, когда изменяются природные функции и статусы.

Список литературы

1. Плетников Ю.К. О природе социальной формы движения. Москва: Изд-во МГУ, 1971. 247 с.
2. Клягин Н.В. От доистории к истории (Палеосоциология и социальная философия). Москва: Наука, 1992. 192 с.
3. Фролов И.Т. Перспективы человека: опыт комплексной постановки проблемы, дискуссии, обобщения. Москва: Политиздат, 1983. 350 с.
4. Гинзбург Э.Х., Федотов А.М., Чепкасов И.Л. Система для проверки моногенных гипотез о наследовании количественных признаков: препринт / СО АН СССР. Институт цитологии и генетики. Новосибирск, 1986. 27 с.
5. Комплекс программ для обработки результатов психодиагностического тестирования родословных человека: препринт / СО АН СССР. Институт цитологии и генетики, Вычислительный центр; И.Л. Чепкасов, Э.Х. Гинзбург, А.М. Федотов., В.Г. Колпаков; под ред. И.Л. Чепкасова. Новосибирск, 1986. 34 с.
6. Бердяев Н.А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). Москва: Книга, 1991. 446 с.
7. Урсул А.Д. Перспективы экоразвития. Москва: Наука, 1990. 270 с.
8. Массон В.М. Поселение Джейтун: проблема становления производящей экономики. Ленинград: Наука, 1971. 208 с.
9. Шалаев В.П. Актуальная синергетика: человек и общество в эпоху глобальных трансформаций. Йошкар-Ола: ПГТУ, 2013. 184 с.

10. Шалаев В.П. Синергетика глобального капитализма, потребления и отчуждения человека в обществе // Труды БГТУ. Серия 6: История, философия. 2017. С. 81-85.

11. Шалаев В. П. Из истории системосинергетики в пространстве отечественного и западного социально-гуманитарного знания // SOCIO TIME / Социальное время. 2017. № 1(9). С. 80-100.

12. Водопьянов П.А., Кирвель Ч.С. Экологический императив современности как поступательное движение к духовно-экологической цивилизации // SOCIO TIME / Социальное время. 2017. № 1(9). С. 16-29.

13. Анохина В. В. Концепция «зелёного роста» и ее альтернативы // SOCIO TIME / Социальное время. 2019. № 2(18). С. 9-23.

14. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой: пер. с англ. / общ. ред. В.И. Аршинова, Ю.Л. Климонтовича и Ю.В. Сачкова. Москва: Прогресс, 1986. 432 с.

15. Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления: пер. с нем. Москва: Республика, 1993. 447 с.

Авторская справка

ФИЛАТОВ Анатолий Сергеевич – кандидат философских наук, доцент кафедры политических наук и международных отношений философского факультета Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия. E-mail: asfilatov58@gmail.com.

UDC 502.1

DOI: 10.25686/2410-0773.2020.1.40

SOCIAL FREEDOM IN ECOLOGICAL ACTIVITY: RESEARCH TOOLS GENERATION

A. S. Filatov

Taurida Academy of Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol (Russia)

Introduction. The condition of the ecological environment has the status indicators of the society's living conditions (social statics), and the social freedom condition has procedural measurements associated with the embodiment of the essential human forces in time and space (social dynamics). The purpose of this article is to generate and formulate the research tools required for studying the problem of social freedom in environmental activities.

Methods. The methodological basis of our research is a system approach, the principles of development and historicism.

Results. The most important terms used our research are: consciousness, sociality, society, an individual, a person, personality, thinking, worldview, a social structure, culture, a civilization, activity, social freedom. They are quite established and widely present in domestic and foreign philosophy, although some of them need some additional explanation.

It is important that the definition of the term society is based on the recognition of the fact that the basis of person's social connections and social behavior is a factor of consciousness. It is owing to consciousness that a person acquires activity qualities. Their implementation in a social and natural environment conditions society formation and makes the basis of social freedom and is carried out with the environmental characteristics.

Conclusion. Research tools generation to study the problem of social freedom in environmental activity is not reduced to giving definitions of the concepts used (although, the conceptual constructs play a fundamental role in any research), but research tools generation also allows us to analyse, characterize and evaluate those phenomena of social reality that are the subject field of this study.

Keywords: social freedom, environmental activity, consciousness, sociality, society, person, thinking, social structure, culture, civilization

References

1. Pletnikov Yu.K. O prirode sotsial'noy formy dvizheniya [About the nature of the social form of movement]. Moscow: Izd-vo MGU [Moscow State University Publishing House], 1971, 247 p.
2. Klyagin N.V. Ot doistorii k istorii. (Paleosotsiologiya i sotsial'naya filosofiya) [From prehistory to history. (Paleosociology and social philosophy)]. Moscow: Nauka [Science], 1992, 192 p.
3. Frolov I.T. Perspektivy cheloveka: Opyt kompleksnoy postanovki problemy, diskussii, obobshcheniya [Human perspectives: Experience of complex problem setting, discussion, generalization]. Moscow: Politizdat [Politizdat], 1983, 350 p.
4. Ginzburg E.Kh., Fedotov A.M., Chepkasov I.L. Sistema dlya proverki monogennykh gipotez o nasledovanii kolichestvennykh priznakov [A system for testing monogenic hypotheses about the inheritance of quantitative features], preprint, SB of the USSR Academy of Sciences, Institute of Cytology and Genetics. Novosibirsk, 1986, 27 p.
5. Chepkasov I.L., Ginzburg E.Kh., Fedotov A.M., Kolpakov V.G. Kompleks programm dlya obrabotki rezul'tatov psikhodiagnosticheskogo testirovaniya rodo-slovnnykh cheloveka [A set of programs for processing the results of psychodiagnostic testing of generic people], preprint, SB of the USSR Academy of Sciences. Institute of Cytology and Genetics, Computing Center, pod red. I.L. Chepkasova. Novosibirsk, 1986, 34 p.
6. Berdyaev N.A. Samopoznanie (Opyt filosofskoy avtobiografii) [Self-knowledge (Experience of philosophical autobiography)]. Moscow: Kniga [Book], 1991, 446 p.
7. Ursul A.D. Perspektivy ekorazvitiya [Prospects for eco-development]. Moscow: Nauka [Science], 1990, 270 p.
8. Masson V.M. Poselenie Dzheyntun: Problema stanovleniya proizvodnyashchey ekonomiki [Jaytun settlement: The problem of the formation of a producing economy]. Leningrad: Nauka [Science], 1971, 208 p.
9. Shalaev V.P. Aktual'naya sinergetika: Chelovek i obshchestvo v epokhu global'nykh transformatsiy [Current Synergies: Man and Society in an Age of Global Transformation]. Yoshkar-Ola: VSUT, 2013, 184 p.
10. Shalaev V.P. Sinergetika global'nogo kapitalizma, potrebleniya i otchuzhdeniya cheloveka v obshchestve [Synergy of global capitalism, consumption and alienation of a person in society], *Trudy BGTU. Seriya 6: Istoriya, filosofiya* [Works of BSTU. Series 6: History, Philosophy], 2017, pp. 81-85.
11. Shalaev V. P. Iz istorii sistemasinergetiki v prostranstve otechestvennogo i zapadnogo sotsial'no-gumanitarnogo znaniya [From the history of systemsinergetics in the space of domestic and Western socio-humanitarian knowledge], *SocioTime / Sotsial'noe vremya*, 2017, No. 1(9), pp. 80-100.
12. Vodopyanov P.A., Kirvel' Ch.S. Ekologicheskii imperativ sovremennosti kak postupatel'noe dvizhenie k dukhovno-ekologicheskoy tsivilizatsii [Ecological imperative of modernity as a progressive movement towards spiritual and ecological civilization], *SocioTime / Sotsial'noe vremya*, 2017, No. 1(9), pp. 16-29.
13. Anokhina V. V. Kontseptsiya "zelenogo rosta" i ee al'ternativy [Green Growth Concept and Alternatives], *SocioTime / Sotsial'noe vremya*, 2019, No. 2(18), pp. 9-23.
14. Prigozhin I., Stengers I. Poryadok iz khaosa: Novyy dialog cheloveka s prirodoy [Order from chaos: A new dialogue between man and nature]: per. s angl., obshch. red. V.I. Arshinova, Yu.L. Klimontovicha, Yu.V. Sachkova. Moscow: Progress [Progress], 1986, 432 p.
15. Khaydegger M. Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya: [Time and Being: Articles and Speeches]: per. s nem. Moscow: Respublika [Republic], 1993, 447 p.

Author's Bio

FILATOV Anatoly Sergeevich – Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Political Science and International Relations, Faculty of Philosophy, Taurida Academy of Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia. E-mail: asfilatov58@gmail.com.

Библиографическая ссылка

Филатов А. С. Социальная свобода в экологической деятельности: формирование исследовательского инструментария // SocioTime / Социальное время. – 2020. – № 1(21). – С. 40-52. – DOI: 10.25686/2410-0773.2020.1.40

УДК 304.2; 316.42; 659.1
DOI: 10.25686/2410-0773.2020.1.53

КОММЕРЧЕСКАЯ РЕКЛАМА В ОБЩЕСТВЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ КАК ФАКТОР ОГРАНИЧЕНИЯ СУБЪЕКТНОСТИ

В. В. Хренков

Поволжский государственный технологический университет, Йошкар-Ола (Россия)

Введение. Статья с социально-философской критической позиции раскрывает функцию коммерческой рекламы по десубъективации представителей современного общества. Актуальность и значимость рассмотренного вопроса объясняется наряду с прочим тем, что коммерческая реклама является одной из детерминант развития экономики современного общества, фактором управления спросом и потребностями, отражением и атрибутом наличествующих общесоциальных тенденций, одним из условий глобального утверждения общества потребления и гомогенизации социокультурных потребностей представителей современного общества. В связи с этим на примере рекламы плодотворно исследование вопросов состояния современного общества и человека, того, что с ними происходит с точки зрения критериев, идеалов и принципов разумности человечества, подлинной свободы, социального и духовно-психологического здоровья.

Методы. В целях исследования проблемы нашли применение диалектический подход, а также, в частности, категориальный аппарат дискурсов неомарксизма, экзистенциализма, постмодернизма и гуманистической, социально-критической мысли XX-XXI вв.; теоретический анализ философской и социально-гуманитарной литературы по поставленной проблеме; качественный анализ продуктов рекламы и посвящённых рекламе и рекламной деятельности работ; синтез; восхождение от абстрактного к конкретному; метод обобщения; междисциплинарный подход к анализу социальных процессов.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. В статье анализируются способы наступления рекламы и посредством рекламы на человеческую субъектность, в том числе задействование инстинктивной природы человека и способность рекламы действовать в обход сознания реципиента и эксплуатировать в нём желания, эмоции, бессознательное. Делается акцент на том, что решать задачи по управлению субъектностью позволяет стратегия массовой мифологизации, идеализации товаров, то есть наделяния рекламируемого и продвигаемого искусственными и дополнительными ценностями и восприятиями. Важным аспектом статьи стало подчёркивание диалектичности взаимодействия «человек – реклама»: того, что сами свойства и качества человека (в частности, стремление сбросить с себя и груз сомнений, и в целом цепи субъектности, свободы), всеобщие примитивизация, неразумие служат непосредственной причиной успешности процессов по десубъективации. Отмечается, что рекламой культивируются модели и ориентации, враждебные сущностным устремлениям и многогранным способностям индивидов. Подчёркивается, что массовой атаке подвергается детское сознание, что позволяет с успехом реализовывать всеобщее управление сознанием и поведением, их эксплуатацию.

Заключение. В завершении статьи даются указания на некоторые возможные пути и варианты нейтрализации репрессивности рекламы, ослабления её нацеленности на подчинение реципиента: реализация посредством рекламы диалоговой коммуникации; осознание самим человеком своей субъектности, принятие ответственности в стремлении к самоорганизации в виде критической и преобразовательной активности.

Общим итогом исследования стало фиксирование таких особенностей и функций рекламы, как воздействие (посредством использования различных завуалированных приёмов и средств принуждения) на примитивные и нездоровые спектры человеческой психики с целью их эксплуатации; отражение, использование в своих интересах и воспроизведение ценностей и норм

массового сознания и массовой культуры; моделирование человека, начиная с его детского возраста, по образцу существа, ограниченного низкоразвитыми потребностями, интересами, устремлениями. Тем самым было дано обоснование феномена современной коммерческой рекламы как вносящего свой вклад в целый ряд репрессивных по отношению к субъектности процессов, содействующих ослаблению и устранению субъектности в современном обществе, в обществе потребления.

Ключевые слова: коммерческая реклама; общество потребления; социальная деструкция; современный человек; человеческое существование; субъектность.

Введение. Коммерческая реклама в современном обществе предстаёт в качестве универсального социального феномена, одного из определяющих общественные отношения и также всю массовую культуру, являющую собой общезначимость (вследствие вседесущности, всеохватности, пропагандируемости, общепризнаваемости). Реклама – это, например, и детерминанта развития, роста современной экономики, и фактор управления спросом и потребностями, и отражение и атрибут актуальных общесоциальных тенденций. Кроме того, она одно из условий глобального утверждения общества потребления. И к тому же каждый человек в современных условиях так или иначе испытывает воздействие рекламно-информационных потоков.

И поскольку в рекламе отражаются, проявляются, а также воспроизводятся характерные для общества потребления общественные отношения, ценности, нормы и стереотипы – то именно она служит плодотворной иллюстрацией для изучения вопросов, связанных с тем, каковы состояние современных общества и человека и что с ними происходит (в том числе с позиции того, насколько реализуется подлинная свобода; эволюционирует разумность человечества; и т. п.).

Под рекламой в данной статье в первую очередь понимается существование, функционирование и воспроизводство в социальном пространстве совокупной массы коммерческих рекламно-информационных продуктов (образов).

В контексте настоящего исследования под субъектностью (субъектным началом) подразумевается способность человека проявлять волю, стремление к выявлению и осуществлению в себе (и посредством себя, через себя) следующих качеств, свойств и целей: осознанность; осуществление попыток по осознанию собственных автоматических (будь то эмоциональных или мыслительных) реакций и побуждений, неразумных и пагубных проявлений своей природы и по противодействию им, а также нажиму, принуждению, исходящему извне (от общественной среды); устремлённость к познавательной и духовной самоактуализации.

Относительно вкладываемого в понятие «общество потребления» смысла скажем, что он раскрывается в некоторых наших статьях¹.

¹ См., в частности: Хренков В. В., Шалаев В. П. Феномен общества потребления в истории и современности // Общество потребления и потребительские практики как фактор национальной безопасности и устойчивого развития России в глобальном мире: сб. статей / под общ. ред. проф. В. П. Шалаева. Йошкар-Ола: ПГТУ, 2015. С. 19-29; Хренков В. В. Общество потребления как общество отсутствия счастья: социально-философский анализ // Труды БГТУ: научный журнал. Серия 6. «История, философия». Минск, 2017. № 1 (197). С. 126-129; Хренков В. В. Социально-философские идеи Жана Бодрийера о роли рекламы в современном обществе // SocioTime / Социальное время. 2017. № 2 (10). С. 44-48.

В социально-философском ключе проблема социальной функции коммерческой рекламы по ограничению субъектного начала требует дополнительного анализа, тем более в условиях неизменной социальной динамики. К тому же *критический подход востребован как социально, гуманистически и экзистенциально значимый*. Философско-критическая позиция к сфере коммерческой рекламы и к обществу потребления жизненно необходима в системе координат, выстроенных на идеалах / принципах социального и духовно-психологического здоровья.

В статье ориентация на высокопродуктивные (в том числе с точки зрения соответствия вышеуказанным тезисам) в своих выводах и идеях дискурсы неомарксизма, экзистенциализма и гуманистической традиции нашла согласование с обращением к анализу сферы рекламы со стороны специалистов в области теории рекламы, а также с личными наблюдениями и выводами. Помимо того, учтены, в частности, философские принципы целостности и дополнительности, междисциплинарный и критический подходы. Взаимовлияние рекламы и нравственных (и идейных) ориентаций социума обуславливает насущность её анализа как одного из объектов социально-философского анализа.

Необходимость исследования рекламы как объекта философского рассмотрения актуализирована также потребностями современного рыночного общества и всё увеличивающемся встраиванием рекламы в разнообразные области общественной жизни. Рекламное пространство утвердилось как гомогенизирующий фактор для социокультурных потребностей широких слоёв общества. Ко всему отмеченному, анализ социальной функции коммерческой рекламы по ограничению субъектного начала служит раскрытию тенденций развития системы общества потребления как целого; а усмотрение этих тенденций и позволяет, в свою очередь, постигать своеобразие, специфику задач, препорученных этой социальной системой рекламе.

Методы. В качестве теоретико-методологической основы работы послужил диалектический подход, позволяющий изучать рекламу как социальный феномен в его институциональной целостности, функциональной детерминированности и во взаимосвязи разнообразных социальных явлений; дающий возможность исследовать диалектику современного общества и современной рекламы, находящихся в процессе взаимного формирования, взаимодействия, влекущего за собой социальное движение; способствующий выявлению сквозь призму рекламного пространства противоречий между имеющимся состоянием общества и его должным, идеальным образом.

Для анализа проблемы востребованными стали также, в частности, следующие методы: категориальный аппарат дискурсов неомарксизма, экзистенциализма, постмодернизма и гуманистической, социально-критической мысли XX-XXI вв.; теоретический анализ философской и социально-гуманитарной литературы по исследованной проблематике; качественный анализ продуктов рекламы и работ, посвящённых рекламе и рекламной деятельности; синтез; восхождение от абстрактного к конкретному; метод обобщения; междисциплинарный подход к анализу социальных процессов.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение.

Ограничения, положенные объёмами и логикой такой формы исследования, как научная статья по проблематике, связанной с социально-философским дискурсом, обуславливают необходимость для нас *сделать акцент лишь на предельно малых, но в то же время предельно значимых и показательных проявлениях рекламного дискурса современности*. В целях аргументирования оснований для проведённого в статье комплекса теоретических построений немаловажно прежде всего акцентировать внимание на той особенности рекламы, что заключается в выработке ею склонности к рекламируемым объектам даже при наличии у людей скептицизма по отношению к ней. Реклама способна ориентировать на приобретение и потребление товаров и услуг посредством такого своего свойства, как массированность. Даже в моменты отрицательной настроенности людей по отношению к рекламе «их подсознание заставляет реагировать на нее так, как этого хочет рекламодатель» [14, с. 241]. Обусловлено это в т.ч. тем, что в своей повторяемости реклама содержит гипнотический эффект, вследствие чего покупка совершается даже скептически настроенным в отношении рекламы человеком [15, с. 13]. Способность рекламы влиять в обход сознания воспринимающего объясняется тем, что воспринимающий – зачастую также и нерелексирующий (в принципе или же в ситуациях осуществления влияния) и что в создании рекламы задействуются и трудовые, и интеллектуальные, и финансовые ресурсы в большом количестве (что делает шансы на успех значительными).

Прежде чем развивать в данной статье анализ, связанный с проблемой наступления на субъектность, следует одновременно сделать и акцент на *самих носителях* субъектности (более реальной или же более мнимой – в зависимости от самих качеств носителя и от других факторов). Признаком современного периода общественного развития является, по Э. Фромму, функционирование всемогущей машины пропаганды и манипуляции. Однако, делает он акцент, её эффективность в подавлении индивидов обусловлена в том числе качествами самих индивидов, «предрасположенных к ее восприятию благодаря рекламе и в силу своего отчужденного образа жизни» [18, с. 385]. Ж. Бодрийяр высказывает мысль, что реклама крайне необходима в силу наличия потребности у современных достигших благосостояния людей в грёзах, в недопущении фрустрации и в проявляемой о них заботе [5, с. 188]. В. В. Корнев ставит вопрос всеобщей примитивизации таким образом: опошленная действительность потому преобладает, что её первопричина исходит от нас, тривиально мыслящих людей, а окружающие нас вещи лишь «опредмечивают наши интимные желания» [10, с. 245, 246]. В качестве таких интимных желаний предстаёт, к примеру, озабоченность своими телом и внешностью. Эта озабоченность подвергается искусной эксплуатации. В итоге получается, что сам человек – одна из непосредственных причин успешности процессов, связанных с десубъективацией.

В продолжение уместно отметить, что реальность сегодня такая, какой она воспринимается массами из средств массовой информации. И реклама в такой трактовке – это часть сфабрикованной действительности, когда имеет место процесс наблюдения за срежиссированными постановками, за симуляциями. Не без

причины О.А. Феофановым отмечается, что жизнь во взаимодействии со СМИ и рекламой увеличивает отчуждение от жизненного опыта и опосредствованное его понимание и приводит к жизни в мире вымыслов, «имиджей» [17, с. 144]. Реклама, как указывает Ж. Бодрийяр, увлекает потребителей в выдуманные ею события, которые становятся реальными по причине включения потребителей в дискурс рекламы [4, с. 166]. Соприкосновение с рекламным образом оборачивается для человека превращением в пассивного индивида-потребителя. По мысли А.В. Кукаркина, «превращая личное потребление в “социально важный” фактор, реклама служит способом закабаления и духовного опустошения личности» [11, с. 42].

Таким образом, налицо культивация моделей и ориентаций, чуждых сущностным устремлениям индивидов и их многогранным способностям. В целом же о том, что реклама сама по себе в наличествующей своей форме находится на самых нижних (но как раз и ставших в обществе потребления основополагающих и определяющих) этажах сформированной культуры, говорит нам хотя бы следующее высказывание учёного Ч. Рейча: «Наша американская культура низведена до уровня рекламы» (цит. по [16, с. 34]). И именно американская культура находится в форпосте и культурной, и экономической глобализации. А реклама (такой, какой она стала и утвердилась в пространстве современности) выросла и развилась во многом именно на американской почве. Тем не менее только что отмеченная грань процесса складно сочетается с тем фактом, что реклама создаётся подлаживающейся под сознание человека из любой культуры, с любым местным менталитетом. И тем самым, как трактует эту ситуацию Д. Неведимов, рекламист «продаёт душу народа своим заказчикам» [13]. По причине ориентированности рекламы на инстинкты и бессознательные импульсы она «по самому своему определению не может быть добросовестной», делает личный вывод утверждает П.С. Гуревич [8, с. 9].

Примечательно, что решать задачи по управлению человеческой субъектностью позволяет стратегия массовой идеализации товаров. Так, общеупотребима привязка рекламы к темам и образам индивидуального и (или) семейного счастья. И рекламироваться таким образом может всё что угодно... «Функция рекламы состоит в том, – пишет В.П. Шестаков, – чтобы обольщать и внушать. Поэтому внешний вид товара становится важнее, чем сам товар» [23, с. 90-91].

На то, что переживаемый потребителем товар – вовсе не реальный товар, поскольку их «разделяет масштабный процесс выработки ложных восприятий и ценностей», указывает, в частности, Р. Барт [2, с. 368, 415]. К примеру сказать, в рекламе косметических и гигиенических средств делается акцент на обладании ими свойствами придавать «женский» или «мужской» аромат. Или вещь может «говорить», например, об общественном статусе её владельца, о месте владельца в социальной структуре общества, о степени его богатства, социальной влиятельности, вкусовой ориентации, об уровне культуры. И в результате потребляется нами, как отмечает Э. Фромм, не реальный продукт, а плод нашего воображения [18, с. 155].

Однако это, во-первых, только на руку системе общества потребления, а во-вторых – способствует развитию стереотипов, норм и ценностей, оказывающих обратное подкрепляющее воздействие на общество потребления. Совместно с товарами, брендами разделяемое людьми пространство, превращающееся в тесно переплетённое, получает осуществление в ситуации, являющейся следствием удачной для заинтересованных субъектов привязки потребителей к раскрученным продуктам. Разрекламированными свойствами таких продуктов могут быть содержащийся в них потенциал придания людям образа человека с хорошим вкусом, мужественности, сексуальной привлекательности, определённого социального статуса, престижа, включения в желанные и ассоциирующиеся с успешностью группы. При всём при том распространённым оказывается положение, когда оценка индивидов друг друга отражает усвоенные ими стереотипы и шаблоны, корни которых лежат в материально-гедонистических ценностях, исходящих от установленной системы общества потребления. Интересным и значимым становится лишь внешнее обрамление человека, «упаковка», составленная из вещей конкретных марок, и манера поведения, согласующаяся с заданными ориентациями.

Однако управление сознанием и поведением реализуется далеко не только с помощью стратегии надления рекламируемого и продвигаемого, искусственными ценностями и восприятиями, но и за счёт инстинктивной природы человека. Среди инстинктов из нижнего спектра, из которых извлекает пользу реклама, экспертами могут выделяться следующие: это самосохранение, любовь / размножение и стремление к превосходству над другими (см., например, [16, с. 31-32]). В частности, сложно не признать разумной ту мысль, что осуществляемое для извлечения коммерческой выгоды «беззащитное использование женских форм» [6, с. 211] унижает достоинство женщин. Однако практика отождествления в рекламе вещей с женщинами позволяет успешно решать задачи по убеждению людей². Основанием же успешности данной технологии воздействия на человека является то, что сфера бессознательного и эмоций (а она и предстаёт объектом для эксплуатации и манипуляции в рекламе, действующей в обход сознания) не подпадает в полной мере под контроль сознания. Ко всему во всей этой ситуации очевиден факт использования принципа наслаждения и «заражения» желанием товара. Как итог – для привлечения внимания в рекламе стало принципом использование сексуальных мотивов, инстинктов человека, поскольку интересы капитала, бизнеса не предполагают выбора средств. При разработке рекламы могут братья в расчёт мании, желания, склонности потребителя и использоваться технологии³, служащие цели направить его энергию в русло самоудо-

² В пределах такого регионального российского города, как Йошкар-Ола, использование в рекламных продуктах женского тела / женского образа также имеет место: к примеру, в наружной рекламе (меховых салонов и др.), в рекламе на общественном транспорте (будь то магазин инструментов или, допустим, услуги по автоэкспертизе, и т. д.), в рекламном объявлении металлических дверей в региональных информационных газетах или, например, в информационно-рекламном издании, посвящённом семейным покупкам.

³ См. более подробно о разновидностях применяемых в рекламе технологий, например, [1].

влетворения от потребления и обратить недовольство (происходящим в обществе, например) индивидов в область устремления к успеху.

Своевременно провести мысль о том, что использование (эксплуатация) слабостей, стереотипов, определённых эмоциональных реакций потребителей, а также их неосознанности происходит вместе с погружением в пассивное, инертное, безмысленное восприятие и нерассуждающее состояние, усугубляющееся тем, что масса рекламного продукта порой обволакивает современного индивида в немеренных масштабах. И этот процесс имеет характер монолога, свидетельствующий об однолинейности воздействия, и обладает такой отличительной чертой, как вторжение рекламы в пространство человеческого существования, при котором человек часто не является субъектом в аспекте самостоятельного принятия решения о соприкосновении с рекламой: при просмотре телепередач или видеоконтента в интернете, при погружении в пустой и отторгающий от подлинного развития мир социальных сетей и т. п. Описание Э. Аронсоном, Э.Р. Пратканисом «типичного рекламного объявления» как объявления «одностороннего», «состоящего из небольшой информации, непомерного восхваления и множества преувеличенных утверждений» [1, с. 217], явственно свидетельствует о малоодстойном (с позиции этических критериев) уровне этого массового продукта, но не отражает всей его репрессивности как феномена, нацеленного на подчинение реципиента. И что, в частности, можно добавить по этому поводу – так это тезис о том, что сама по себе реклама «как пропагандистский инструмент, ориентируется на сознательное и бессознательное, на бесчисленные повторения, “вдалбливание”» [12].

Представляется несомненным, что реклама, воздействуя самым своим повторением, постоянно и неотступно преследует современного человека, поскольку далеко не редка такая, например, ситуация, когда время просмотра телевизора и нахождения в интернете и время, когда они просто включены и функционируют, имеет большие, угрожающе большие объёмы. Встречаясь повсюду, реклама становится принуждающим (неявно) к потреблению механизмом. Рекламодатель призывает покупать именно его продукт, при этом в сотрудничестве с рекламопроизводителями преподнося людям готовые образцы (например, каким стандартам должны соответствовать тело, внешний облик, поведение). О. А. Феофанов в том, что отмечалось выше, видит «скрытое, замаскированное насилие над сознанием людей, заставляющее их поступать вопреки своим объективным интересам» [17, с. 38]. И такая трактовка представляется справедливой: ведь индивид становится контролируемым через внедрённые внутрь него механизмы, которые руководят его мыслями, желаниями, действиями. Говоря несколько иначе, в соответствии с принципом, заключающемся в стремлении достигнуть коммерческой цели любым возможным путём, реклама нацелена на формирование стиля жизни, ценностных критериев и познавательных стратегий. Ею внедряются стереотипы, программы мышления и поведения в умы индивидов, чему в особенности подвержены дети. Многочисленные опросы и имеющийся у родителей опыт доказывают, что дети дошкольного возраста неимоверно податливы рекламе (см. об этом, например, [1, с. 351-352]).

Беспокоящим является использование в обществе потребления в отношении людей с самого их детства технологий продвижения посредством рекламы брендов в качестве инструмента воздействия (как средство трансляции рекламы юному населению в западном обществе уже продолжительное время используются даже школы и привлечение детских психологов, помогающих завладеть сознанием детей (см. об этом, например, [7, с. 15, 108-111]), что обусловлено стремлениями крупных корпораций навязать лояльность по отношению к своему бренду. Маркетинг не останавливают даже такие способы достижения своих целей, как использование детей в качестве рычагов давления на их родителей с целью совершения дорогостоящих покупок [9, с. 95-106]. Также важно иметь в виду и стремления владельцев разнообразных объектов (например, школ, спортивных сооружений), использующих последние для рекламы. Большие прибыли затмевают соображения о духовно-психологическом состоянии населения, самыми важными признаются приёмы превращения людей с ранних лет в верных тем или иным брендам потребителей (см. подробнее об этом [9, с. 108-111]).

Ещё одна из граней разбираемого вопроса – эксплуатация детского образа. Немаловажно указать на использование в том числе и в российской рекламе образов детей: как в случае рекламы майонеза, детского питания или рекламных объявлений о пластиковых окнах, натяжных потолках в газетах г. Йошкар-Олы. Эксплуатация образов детей в западной рекламе еще распространеннее: примерами являются сюжеты, в которых дети выполняют исполненные дурачества действия (шоколад), и образы танцующих младенцев в телерекламе минеральной воды⁴.

Ф. Манкиевц и Дж. Сврдлов отмечают: американских детей подставляют под пресс информации от рекламодателей о том, что «путь к счастью лежит через обладание товарами» [6, с. 197]. Как указывает публицист Р. Джеррел, людей с детского возраста учат «понимать жизнь как серию выборов между вещами и услугами» [23, с. 33]. В качестве подтверждения приведённых утверждений можно привести рекламу, в которой обыграно поочередно улучшающееся и ухудшающееся настроение младенца (!) в зависимости от того, попадает ли в его поле зрения при раскачивании кроватки расположенный в небе логотип ресторана быстрого питания⁵.

Таким образом, следует диагностировать социальную проблему обращения современного человека уже в его детском возрасте в один из современных, очередной по счёту, вариант религии-идеологии-мифологии, что основана теперь чуть ли не всецело на коммерческих и потребительских ценностях. Современная социально-экономическая система функционирует благодаря такому воспитанию

⁴ Cadbury Eyebrows. Реклама шоколада Cadbury. URL: https://www.youtube.com/watch?time_continue=4&v=2zN2H9dYLUe (дата обращения 15.03.2020); Evian: реклама воды, в которой участвуют малыши. URL: https://www.youtube.com/watch?time_continue=5&v=rP_5W1B7pYY (дата обращения 15.03.2020).

⁵ Смешная и креативная реклама McDonald's (малыш). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=gv2g0NenvUE> (дата обращения 15.03.2020).

человека, чтобы он себя осуществлял и находил своё призвание в действиях, связанных с интенсивной работой, потреблением, обладанием и использованием.

На языке Э. Фромма, в настоящую эпоху мы имеем дело с преобладанием социального характера, который перенял, сделав своей потребностью, требование социальной системы о необходимости жить и действовать как потребитель, обратил это жизненно важное для системы предписание в свой долг и источник удовлетворения. Человеком потребляется то, что своевольно диктуется к потреблению самодовлеющей социальной и экономической машиной и что при этом нацелено на нарастание внутри него скуки. Но и потребители, и бизнес (в том числе несущий пагубу олигархат) – всего лишь, как верно отмечает Фромм, «узники одной и той же отчужденной системы» [19, с. 253, 254, 60, 155, 140].

Разбирая проблему состояния и поведения современного человека, З. Бауман полагает, что одержимость покупками объясняется совокупностью причин: реализация своих меркантильных и гедонистических устремлений, их умелая эксплуатация коммерцией, коммерческой культурой, а также стремление всеми силами избавиться от агонии в виде «острой нервнующей неопределенности» и «изматывающего чувства отсутствия безопасности». Именно с помощью покупок с развлечениями, сулящих определённую уверенность, люди питают надежду обрести уверенность и надёжность [3, с. 89-90]. При этом, разумеется, не стоит отторгать допущение – факт о небезвольности человека (или определённой части способных на это людей). Однако и при таком раскладе десубъективирующее влияние на психику, поведение, жизнь человека наличествует: в виде захламления рекламно-информационными потоками (во многом бессодержательными и агрессивными) сознания и подсознания, невозможности их осмысления и переработки в полной мере...

Заключение. Что касается *вариантов и путей ослабления* рассмотренных несущих пагубное влияние на субъектное начало процессов, то они могут, наряду с прочим, заключаться в том, что рекламе следует быть диалогом и отказываться от навязчивости, хвастливости, неуважения к аудитории. И об этом, между прочим, пишут и те из авторов, что имеют то или иное отношение к рекламно-коммуникативным практикам: такие специалисты, как В.П. Шейнов [22, с. 370], или Э.А. Уткин и А.И. Кочеткова, полагающие, что успех ждёт с большей вероятностью не манипуляторов сознанием, а производителей, обеспокоенных прежде всего обоюдодовыгодными отношениями с покупателями [15, с. 189].

Вместе с тем первоочередным условием защиты и развития своей субъектности (и своего развития в целом) нельзя не признать именно ответственность в стремлении к самоорганизации, зиждущейся на критической и преобразовательной активности (преодоление себя, творчество, развитие сознания, т. п.), на воле к реализации этой активности.

Среди итогов и обобщений осуществлённого анализа стоит в завершение выделить то, что сферой воздействия и эксплуатации посредством коммерческой рекламы являются примитивные и грубые, нездоровые спектры человеческой психики, а также совершаемых человеком действий. Опираясь на элементы психики и поведения индивидов, а также отражая ценности и нормы массового со-

знания и массовой культуры, реклама использует их в своих интересах, утверждая и воспроизводя. Расчёт ставится на затрагивание струн в человеческом нутре, сопряжённых, в частности, со стремлением сбросить с себя груз сомнений, а в целом – с желанием отринуть от себя цепи субъектности, свободы.

Использование многообразных завуалированных приёмов и средств принуждения и моделирование человека, начиная с его детского возраста, по образцу существа, ограниченного низкоразвитыми потребностями, интересами, устремлениями, – это то, что свидетельствует о таком варианте тоталитаризма (всепроницающего, скрытого, но некоторым образом также и более прогрессивного тоталитаризма) и репрессивного, отчуждённого, формально свободного общества, как современный капитализм в виде общества потребления. Ставшие предметом освещения и анализа некоторые из существенных проявлений, определяющих мир современной рекламы, позволяют нам усмотреть общесоциальную направленность института коммерческой рекламы в обществе потребления.

Феномен современной рекламы вносит вклад в следующие, репрессивные по отношению к субъектности, процессы: утверждение главенствующего в обществе потребления принципа, заставляющего людей участвовать в бесконечной гонке за миражами и следовать потребительскому способу существования, компенсирующему всё сложное и противоречивое многообразие мира; формирование в человеческих существах заикленности на телесных проявлениях, на своём эго, на следовании своим низменным инстинктам и потребностям и принципу самоудовлетворения; дестабилизация сознания и поведения человека; отстранение индивидов от проблем экзистенциального характера и избрание упрощённого пути, свидетельствующего об унификации жизненного мира, о погружении во взявшие власть над сознанием стремления потребительского толка; распространение ценностей и моделей существования, во многом противоречащих социально полезным, гуманистическим, бесконфликтно-объединяющим и духовно-интеллектуальным устремлениям.

Всё это – показатели умаления и даже уничтожения субъектности, которая уменьшается как шагреновая кожа под натиском глобального общества потребления и его информационно-рекламных практик управления человеком [20; 21].

Список литературы

1. Аронсон Э., Пратканис Э. Р. Эпоха пропаганды: Механизмы убеждения, повседневное использование и злоупотребление / пер. с англ. И. Н. Волковой, Е. Н. Волкова. Санкт-Петербург: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2002. 384 с.
2. Барт Р. Система Моды. Статьи по семиотике культуры / пер. с фр.; вступ. ст. и сост. С. Н. Зенкина. Москва: Издательство им. Сабашниковых, 2003. 512 с.
3. Бауман, З. Текучая современность / пер. с англ. С. А. Комарова; под ред. Ю. В. Асочакова. Санкт-Петербург: Питер, 2008. 240 с.
4. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / пер. с фр.; послесл. и примеч. Е. А. Самарской. Москва: Республика; Культурная революция, 2006. 269 с.
5. Бодрийяр Ж. Система вещей / пер. с фр. С. Зенкина. Москва: Рудомино, 1999. 224 с.
6. Герасимов Г. И. Общество потребления: мифы и реальность. Москва: Знание, 1984. 232 с. (Империализм. События. Факты. Документы).
7. Говард М. Мы знаем, что вам нужно. Как они влияют на ваше сознание / пер. с англ. М. Финогенова. Екатеринбург: Ультра. Культура, 2007. 192 с.

8. Гуревич П. С. Психология рекламы: историко-аналитическое и философское содержание: учеб. пособие. Ростов н/Д.: Феникс, 2009. 459 с. Режим доступа: <http://klex.ru/ezb> (дата обращения 14.03.2020).
9. Де Грааф Дж., Ванн Дэвид, Томас Х. Нэйлор. Потребляемость: Болезнь, угрожающая миру / пер. с англ. Н. Макарова. Москва: Ультра. Культура, 2003. 392 с.
10. Корнев В. В. Философия повседневных вещей. Москва: Юнайтед Пресс, 2011. 250 с.
11. Кукаркин А. В. Буржуазная массовая культура: Теории. Идеи. Разновидности. Образцы. Техника. Бизнес. 2-е изд., доработ. и доп. Москва: Политиздат, 1985. 399 с.
12. Макаревич Э. Ф., Карпухин О. И., Луков В. А. Социальный контроль масс. Режим доступа: <http://bookfi.net/book/24336> (дата обращения 14.03.2020).
13. Неведимов Д. Религия денег, или Лекарство от рыночной экономики. Режим доступа: https://royallib.com/book/nevedimov_dmitriy/religiya_deneg_ili_lekarstvo_ot_rinочноy_ekonomiki.html (дата обращения 14.03.2020).
14. Рожков И. Я., Кисмерешкин В. Г. От брендинга к бренд-билдингу. Москва: Гелла-принт, 2004. 320 с.
15. Уткин Э. А., Кочеткова А. И. Рекламное дело. Москва: Тандем; ЭКМОС, 1998. 272 с.
16. Феофанов О. А. Реклама: новые технологии в России. Санкт-Петербург: Питер, 2003. 384 с.
17. Феофанов О. А. США: реклама и общество. Москва: Мысль, 1974. 264 с.
18. Фромм Э. Здоровое общество. Догмат о Христе / пер. с нем. Москва: АСТ; Транзиткнига, 2005. 571 с.
19. Фромм Э. Революция надежды. Избавление от иллюзий / пер. с англ. Москва: Айрис-пресс, 2005. 352 с.
20. Шалаев В.П. Осторожно, мутация: человек и общество перед вызовами глобализации, заподозрения и потребления: противоречия нарастают // Socio Time / Социальное время. 2015. № 3. С. 48-57.
21. Шалаев В.П. Бифуркационный человек в глобальном обществе потребления // Socio Time/Социальное время. 2016. № 2 (6). С. 71-81.
22. Шейнов В. П. Эффективная реклама. Секреты успеха. Москва: Ось-89, 2003. 448 с.
23. Шестаков В. П. Мифология XX века: Критика теории и практики буржуазной «массовой культуры». Москва: Искусство, 1988. 224 с.

Авторская справка

ХРЕНКОВ Вадим Владимирович – кандидат философских наук, магистр, доцент кафедры социальных наук и технологий, Поволжский государственный технологический университет, Йошкар-Ола, Россия. E-mail: vad042@yandex.ru.

UDC 304.2; 316.42; 659.1

DOI: 10.25686/2410-0773.2020.1.53

**ADVERTISING IN THE CONSUMER SOCIETY
AS A REASON OF SUBJECTIVITY CONSTRAINT**

V. V. Khrenkov

Volga State University of Technology, Yoshkar-Ola (Russia)

Introduction. The article deals with the function of advertising to desubjectivate members of modern society from the social-philosophical and point of view. The relevance and significance of the subject is explained together with other things, by the fact that advertising is one of the determiners of economy development in the modern society. Advertising controls demand and needs, it is a reflection and attribute of the present general social trends. Advertising is one of the conditions for the global consolidation of the consumer society and sociocultural needs homogenization of the members of modern society. In this regard, the example of advertising provides grounds to study the condition of

modern society and a man and what happens to them in terms of criteria, ideals and principles of reasonableness of humankind, true freedom, social and spiritual-psychological health.

Methods. In order to study the problem, a dialectical approach was used, as well as, in particular, the categorical tools of neo-Marxist, existentialism, postmodernism discourses and humanistic, social-critical thought of the 20th – 21st centuries; theoretical analysis of philosophical and social and humanitarian literature on issue raised; qualitative analysis of advertising products and papers on advertising; synthesis; ascending from the abstract to the concrete; a generalization method; an interdisciplinary approach to social process analysis.

Results. The author analyzes the advance of advertising on human subjectivity, including the manipulation of the person's instinctive nature and the capacity of advertising to bypass the recipient's consciousness and exploit his desires, emotions and the unconscious. Emphasis is made on the strategy of large-scale mythologization, idealization of goods, i.e. the endowing the advertised and promoted product with artificial and additional values and perceptions to control subjectivity. An important issue of the article is highlighting the dialectic ability of the man – advertising interaction: the person's characteristics and qualities (in particular, the wish to eliminate doubts and, in general, the chain of subjectivity, freedom), general simplification, mindlessness contribute to the success of subjectivity constraint. It is noted that advertising creates patterns and trends hostile to the authentic purposes and multifaceted abilities of people. It is emphasized that a massive attack is made on children's consciousness, which allows to control successfully consciousness and behavior.

Conclusions. At the end of the article, some possible ways and options are given to neutralize the repressiveness of advertising, to suppress its focus on the recipient's subordination: establishing dialog communication; the person's own awareness of his or her subjectivity, taking responsibility in the pursuit of self-organization in the form of critical and transformative activity.

The general outcome of the study is stating such features and functions of advertising as the impact (through the use of various hidden techniques and means of compulsion) on primary and unhealthy spectra of the human psyche to exploit them; reflection, taking advantage and reproduction of values and rules of mass consciousness and mass culture; moulding of a person, starting from his childhood, according to the sample of the person having narrow needs, interests, aspirations. In this way, a substantiation was given of modern advertising as contributing factor to a number of repressive processes to the subjectivity, suppressing and eliminating subjectivity in modern society and in consumer society.

Keywords: advertising; consumer society; social destruction; present-day human being; human existence; subjectivity.

References

1. Aronson E., Pratkanis E. R. Epokha propagandy: Mekhanizmy ubezhdeniya povsednevnoe ispol'zovanie i zloupotreblenie [Age Of Propaganda: The Everyday Use and Abuse of Persuasion], per. s angl. Saint Petersburg: Praym-EVROZNAK, 2002, 384 p.
2. Bart R. Sistema Mody. Stat'i po semiotike kultury [System of Fashion. Articles on semiotics of culture] ; per. s fr. ; vstup. st. i sost. S. N. Zenkina. Moscow: Izdatel'stvo im. Sabashnikovyh [Publishing house named after Sabashnikovs], 2003, 512 p.
3. Bauman Z. Tekuchaja sovremennost' [Liquid Modernity] ; per. s angl. S. A. Komarova pod red. Ju. V. Asochakova. Saint Petersburg : Piter, 2008, 240 p.
4. Baudrillard J. Obshchestvo potreblenija. Ego mify i struktury [The Consumer Society: Myths and Structures] ; per. s fr. ; poslesl. i primech. E. A. Samarskoj. Moscow: Respublika ; Kul'turnaja revoljucija [Republic; Cultural Revolution], 2006, 269 p.
5. Baudrillard J. Sistema veshhej [The System of Objects] ; per. s fr. S. Zenkina. Moscow: Rudomino, 1999, 224 p.
6. Gerasimov G. I. Obshchestvo potreblenija: mify i real'nost' [Consumer society: myths and reality]. Moscow: Znanie [Knowledge], 1984, 232 p.

7. Govard M. My znaem, chto vam nuzhno. Kak oni vliyayut na vashe soznanie [We Know What You Want: How They Change Your Mind] ; per. s angl. M. Finogenova. Ekaterinburg : Ul'tra. Kul'tura, 2007, 192 p.
8. Gurevich P. S. Psihologija reklamy: istoriko-analiticheskoe i filosofskoe sodержanie [Advertising psychology: historical, analytical and philosophical content] : ucheb. posobie. Rostov n/D. : Feniks [Phoenix], 2009, 459 p. Available at: <http://klex.ru/ezb> (accessed 14.03.2020).
9. De Graaf J., Vann D., Neylor Thomas H. Potrebljatstvo: Bolezn', ugrozhajushhaja miru [Affluenza: The All-Consuming Epidemic] ; per. s angl. N. Makarova. Moscow: Ul'tra. Kul'tura, 2003, 392 p.
10. Kornev V. V. Filosofija povsednevnyh veshhej [Philosophy of daily things]. Moscow: Junajted Press, 2011, 250 p.
11. Kukarkin A. V. Burzhuaznaja massovaja kul'tura: Teorii. Idei. Raznovidnosti. Obrazcy. Tehnika. Biznes [Bourgeois mass culture: Theories. Ideas. Versions. Samples. Equipment. Business]. 2-e izd., dorabot. i dop. Moscow: Politizdat, 1985, 399 p.
12. Makarevich Je. F., Karpuhin O. I., Lukov V. A. Social'nyj kontrol' mass [Social control of masses]. Available at: <http://bookfi.net/book/24336> (accessed 14.03.2020).
13. Nevedimov D. Religija Deneg ili Lekarstvo ot Rynochnoj Jekonomiki [Religion of Money or Cure for Market Economy]. Available at: https://royallib.com/book/nevedimov_dmitriy/religiya_deneg_ili_lekarstvo_ot_rinochnoj_ekonomiki.html (accessed 14.03.2020).
14. Rozhkov I. Ja., Kismereshkin V. G. Ot brendinga k brend-bildingu [From branding to brand-bilding]. Moscow: Gella-print, 2004, 320 p.
15. Utkin Je. A., Kochetkova A. I. Reklamnoe delo [Advertizing]. Moscow: Tandem; JeKMOS, 1998, 272 p.
16. Feofanov O. A. Reklama: novye tehnologii v Rossii [Advertising: new technologies in Russia]. St. Petersburg : Piter, 2003, 384 p.
17. Feofanov O. A. SShA: reklama i obshhestvo [USA: advertising and society]. Moscow: Mysl' [Thought], 1974, 264 p.
18. Fromm E. Zdorovoe obshhestvo. Dogmat o Hriste [Healthy society. Doctrine about Christ] ; per. s nem. Moscow: AST; Tranzitkniga, 2005, 571 p.
19. Fromm E. Revoljucija nadezhdy. Izbavlenie ot ill'uzij [The Revolution of Hope, toward a humanized technology] ; per. s angl. Moscow: Ajris-press, 2005, 352 p.
20. Shalaev V. P. Ostorozhno, mutatsiya: chelovek i obshchestvo pered vyzovami globalizatsii, zapadofikatsii i potrebleniya: protivorechiya narastayut [Carefully, mutation: man and society before the challenges of globalization, West certification and consumption: contradictions are growing], *Socio Time / Sotsial'noe vremya*, 2015, No. 3, pp. 48-57.
21. Shalaev V. P. Bifurkatsionnyy chelovek v global'nom obshchestve potrebleniya [Bifurcation person in a global consumer society], *Socio Time / Sotsial'noe vremya*, 2016, No. 2, pp. 71-81.
22. Shejnov V. P. Jefferktivnaja reklama. Sekrety uspeha [Effective advertizing. Success secrets]. Moscow: Os'-89 [Axis-89], 2003, 448 p.
23. Shestakov V. P. Mifologija HH veka: Kritika teorii i praktiki burzhuaznoj "massovoj kul'tury" [20th century mythology: Criticism of the theory and practice of bourgeois "mass culture"]. Moscow: Iskustvo [Art], 1988, 224 p.

Author's Bio

KHRENKOV Vadim Vladimirovich, Candidate of Philosophy, Master, Associate Professor of Social Sciences and Technologies Department, Volga State University of Technology, Yoshkar-Ola, Russia. E-mail: vad042@yandex.ru.

Библиографическая ссылка

Хренков В. В. Коммерческая реклама в обществе потребления как фактор ограничения субъектности // *SocioTime / Социальное время*. – 2020. – № 1(21). – С. 53-65. – DOI: 10.25686/2410-0773.2020.1.53

УДК 32.019.52

DOI: 10.25686/2410-0773.2020.1.66

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ И ЕЕ ИНФОРМАЦИОННОГО КОМПОНЕНТА ШКОЛЬНИКАМИ РЕГИОНОВ ЮГО-ЗАПАДНОЙ СИБИРИ¹

Т. А. Асеева, Я. Ю. Шашкова

Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)

Введение. В статье рассматривается оценка эффективности государственной молодежной политики и ее информационного компонента школьниками регионов Юго-Западной Сибири. Авторы выделяют особенности политической социализации учащихся и роль в ней современного государства. Наличие информационных коммуникаций между властью и молодежной средой отмечается как важнейший элемент молодежной политики, без которого невозможно раскрыть содержание реализуемых программ и закрепить в сознании молодежи сочетание образов, ценностей и символов, формирующих национально-государственную идентичность.

Методы. На материалах массового опроса школьников четырех регионов Юго-Западной Сибири (Алтайского края, Кемеровской и Новосибирской областей, Республики Алтай) и фокус-групповых исследований приводятся мнения учащихся о содержании государственной молодежной политики, выделяются основные проблемы в системе коммуникаций государство – молодежь.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Отмечается преобладание критических точек зрения школьников на эффективность проводимых проектов и их информационного сопровождения, что соответствует ситуации, когда сфера молодежной политики не имеет единых и согласованных нормативно-правовых и институциональных основ на федеральном и региональном уровнях с соответствующим объемом финансирования реализуемых программ. Отдельно анализируется влияние сети Интернет и современных цифровых технологий на трансформацию информационного поля молодежи и каналов ее коммуникации.

Заключение. Авторы приходят к выводу о необходимости формирования системного коммуникативного взаимодействия власти и молодежи. Только учитывая мнение различных молодежных групп, их интересы и приоритеты, государство сможет успешно реализовать свои интересы в молодежной среде.

Ключевые слова: политическое сознание, школьники, государственная молодежная политика, информационная политика, регионы Юго-Западной Сибири.

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ проекта № 19-011-31156 «Оптимизация государственной информационной политики в отношении детей и молодежи в условиях цифрового общества и трансформации процесса политической социализации школьников (на примере регионов Юго-Западной Сибири и Северного Казахстана)».

Введение. Любое общество заинтересовано в привлечении молодежи к решению общенациональных проблем, ее активном и ответственном участии в достижении социально значимых целей. От степени и характера включенности молодежи в обсуждение «повестки дня», от ее умения ориентироваться в современном динамично развивающемся мире, способности предлагать инновационные пути достижения целей общества и государства зависят перспективы не только развития любого социума, но и, возможно, сам факт его существования в будущем. В связи с этим государство должно планомерно реализовывать молодежную политику с учетом специфики сознания, интересов, целей современной молодежи и особенностей ее коммуникаций. В приоритетных целях «Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» закреплено направление на «формирование информационного поля, благоприятного для развития молодежи, интенсификацию механизмов обратной связи между государственными структурами, общественными объединениями и молодежью, а также повышение эффективности использования информационной инфраструктуры в интересах патриотического и гражданского воспитания молодежи» [13]. От того, насколько успешно будут решены поставленные здесь задачи по «формированию эффективных механизмов информирования молодежи о направлениях и мероприятиях молодежной политики», во многом зависят и остальные направления ее реализации.

Особое значение эффективность информационного сопровождения государственной молодежной политики приобретает по отношению к молодежи школьного возраста. Школьники находятся еще на этапе активной политической социализации, и без наличия действующих информационных коммуникаций власть не сможет донести до молодежной среды содержание своей политики, сформировать то сочетание образов, ценностей и символов, которое обеспечивает национально-государственную идентичность, выступающую, в свою очередь, фактором сохранения устойчивости государства. В научной литературе проблемы государственной молодежной политики в современной России рассматриваются либо в историческом контексте – как динамика взаимодействия государства с молодежью, либо через анализ ее институциональных основ, содержания, достигнутых результатов и проблем реализации отдельных программ и проектов [3, 6, 9]. Так, вопросы нормативно-правового, финансового и кадрового обеспечения молодежной политики выделяют в своей статье С.В. Чуев и М.Б. Поляков. Авторы отмечают отсутствие единой межведомственной федеральной целевой программы «Молодежь России», что приводит, по их мнению, к критически низкому уровню эффективности межведомственного взаимодействия [15, с. 48]. Проблемный характер реализации молодежной политики констатируется и в работах других авторов [4, 7, 14].

Современные взгляды на государственную молодежную политику и ее состояние во многом обобщает А.А. Малькевич: «Можно констатировать, что на сегодняшний день в России нет системной государственной молодежной политики и информационной политики» [8, с. 102]. Здесь следует обратить внимание на судьбу законопроекта Федерального закона «О государственной молодежной

политике в Российской Федерации», который почти десять лет находился на рассмотрении в Государственной Думе и был в итоге отклонен в 2017 году [12]. Отсутствие согласованной системы нормативно-правового регулирования сферы молодежной политики, начиная с федерального уровня, является одной из основных причин всех рассматриваемых проблем ее недостаточной эффективности. В связи с этим вызывает интерес исследование представлений учащейся молодежи о государственной молодежной политике, их оценок эффективности ее реализации и информационного обеспечения.

Методы исследования. В основу данной статьи положены результаты массового опроса и фокус-группового исследования школьников Алтайского края (АК), Кемеровской (КО) и Новосибирской (НО) областей, Республики Алтай (РА). Массовый опрос проводился в 2019 году методом анкетирования; объем выборки – 1102 человека в возрасте от 12 до 18 лет; выборка несвязанная квотная с контролем пола, возраста и района проживания. В каждом из вышеуказанных регионов проводилось по две фокус-группы среди школьников 7-9 классов и 10-11 классов. Методологической основой исследования послужила теория политического поля П. Бурдьё, с позиций которой политическая социализация представляет собой борьбу различных агентов, в том числе государства, за господство в ценностно-когнитивном пространстве школьников или, говоря словами П. Бурдьё, за символическую власть как «монополию легитимной номинации как официального – эксплицитного и публичного – благословения легитимного видения социального мира» [1, с. 72].

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Проведенный опрос выявил достаточно высокий, пусть и не носящий системного характера, интерес молодежи к политической сфере. Наблюдающийся у них приоритет вопросов общероссийской и региональной тематики связан с доминированием у школьников гражданской идентичности. При условии создания согласованной системы политической социализации на основе преобладающих ценностей общества, это может способствовать формированию национально-государственной идентичности, в соответствии с которой молодежь будет готова принять и разделить ответственность за судьбу страны.

С другой стороны, как показали результаты опроса, во всех изучаемых регионах учащиеся видят государство в качестве главного участника политики (табл. 1). Подобным этатизмом молодежь во многом оправдывает свою пассивную позицию по традиционным формам политического участия (табл. 2), перенося ответственность за политический процесс и результаты социально-экономического развития на власть. По этой же причине наблюдается и запрос на формирование повестки дня «сверху», в том числе в отношении информационного взаимодействия с молодежью по проблемам содержания и реализации государственной молодежной политики, что создает условия для выстраивания эффективного механизма ее коммуникаций с властью по вопросам формирования и реализации государственной молодежной политики. Молодежь осознает и констатирует в современных условиях свой статус преимущественно как объекта политики, без перспектив на смену данной позиции.

Таблица 1

Кто, по Вашему мнению, является главным участником политики?

%

Участник политики	Регион			
	Алтайский край	Кемеровская область	Новосибирская область	Республика Алтай
Государство	71	69,4	64,7	59,4
Общество	35,8	45,5	36,6	34,7
Политические деятели	38,2	34,3	38,3	38,8
Гражданин	28,4	37	32	27,6
Партии и политические организации	26,9	37,7	29,3	28,8
СМИ	22,7	20	19,7	20,9
Затрудняюсь ответить	5,4	3,7	7	5,3

Таблица 2

К каким действиям Вы готовы прибегнуть для защиты своих интересов в случае их нарушения?

%

Вид действий	Алтайский край	Кемеровская область	Новосибирская область	Республика Алтай
Обращение в органы	57,9	64,3	56,3	50
Обращение в общественные организации	26,8	41,4	37	30,6
Участие в забастовках, митингах	21,2	29,6	26	18,8
Участие в выборах	23	21,9	29,3	19,4
Участие в работе политических партий	8,4	9,7	7,3	7
Участие в работе общественных организаций	14	14,2	20,3	11,8
Участие в несанкционированных акциях	10,7	10,8	8,7	7,1
Использование личных связей и	16,1	15,8	17,3	14,7
Материальная поддержка политиков и их проектов	6	5,5	7,7	3,5
Обсуждение в социальных сетях	32	29,8	32,7	23,5
Иное	0,7	0,6	0,7	0
Затрудняюсь ответить	11,2	20,3	20,3	22,9

О своей включенности в молодежные программы школьники высказывались преимущественно отрицательно. Это соответствует объективному масштабу мероприятий в сфере молодежной политики, где, по статистике Росстата, в течение года обеспечивается чуть более «одного касания» (т.е. участия) молодого человека, что с учетом вовлечения значительной части активистов «не позволяет дойти до каждого жителя страны и обеспечить системное вовлечение в мероприятия молодежной политики» [15, с. 56]. Локальный характер отдельных направлений

молодежной политики, отмечаемый школьниками, является следствием ее ориентированности на определенные группы молодых людей, а не на молодежь в целом, что, по справедливому замечанию Н.С. Лупачевой, оставляет все остальные молодежные группы без государственной поддержки и внимания [7, с. 286]. Так, при проведении фокус-групп среди школьников 10-11 классов наблюдается доминирование мнения, что государство не слишком много делает для молодежи (Республика Алтай, Кемеровская область). Участники опроса отмечали, что *«не видят государственной молодежной политики; не видят влияния государственной молодежной политики на свою жизнь и жизнь знакомых»*. Те же респонденты, которые положительно оценили работу государства с молодежью, в качестве достоинств отметили развитие волонтерства, спорта, поддержку талантливой молодежи; поддержку и помощь сиротам. Интересной представляется точка зрения одного респондента, которая в видеоизмененных формулировках встречается и у других участников: *«проведение конкурсов и олимпиад – это хорошо, но чаще всего нас заставляют принимать в этом участие. Из нас делают массовку»*. Среди участников фокус-групп в Новосибирской области и Алтайского края обнаружилась полная дезориентация в вопросах содержания и задач государственной молодежной политики. Так, большинство опрошенных определяет данное направление как *«участие молодежи в политике; в обсуждении молодежью общегосударственных проблем»*. Лишь один участник отметил, что государственная молодежная политика имеет своей целью *«развивать молодежь и отстаивать ее интересы»*.

Не имея должных коммуникаций с субъектами государственной молодежной политики, школьники самостоятельно вкладывают в эту категорию обратное наполнение, согласно которому они видят себя не объектом, а активным его субъектом, что можно рассматривать как косвенный запрос на свою более активную роль в социально-политической сфере российского общества. В аналогичном блоке обсуждения, касающегося сути государственной молодежной политики в России, школьники 7-9 классов в подавляющем большинстве высказали отрицательную оценку данного направления и практически полное отсутствие взаимосвязи своей жизни с ним. Большинство ответов носят неопределенный характер, школьники пытаются додумать и самостоятельно сформулировать содержание государственной молодежной политики. При этом прослеживаются отрицательные коннотации при оценке данного направления. У респондентов наблюдается чувство отчужденности и обделенности вниманием государства и общества: *«не сталкивался, наверное, пытаются что-то сделать для молодежи»; «могу предположить, что это деятельность государства, но привлечению молодежи в политику»; «тех, кто младше 18 лет, не замечают! Нас не замечают!»; «Наше мнение не берут в расчет»*.

На этом фоне показательна и оценка молодежью школьного возраста реализации государственной молодежной политики. Практически все респонденты отмечают ее *«неэффективность, имитационный характер, несоответствие современным информационным технологиям»*. У большинства участников 10-11 класса уже имеется опыт участия в молодежных проектах и мероприятиях: в раз-

личных творческих проектах и конкурсах, волонтерских движениях, российском движении школьников (далее – РДШ), профориентационных мероприятиях. При этом участники фокус-групп указывают на отсутствие понятной системы информирования о предстоящих мероприятиях и проектах, а также на отсутствие мотивации личного участия в данных процессах. Руководствуясь соображениями рациональности, молодых людей чаще всего не устраивает отсутствие возможности дальнейшего использования знаний и опыта, полученных в процессе участия в мероприятиях, реализуемых в рамках государственной молодежной политики (например: *«дополнительные баллы при поступлении»; «получение знаний, которые будут способствовать профессиональному развитию»*).

Ученики 7-9 классов отмечали свой опыт участия в РДШ, творческих конкурсах, упоминалась работа школьных психологов и представителей правоохранительных органов. Однако в большинстве случаев респонденты также указывали на факт принуждения к участию в тех или иных мероприятиях, что вызывало у них протест и неизбежно понижало результативность коммуникаций и восприятия информации. Личная заинтересованность соотносится у школьников с актуальностью, оригинальностью и современным форматом проведения мероприятий и подачи информации. Это подтверждает тезис, сформулированный К.А. Ивановой и Е.Н. Малик: *«молодежь не аполитична, она готова и участвует в политике, но индивидуально, а не на организационно-формализованном уровне»* [5, с. 125]. Так, результаты фокус-групп показывают наличие у школьников интереса к активному участию в молодежных проектах с использованием онлайн-сетевых коммуникаций. Кроме того, школьники очень позитивно оценивают общественную составляющую сферы молодежной политики, где государство взаимодействует с общественными организациями в рамках развития патриотических клубов и движений, добровольчества и волонтерства. Свою позицию респонденты обосновывали указанием на *«добровольность деятельности участников, высокий уровень коммуникации на равных, уважительное отношение друг к другу, ясность целей их деятельности»*. Именно осознание содержания и целенаправленности личной деятельности школьники считают важнейшей составляющей их участия в чем-либо.

В вопросах привлечения молодежи к участию в мероприятиях государственной молодежной политики немаловажным является канал получения информации о них. Чаще всего респонденты указывают на то, что *«информации недостаточно, ее поиск затруднен, вследствие чего ее поиски прекращаются»*. Более того, респондентами отмечается запоздалый характер дошедшей до них информации, т.е. когда *«уже закончился прием заявок на участие в чем-либо»* либо вообще *«мероприятие уже прошло»*. Многие школьники отмечали наличие информации только по конкретным конкурсам, а не о системе мероприятий с различными тематическими блоками и этапами. Подобную ситуацию констатирует в своей публикации и А.Н. Минская: *«Освещение государственной молодежной политики на региональном уровне носит бессистемный характер и осуществляется только в рамках конкретных проектов и мероприятий»* [10, с. 194].

Можно предположить, что в связи с недостаточным информационным сопровождением молодежных программ и проектов, информационный импульс угасает на стадии распространения, не находя должных каналов коммуникации и не доходя до адресата. Полученную от учителей информацию школьники чаще всего склонны игнорировать или воспринимать как потенциальное принуждение в связи с тем, что она чаще всего не соответствует индивидуальным запросам каждого из них. Глобализация и новая реальность информационного общества приводят не только к высокой конкуренции различных, подчас взаимоисключающих, информационных потоков за внимание потребителей, но и к трансформации приоритетности источников информации у современной молодежи. Обе опрошенные возрастные группы выделяют социальные сети («ВК») как наиболее желательный канал передачи информации. Это могут быть как публикации в пабликах, так и репосты друзей. Одобрение информации последними (как в виде репоста, так и в передаче информации устно) вообще является наиболее значимым показателем актуальности информации для молодежи. Данное желание школьников системно получать информацию об интересных для них мероприятиях в рамках различных направлений молодежной политики сочетается с актуальными предложениями *«создать тематические блоки информации на популярных сайтах; размещать информацию в виде контекстной рекламы или на билбордах; создать Ютуб-канал; допустимо рассылать приглашения, но не навязывать»*.

«Кризис буквы» и кризис читательской культуры, объективно присутствующие в современной России [2], характерны прежде всего для молодежной аудитории, отдающей приоритет визуальным каналам коммуникации и общению в интернете. На фоне высокого уровня конкуренции информационного контента у современной молодежи уже сформированы высокие требования к качеству подачи информации. Доминирующей характеристикой привлекательности информации у респондентов стало: *«должно быть ярко и привлекательно», «понятно», «наличие обратной связи и реакции»*. Желательно присутствие видеоряда, но по-прежнему ненавязчиво и понятно. В настоящее же время опрошенными отмечается оторванность официальных молодежных мероприятий от запросов и ожиданий самой молодежи, несоответствие их интересам. Наглядной иллюстрацией здесь может послужить высказывание респондента, поддержанное большинством: *«они далеки от молодежи, не вписываются в современный информационный век»*.

В связи с этим актуализируется требование наличия у субъекта реализации государственной политики экспертного знания относительно интересов и проблем молодежи, а также специфики интернет-коммуникаций. Это неизбежно ставит перед властью новые задачи: *«обеспечить проведение регулярных исследований потребительских предпочтений и особенностей поведения молодежной аудитории в российском сегменте сети Интернет в целях повышения уровня информированности органов государственной власти Российской Федерации и организаций, осуществляющих деятельность в сфере воспитания, о влиянии информационной среды на формирование взглядов подрастающего поколения»*

[11]. Что касается политической социализации как составляющей ГМП, то опрошенная молодежь однозначно отмечает отсутствие у государства интереса к данной социальной группе даже как к потенциальным участникам политического процесса. Респонденты поясняют: *«У большинства нет интереса к политической сфере, т.к. их мнение не учитывается»*. У школьников проявляется обида на подавление их собственного мнения о политических событиях, ценностях и приоритетах. Во многом менторское отношение власти к молодежи выражается и в информационном потоке о достигнутых результатах молодежных проектов и программ. Официальная статистика мероприятий без учета мнения молодежи о реальной их эффективности и востребованности порождает еще большее недоверие в молодежной среде.

Школьники признают свою неопытность и недостаточность навыков и знаний, однако при этом демонстрируют желание и готовность восполнять данные пробелы, участвовать в проектах по обсуждению социально значимых вопросов, взаимодействовать с экспертами. Эти коммуникации, по их мнению, должны быть не просто имитацией какой-либо активности, а иметь практическое значение для решения актуальных проблем. Такая позиция подчеркивает психологическую особенность людей данного возраста – у молодежи гипертрофирована потребность быть признанными и востребованными.

Заключение. Таким образом, можно сделать вывод о том, что на современном этапе у молодежи школьного возраста преобладает критическая оценка эффективности государственной молодежной политики. Выделяя проблемы ее локальной направленности, школьники отмечают и отсутствие последовательного информационного сопровождения реализуемых программ. Для них важна системность информации о содержании государственной молодежной политики, поскольку перед молодежью школьного возраста стоит жизненно важная проблема предстоящего выбора траектории своего дальнейшего обучения и самореализации в перспективных сферах трудоустройства. Формы подачи и содержание информации также во многом не совпадают с информационными приоритетами молодых людей. Декларируемые властью механизмы коммуникации в рамках реализации молодежной политики направлены чаще всего на выстраивание межведомственного взаимодействия. В них забывают о самой молодежи и необходимости учитывать ее мнение, в то время как запрос быть услышанной для нее – один из самых актуальных.

Решению данных проблем должно способствовать формирование системной государственной молодежной политики и ее позиционирование через тематические каналы массовой информации и коммуникации на основе электронных СМИ. Гарантированное обеспечение права молодежи на доступ к информации должно не только мотивировать ее к активному участию в реализуемых программах и проектах, но и повысить уровень доверия к ним, а значит и общую оценку содержания и реализации всей молодежной политики. Без повышения эффективности информационной составляющей государственной политики в отношении молодежи невозможно закрепить в ее сознании приоритет ценностей

и смыслов национально-государственной идентичности, обеспечивающей стабильность государства и общества.

Список литературы

1. Бурдые П. Социология политики. Москва: Socio-Logos, 1993. 336 с.
2. ВЦИОМ: печатные СМИ теряют популярность, но к полному отказу от них россияне не готовы. URL: <https://tass.ru/obschestvo/4863572> (дата обращения 21.11.2019).
3. Гукова И.Н. Становление государственной молодежной политики в РФ: политико-правовой аспект // Научные ведомости БелГУ. Серия: История. Политология. 2018. Т. 45, № 4. С. 785-797.
4. Елисеев А.Л., Кретов А.Ю. Государственная молодежная политика Российской Федерации: проблемы и перспективы // Вестник государственного и муниципального управления. 2017. № 1(24). С. 46-50.
5. Иванова К.А., Малик Е.Н. Средства массовой информации в процессе трансформации культуры и политического участия молодежи // Среднерусский вестник общественных наук. 2018. Т. 13, № 1. С. 123-134.
6. Коряковцева О.А. Государственная молодежная политика в современной России // Вестник Волгоградского государственного университета. 2009. № 1 (15). С. 122-128.
7. Лупачева Н.С. Основные проблемы государственной молодежной политики в России и пути их решения // Государственное управление. Электронный вестник. 2018. № 67. С. 282-291.
8. Малькевич А.А. Информационная политика России и проблемы политической социализации молодежи // Вестник Омского университета. 2015. № 3(7). С. 97-102.
9. Меркулов П.А., Орлова В.Н. Российская специфика становления и реализации государственной молодежной политики // Вестник государственного и муниципального управления. 2015. № 1(15). С. 69-75.
10. Минская А.Н. Специфика информационного освещения государственной молодежной политики в Российской Федерации // Вестник АГУ. 2018. Вып. 1(212). С. 189-196.
11. Перечень поручений по итогам заседания Совета по реализации государственной политики в сфере защиты семьи и детей /Поручения Президента. 14 октября 2019 года. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/61841#sel=12:2:g,12:2:g>. (дата обращения 21.11.2019).
12. О государственной молодежной политике в Российской Федерации: проект Федерального закона № 428343-4. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=53505#009389806359173414> (дата обращения 18.11.2019).
13. Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства РФ от 29.11.2014 № 2403-р. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171835/ (дата обращения 21.11.2019).
14. Саенко Т.В. О некоторых проблемах реализации молодежной политики: федеральный и региональный аспекты // Научные ведомости БелГУ. Серия: История. Политология. 2016. № 22(243), вып. 40. С. 193-199.
15. Чуев С.В., Поляков М.Б. Основные проблемы развития сферы государственной молодежной политики // PolitBook. 2017. № 3. С. 45-63.

Авторская справка

АСЕЕВА Татьяна Анатольевна – кандидат политических наук, доцент, заведующий кафедрой политологии Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия. E-mail: Tatulyasolar@mail.ru.

ШАШКОВА Ярослава Юрьевна – доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой политологии Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия. E-mail: yashashkova@mail.ru.

UDC 32.019.52

DOI: 10.25686/2410-0773.2020.1.66

**EVALUATION OF THE EFFECTIVENESS
OF THE STATE YOUTH POLICY
AND ITS INFORMATION COMPONENT BY SCHOOLCHILDREN
OF THE SOUTH-WESTERN SIBERIA REGIONS**

T. A. Aseeva, Ya. Yu. Shashkova

Altai State University, Barnaul (Russia)

Introduction. The article considers the effectiveness of the state youth policy and its information component evaluated by schoolchildren living in South-Western Siberia regions. The authors highlight the features of political socialization of schoolchildren and the role of the modern state in it. The presence of information communications between the authorities and the youth is seen as a key element of youth policy, lack of this element makes it impossible to disclose the content of programs and reinforce in the young people's minds the combination of images, values and symbols shaping the national identity.

Methods. Based on the materials of a mass survey of schoolchildren in four regions of South-Western Siberia (Altai Krai, Kemerovo and Novosibirsk Oblasts, Altai Republic) and focus group studies, the opinions of schoolchildren and their interpretations on the content of the state youth policy are given, as well as the main problems in the state – youth communication system are highlighted.

Results. There is a predominance of criticism of schoolchildren regarding the effectiveness of the current projects and their information support, which is typical of the situation when youth policy does not have a unified and coordinated legal and institutional framework at the Federal and regional levels and lacks the appropriate amount of funding for program implementation. The influence of the Internet and modern digital technologies on the transformation of the information field of youth and its communication channels is analyzed separately.

Conclusions. The authors come to the conclusion that it is necessary to form a system of communication between the authorities and the youth. The state will be able to successfully advance its interests into the youth environment only taking into account the opinion of various youth groups, their interests and priorities.

Key words: political consciousness, schoolchildren, state youth policy, information policy, regions of South-Western Siberia.

References

1. Bourdieu P. Sotsiologiya politiki [Sociology of Politics]. Moscow: Socio-Logos, 1993, 336 p.
2. VCIOM: pechatnye SMI terjajut populjarnost', no k polnomu otkazu ot nih rossijane ne gotovy [VTSIOM: print media are losing popularity, but Russians are not ready to completely abandon them]. Available at: <https://tass.ru/obschestvo/4863572> (date of access 21.11.2019).
3. Gukova I. N. Stanovlenie gosudarstvennoy molodezhnoy politiki v RF: politiko-pravovoy aspekt [Formation of state youth policy in the Russian Federation: political and legal aspect], *Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya: Istorija. Politologiya* [Scientific statements of BelSU. Series: History. Political science], 2018, vol. 45, no. 4, pp. 785-797.
4. Eliseev A. L., Kretov A. Ju. Gosudarstvennaja molodezhnaja politika Rossijskoj Federacii: problemy i perspektivy [State Youth Policy of the Russian Federation: Problems and Prospects], *Vestnik gosudarstvennogo i municipal'nogo upravlenija* [Bulletin of State and Municipal Administration], 2017, no. 1(24), pp. 46-50.

5. Ivanova K. A., Malik E. N. Sredstva massovoy informatsii v protsesse transformatsii kul'tury i politicheskogo uchastiya molodezhi [Media in the process of transforming the culture and political participation of youth], *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk* [Central Russian Journal of Social Sciences], 2018, vol. 13, no. 1, pp. 123-134.

6. Koryakovtseva O. A. Gosudarstvennaya molodezhnaya politika v sovremennoy Rossii [State youth policy in modern Russia], *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Volgograd State University], 2009, no. 1 (15), pp. 122-128.

7. Lupacheva N. S. Osnovnye problemy gosudarstvennoy molodezhnoy politiki v Rossii i puti ikh resheniya [The main problems of state youth policy in Russia and ways to solve them], *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyy vestnik* [State administration. Electronic Bulletin], 2018, no. 67, pp. 282-291.

8. Mal'kevich A. A. Informatsionnaya politika Rossii i problemy politicheskoy sotsializatsii molodezhi [Information Policy of Russia and Problems of Political Socialization of Youth], *Vestnik Omskogo universiteta* [Bulletin of Omsk University], 2015, no. 3(7), pp. 97-102.

9. Merkulov P. A., Orlova V. N. Rossiyskaya spetsifika stanovleniya i realizatsii gosudarstvennoy molodezhnoy politiki [Russian specifics of the formation and implementation of state youth policy], *Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya* [Bulletin of state and municipal administration], 2015, no. 1(15), pp. 69-75.

10. Minskaja A. N. Specifika informacionnogo osveshheniya gosudarstvennoy molodezhnoy politiki v Rossijskoj Federacii [Specifics of information coverage of state youth policy in the Russian Federation], *Vestnik AGU* [Bulletin ASU], 2018, vyp. 1(212), pp. 189-196.

11. Perechen' poruchenij po itogam zasedaniya Soveta po realizacii gosudarstvennoy politiki v sfere zashhity sem'i i detej [List of instructions following the meeting of the Council for the Implementation of State Policy in the Field of Family and Children Protection], *Poruchenija Prezidenta*. 14 oktjabrja 2019 goda [Presidential Instructions. October 14, 2019]. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/61841#sel=12:2:g,12:2:g> (date of access 21.11.2019).

12. O gosudarstvennoy molodezhnoy politike v Rossijskoj Federacii [On State Youth Policy in the Russian Federation], Draft Federal Law No. 428343-4. Available at: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=53505#_009389806359173414 (date of access 18.11.2019).

13. Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoy molodezhnoy politiki Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda [On Approval of the Fundamentals of the State Youth Policy of the Russian Federation for the Period until 2025], Decree of the Government of the Russian Federation dated 29.11.2014 No. 2403-r. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171835/ (date of access 21.11.2019).

14. Saenko T. V. O nekotoryh problemah realizacii molodezhnoy politiki: federal'nyj i regional'nyj aspekty [On some problems of implementation of youth policy: federal and regional aspects], *Nauchnye vedomosti BelGU. Serija: Istorija. Politologija* [Scientific statements of BelSU. Series: History. Political science], 2016, no. 22 (243), pp. 193-199.

15. Chuev S.V., Poljakov M.B. Osnovnye problemy razvitiya sfery gosudarstvennoy molodezhnoy politiki [Main problems of development of public youth policy], *PolitBook* [PolitBook], 2017, no. 3, pp. 45-63.

Author's Bio

ASEEVA Tatyana Anatolyevna, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Political Science of the Altai State University, Barnaul, Russia. E-mail: Tatulyasolar@mail.ru.

SHASHKOVA Yaroslava Yurievna, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Political Science of the Altai State University, Barnaul, Russia. E-mail: yashashkova@mail.ru.

Библиографическая ссылка

Асеева Т. А., Шашкова Я. Ю. Оценка эффективности государственной молодежной политики и ее информационного компонента школьниками регионов юго-западной Сибири // Socio-Time / Социальное время. – 2020. – № 1(21). – С. 66-76. – DOI: 10.25686/2410-0773.2020.1.66

УДК 316.77

DOI: 10.25686/2410-0773.2020.1.77

РЕПУТАЦИОННЫЕ КРИЗИСЫ ОНЛАЙН

П. А. Атанасов

Софийский университет „Св. Кл. Охридски“, София (Болгария)

Введение. С каждым днем коммуникационные отношения активно расширяются в веб-пространстве. Изменения приобретают все более высокую актуальность. Среди пострадавших оказывается функционирование имиджа и репутации. Причина в том, что глубокое проникновение Большой сети переносится на социальные отношения между организациями и людьми. Целью данной статьи является, по крайней мере, частичное раскрытие происходящих изменений.

Методы (Methods). Возникающая научная проблематика представлена через призму существующих научных разработок о репутации и доверии, логическом подходе и диалектическом переходе от абстрактного к конкретному. Выводы подкреплены примерами, доступными в средствах массовой информации.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Выявлено, что имиджево-репутационный комплекс зависит от доверия и является результатом социального соглашения и восприятия. Это качество не меняется. Он остается специфичным для различных типов организаций. Изменение охватывает инструментарий, который влияет на перцепцию. Сегодня этот инструментарий находится под давлением опосредованного компьютерами общения в Интернете. Угрозы организационной репутации – нехватка времени для проверки фактов, быстрое распространение сообщений на социальных платформах, механизмы онлайн-подделки и многое другое.

Заключение. После социального вторжения Интернета в повседневную жизнь репутация и имидж сохраняют свою специфику, место и роль в отношениях «организации–общество». Факторы, вызывающие репутационные кризисы, дополняются временными и пространственными смещениями в Интернете, односторонними сообщениями в социальных сетях, возможностями для фальсификации информации на веб-сайтах. Обнаружено, что помимо угроз, механизмы в Интернете также расширяют возможности компаний и учреждений для защиты и развития своей репутации.

Ключевые слова: репутация, имидж, репутационные кризисы, Интернет, доверие.

Введение. Вхождение Интернета в повседневную жизнь влияет определенным образом на создание, управление и сохранение соглашения между людьми, с одной стороны, и организациями – с другой. В эту область соглашений также попадают проблемы, касающиеся репутации и имиджа организаций. Специфика заключается не только в увеличении количества взаимосвязей по типу «люди–люди» и «люди–организации», но и в возникновении качественных изменений в этих отношениях. Контакты становятся глобальными, непрерывными (и днем, и ночью), и, по сравнению с нашим знакомым 20-м веком, необычно растет объем общей и обмененной информации. Это приводит к новым возможностям, но также и к нерешенным или не совсем решенным проблемам. Цель этого научного поиска состоит в том, чтобы, по крайней мере, частично выявить сложность головоломки социального в контексте доверия, репутации и имиджа, когда они помещаются в требования нашей информационной повседневной жизни.

Методы исследования. Для научного взгляда на расширенное действие репутационно-имиджевых механизмов в веб-пространстве используются существующие теоретические разработки, логический подход и диалектический переход от абстрактного к конкретному. Выводы подкреплены примерами, доступными в средствах массовой информации.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Доверие и совместное использование являются важными факторами для формирования, поддержания (управления) и сохранения организационной репутации. По мнению исследователей, таких как Николас Луман или Гюнтер Бентеле, общественное доверие – это социальный механизм, который снижает комплексность в публичном взаимодействии. Этот механизм ориентирован на будущее, но строится из прошлого опыта [1, с. 25]. Совместное использование и обмен имеют важное значение для общества. Жан-Жак Руссо пишет: *«Наконец, каждый, подчиняя себя всем, не подчиняет себя никому в отдельности. И так как нет ни одного члена ассоциации, в отношении которого остальные не приобретали бы тех же прав, которые они уступили ему по отношению к себе, то каждый приобретает эквивалент того, что теряет, и получает больше силы для сохранения того, что имеет»* [10].

Согласно этому определению, для позитивного восприятия организации необходимо не только наличие доверия между самой организацией и заинтересованными людьми или объединениями вокруг нее (заинтересованными группами), но и это доверие должно быть спроектировано в публичном пространстве. И организация, и общество заинтересованы в таком совместном использовании, поскольку сложность в общественных отношениях снижается через конечный результат.

Под давлением обмена и доверия в репутационно-имиджевом комплексе формируются два полюса:

1) стратегические компоненты: миссия, визия и неотъемлемое поведение [7]. Эти элементы составляют репутацию и стоят в динамичном единстве еще с того времени, когда была создана организация. Они придают репутации стратегический характер. Это означает, что у организации неизбежно есть и оппоненты, и сторонники;

2) имидж. Он формируется под давлением ожиданий и требований общества.

Когда черты обоих изображений совпадают в относительной, даже не полностью завершенной полноте, достигается состояние бренда. Тогда организации пользуются повышенным доверием. Такое состояние описывается как бренд. Бренд – это «чувство доверия, надежности и сопричастности, которое возникает под воздействием корпоративной репутации, сложившейся у человека» [2, с. 17].

Относительно имиджа, репутации и бренда между организациями и окружающей публичностью возникает хрупкая система обмена (рис. 1). Баланс ее устойчивости зависит от восприятия. С точки зрения психологии, через восприятие формируется относительно полный и исчерпывающий образ предмета, процесса или явления [4]. Этот план рассуждений приводит к определению Стивена

Нока [16]: репутация является одной «коллективной поделенной перцепцией». Репутация – это единое мнение людей в организации и за ее пределами.

Позитивность этого восприятия определяется уровнем совпадения стратегии организации, репутации и ожидаемой картины со стороны граждан (имиджа), а также тем, насколько сама организация стремится изменить свое стратегическое поведение под общественным давлением и в соответствии с общественными потребностями. Специфика заключается в том, что когда репутация негативна, когда она резко расходится с ожиданиями заинтересованных сторон, этот негативизм переходит в общество, а доверие падает. Баланс в отношениях также исчезает. Кризис наступает, и проигравшей всегда является организация, независимо от того, насколько рациональны ее намерения. Эффект тот же самый, когда люди не могут поделить восприятие организационной миссии, визии и поведение. Правда, не все такие кризисы имеют летальный исход, но, когда сотрясения вызваны репутационным крахом, кризисное развитие начинается медленно, его трудно заметить, а преодоление длительное. Затем приходится иметь дело с увольнением сотрудников и клиентов, с уменьшением прибыли и т. д. Эти негативные рефлексии оказывают влияние на общественное доверие и на материальные активы.

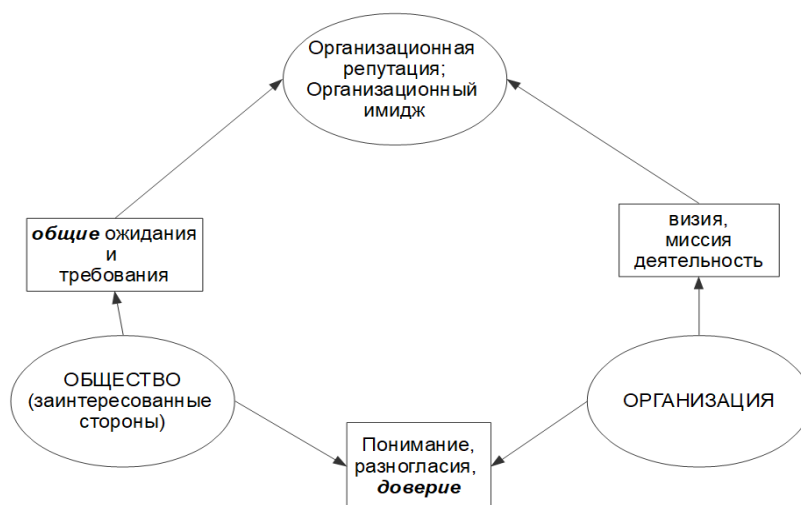

Рис. 1

Причины репутационных обвалов и кризисов разнообразны. Одним из определяющих факторов, от которых зависят обвалы в общедоступном обмене доверием, является тип самой организации. Согласно широкому пониманию, организация представляет собой социальное объединение, возникшее или созданное с целью проявления активности [3, с. 527-528]. Существуют различные организации. Среди них учреждения, промышленные и коммерческие компании, политические партии, клубы и гражданские объединения.

Учреждения. Это те случаи, когда социальное объединение возникает в силу осознанной, понимаемой и общественной необходимости. Учреждениями являются государства, международные союзы, больницы, театры, школы и т. д. Эти объединения пользуются определенным «репутационным кредитом доверия». Им общество «прощает» некоторые незначительные ошибки в поведении и параллельно с этим воспринимает их действия с позитивной преднамеренностью. С одной стороны, эта особенность помогает учреждениям выполнять свою работу в относительном общественном комфорте, а с другой – размывает ошибки. Тогда репутационные кризисы происходят неожиданно и удивляют своим резким негативным потенциалом. Вина за случившийся кризис обычно переносится на некоторого из сотрудников. После удаления (или увольнения) этого сотрудника или сотрудников общественные ожидания и отношения становятся нормальными; доверие восстанавливается; уровень имиджево-репутационного комплекса повышается, учреждение начинает нормально функционировать. Причина в том, что после таких действий граждан ожидает уменьшение возможных трудностей в отношениях с самим учреждением.

Типичным примером является реакция учреждений после скандала «Панама пейперс» (панамские досье) в 2016 году [17]. Тогда из архивов юридической фирмы «Моссак Фонсека» в Панаме был представлен общественности внушительный объем информации. Расследование проводилось в течение двух-трех лет. В нем приняли участие около 300 журналистов. Под подозрение попали по меньшей мере 12 глав государств и свыше 100 политиков в более чем 50 странах. Информация о счетах и финансовых операциях охватывает период 1977-2015 годов. Показаны схемы для сокрытия миллиардов долларов по всему миру.

После раскрытия дела последовало множество отставок – от премьер-министра Исландии Сигмюндюра Давида Хюннлейгсона до российского чиновника из Красноярска [6]. Каналы средств массовой информации публиковали заявления пострадавших политиков. Некоторые европейские страны начали собственное расследование налогового мошенничества и т. д. [5] Несмотря на огромное внимание, все учреждения преодолевают кризисный момент.

Промышленные и коммерческие компании. Эти объединения не возникают, а создаются с определенной целью – производство или торговля товарами или услугами. Общество более критично относится к поведению таких организаций и тщательно оценивает заявленную миссию. Репутационные кризисы происходят постепенно, и их индикация (слухи, сплетни, молва и многое другое [15]) становится общественным достоянием. В медиа также появляются критические замечания. В отличие от учреждений, в компаниях репутационные проблемы не заканчиваются устранением виновных сотрудников. Причина состоит в том, что клиенты легко ориентируются на конкурентоспособную компанию, а другие представители заинтересованных групп не склонны к повторному риску. В таких случаях недостаточно только устранить причины репутационного кризиса, необходимо повысить прозрачность в действиях самой организации. Таким образом, достигается своеобразная уверенность в позитивных намерениях пострадавшей компании, а также в ее потенциале для их реализации.

В качестве примера приведем своевременную реакцию немецких железных дорог, невольно или непреднамеренно подвергнутых критике со стороны известной экоактивистки Г. Тунберг, инициатора движения «Пятница для будущего».

14 декабря 2019 г. в Твиттере под фотографией Г. Тунберг, на которой она позирует с несколькими чемоданами, сидя на полу в переполненном поезде, была помещена запись «Traveling on overcrowded trains through Germany. And I'm finally on my way home!» [9].

Казалось бы, безобидный текст, который быстро собирает последователей и критику в отношении Дойче Банна (Deutsche Bahn). Но ... среди авторов твитов также есть сотрудники немецких железных дорог. Дойче Велле (DW – Deutsche Welle) описывает реакцию так: «В воскресенье, 15 декабря, DW в своем микроблоге в Twitter поблагодарил девушку за "поддержку в борьбе с изменением климата" и выбор скоростного поезда ICE 74, отметив, что тот потребляет электроэнергию только из возобновляемых источников. Вместе с тем, говорится далее в твите, "было бы еще лучше", если бы Грета Тунберг рассказала о том, насколько компетентной и дружелюбной была команда, обслуживавшая ее в вагоне первого класса» [8].

Возникает мысль о том, что в условиях передовой глобальной связи и на безудержных социальных онлайн-платформах признаки кризиса распространяются мгновенно, и пострадавшая компания не только не может остановить или замаскировать их, но и должна также управлять ими. Противоположное произошло в сентябре, когда банкротство знаменитого туроператора «Томас Кук» оставило около 150 000 человек за границей. Все они были возвращены на родину через операцию, названную Управлением гражданской авиации Великобритании (CAA) «крупнейшей в истории страны в мирное время» [11]. Но эта операция не осталась вне сетевого мира. Как пишет одна из жертв, медовый месяц превратился в «Twitter-безумие с попытками выяснить, что будет дальше» [11].

Политические партии, клубы и гражданские объединения. Организации этой группы основаны по идейным причинам и никогда не получают равного публичного отношения к себе. Всегда есть сторонники и такие, кто проявляет безразличие или откровенно не поддерживает основную идею. Репутационная специфика этих организаций не является предметом настоящей статьи.

Репутационные кризисы в организациях происходят через людей: люди внутри организации (сотрудники) – репутационные кризисы являются внутренними; люди за ее пределами – репутационные кризисы имеют внешнее происхождение. Резкая граница не может быть установлена. Причина в том, что один сотрудник общается всегда в двух направлениях: одно связано с его профессией, экспертными навыками и местом, занимаемым в учреждении или корпорации; а другое связано с друзьями, хобби, близким социальным кругом и т. д. Немецкий социолог Х.-Ю. Арлт называет это специфическим разделением – профессиональной и индивидуальной коммуникацией личности [13]. Из-за этого обстоятельства организации строят свою репутацию в двух сферах: внутри – среди и через своих сотрудников; и снаружи – среди окружающей общественной среды.

Пробелы в любом из двух измерений создают одинаково сильные предпосылки для возникновения репутационного кризиса.

Сегодня ситуация еще сложнее, потому что в нашей повседневной жизни реальное и виртуальное идут вместе. В то же время в качественном отношении черты имиджево-репутационного комплекса не сильно меняются, но меняются механизмы, с помощью которых повреждается или поддерживается сама репутация и по которым формируется публичное соглашение (объединение) вокруг имиджа. Сегодня репутационное управление расширено в пространстве Интернета. С каждым днем это расширение становится все более неизбежным, и это связано с публичностью.

По словам голландского исследователя Яна ван Дейка, сегодняшнее общество выглядит так:

- информационная элита, которая охватывает мало личностей. Мы не знаем, являются ли все они реальными или есть виртуальные, но знаем, что информационная элита обладает огромным влиянием;
- активное большинство, которое составляет около 2/3 населения и которое активно общается в Интернете;
- исключенное множество, состоящее из людей, которые не используют компьютеры [14, p. 186].

Это деление тоже условно. Люди из трех подмножеств встречаются на улице, в трамвае, перед входом в их жилища и т. д. Таким образом, информация активного большинства расширяется среди исключенного множества и, наоборот, настроения и отношения переходят из исключенного множества в активное большинство. Видно, что расширение интернет-общения является фактором, который также влияет на репутацию и репутационные кризисы.

Пространство, опосредованное компьютерами и Большой сетью, предлагает интенсивные инструменты для вмешательства в общение. Там есть тролли, которые повторяют одну доктрину, пока все не узнают ее как свою собственную, и хакеры, которые прерывают или перенаправляют обмен информацией. Опубликованное вчера встречается с опубликованным сегодня, и эти встречи вызывают неожиданные недоразумения.

В этом расширенном мире связи, сохранение репутации кажутся все более сложными для организаций. На самом деле это не так. Компании и учреждения имеют возможность онлайн-мониторинга, создания и опубликования на собственном корпоративном сайте, общения со своими сторонниками через корпоративные блоги, форумы и профили в социальных сетях. У них также есть возможность создавать свои собственные программные порталы, реализовывать онлайн-торговлю и т. д. Все это облегчает контакт с заинтересованными группами, и с каждым днем эта онлайн-трансформация кажется все более необходимой (неизбежной).

Развитие репутации в онлайн-измерении требует уточнения того, что процесс является двусторонним. Соблюдение обратной связи с пользователями корпоративного сайта является определяющим для успешного создания организационной репутации и ее защиты от кризисов. Заблуждение состоит в том, что со-

здание корпоративного сайта и использование таких механизмов, как SEO (SEO – search engine optimization) и СЕРМ (SERM – search engine reputation management), являются достаточным ответом на проблемы нашей повседневной жизни. С точки зрения репутации, основной целью является не присутствие в Интернете или перенос продаж на интернет-магазин, а повышение транспарентности и расширение общения с заинтересованной публикой, которая уже проявляют активность также в веб-пространстве.

Есть еще одна особенность. Каждая организация выбирает индивидуальный подход к созданию своей репутации через Интернет. Какое бы стратегическое поведение ни проводилось в Большой сети, причины возникновения или создания организации не меняются. Поэтому типичные характеристики репутации и репутационных кризисов также не меняются. Это означает, что, когда есть вероятность ошибок в управлении и общении, увеличивается вероятность возникновения репутационных кризисов. В сети такие предпосылки возникают в любой момент. Одна из причин заключается в том, что современный человек подключен к онлайн-линии по схеме 24/7 (24 часа, семь дней в неделю). Таким образом, в веб-пространстве происходит необычайно интенсивный обмен сообщениями. С точки зрения человеческой природы это кажется противоестественным. Такая же противоестественность используется, когда дело доходит до поддержания (или повреждения) репутации. В таких случаях специалисты по связям с общественностью, имиджмейкеры и другие рано встают и публикуют сообщения в социальных сетях незадолго до начала активного дня. Таким образом, тема захватывает внимание потенциальных последователей и становится ведущей.

Еще одна причина создания предпосылок для репутационного ущерба заключается в том, что интенсивная коммуникация влияет на средства массовой информации. С каждым днем социальные онлайн-платформы все более четко становятся средством обхода журналистских агентств, рекламных профилей и т. д. Это означает, что интенсивность современного общения влияет как на информационные сайты, так и на традиционные газеты, радио и телевидение. Существует специфический симптом: с одной стороны, онлайн-информационные агентства делают ставку на своевременную осведомленность (иногда это происходит за счет надежности новостей; с другой стороны, печатные и электронные издания имеют больше времени для проверки фактов, но это приносит им задержку и некоторую утечку со стороны аудитории. Возникают и ошибки. Тогда последствия для репутации являются неожиданными как для аудитории, так и для медиа и для потерпевшей организации.

Так, в конце ноября 2019 года, сотрудники информационного агентства Блумберг (Bloomberg) снизили бдительность, спутали или не проверили информацию и приняли как настоящий пресс-релиз сообщение с сайта, который был подделан и очень похож на онлайн-страницу строительной компании Винчи (Vinci). Всего через 3 минуты после получения поддельного пресс-релиза журналисты из Блумберга срочно разместили соответствующее сообщение. Таким образом, информационное агентство опубликовало ненадежную и неблагоприятную информацию о финансовом состоянии строительной компании Винчи

(Vinci). После публикации акции Винчи отреагировали падением. По этому поводу в декабре Французское управление по финансовым рынкам (АМФ) оштрафовало агентство Bloomberg на 5 млн евро [12]. Это материальные потери, но также очевидно, что есть репутационный ущерб. Финансовые новости, которые являются неблагоприятными, вызывают сомнение в том, что у компании нет экспертного потенциала, и это наносит ущерб доверию. Репутационные потери являются неожиданными для обеих пострадавших сторон, и причина где-то в онлайн-коммуникации.

Этот пример напоминает, что репутация имеет стратегическое значение, и это приводит к появлению как сторонников, так и оппонентов. Мотивы авторов ложного коммюнике остаются в секрете, но видно влияние, которое произведено на репутацию обоих пострадавших учреждений.

Заключение. Репутация является определяющей для жизни организаций. Это стратегическая функция как миссии, визии и внутреннего поведения организации, так и общественных представлений о самой организации.

Нарушение баланса между двумя компонентами функции приводит к специфическому кризису. В зависимости от типа организации эти кризисы начинаются и протекают по-разному. Общим является то, что проигравший всегда является организацией.

Характеристики репутации сохраняются в Интернете. Как в реальном физическом пространстве, так и в Интернете различные организации организуют свое поведение по-разному, в зависимости от того, являются ли они учреждением или корпорацией.

Расширение связи в веб-пространстве также расширяет как репутацию, так и репутационные кризисы. Это расширение не только приносит трудности, но и открывает ряд новых возможностей для организаций. Таковы корпоративные сайты, программные порталы и другие. Они все полезны для репутации, но не потому, что через них привлекаются клиенты, а потому, что через них обеспечивается транспарентность, необходимая для существующих и для возможных новых сторонников.

Список литературы

1. Бентеле Гюнтер. Общественное доверие в публичната комуникация / Петев, Т., М. Златева (състав.). Пъблик рилейшънс и конфликти в демократичното общество. София: СУ „Св. Кл. Охридски“, ФЖМК, 2000.

2. Даулинг Г. Репутация фирмы: создание, управление и оценка эффективности. Москва: ИМИДЖ Контакт, 2003.

3. Джери Дэвид, Джери Джулия. Большой толковый социологический словарь. Collins. Т. 1. Москва: ВЕЧЕ, 1999.

4. Качопо Дж., Фребър Л. Откриване на психологията. Науката за психиката. София: Изток-Запад, 2015.

5. «Это не борьба с коррупцией, это законная охота в отношении капиталов». В мире появится первый международный антикоррупционный центр // Коммерсантъ FM. 12.05.2016. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2983947>

6. Мальков Д. Панама нашлась в госимуществе. Уволен красноярский чиновник из «панамского досье» // Коммерсантъ. 19.05.2016. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2990707>

7. Минцбэрг Генри. Структура в кулаке: создание эффективной организации / пер. с англ. под ред. Ю. Н. Каптуревского. Санкт-Петербург: Питер, 2004.
8. Мищенко О. Deutsche Bahn ответил на твит Греты Тунберг о переполненных поездах. DW, 15.12.2019. URL: <https://p.dw.com/p/3UrTX>
9. Мылников П. Грете Тунберг не досталось места в немецком поезде. DW, 15.12.2019. URL: <https://p.dw.com/p/3Upnl>
10. Руссо Жан-Жак. Об общественном договоре, или Принципы политического права / пер. с франц. А.Д. Хаютина и В.С. Алексеева-Попова. Москва: КАНОН- Пресс, 1998.
11. Таиров Ринат. «Отдых превратился в хаос»: старейший в мире турооператор Thomas Cook закрылся из-за долгов. Forbes. 23.09.2019. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/384035-otdyh-prevratilsya-v-haos-stareyshiy-v-mire-turoperator-thomas-cook-zakrylsya-iz-za>
12. The AMF Enforcement Committee fines Bloomberg LP for dissemination of false information. AMF. 16.12.2019. URL: https://www.amf-france.org/en_US/Actualites/Communiqués-de-presse/Commission-des-sanctions?xtcr=1&isSearch=true&docId=workspace%3A%2F%2FspacesStore%2F8e3bf0d3-a022-4b39-a6c7-4b7fde7aa221&lastSearchPage=https%3A%2F%2Fwww.amf-france.org%2FmagnoliaPublic%2Ffam%2Fen_US%2Fresultat-de-recherche%3FTEXT%3Dbloomberg%26LANGUAGE%3Den%26isSearch%3Dtrue%26simpleSearch%3Dtrue%26valid_recherche%3DOK&xtmc=bloomberg&docVersion=1.0
13. Arlt Hans-Jürgen. Krisen sind auch nicht mehr das, was sie einmal waren. Über die Differenz funktionaler und individueller Kommunikation // Kriesenmanagement in der Mediengesellschaft / Noltig, T., Thiessen A. (Hrsg). Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften / GWV Fachverlage GmbH, 2008.
14. Dijk Jan A.G.M. van. The network society: Social Aspects of new Media. 2nd edition. London: Sage Publications. 2006.
15. Mitroff Ian, Gus Aganos. Managing Crises before They Happen & What Every Executive and Manager Needs to Know about Crisis management. New York: AMACOM, American Management Association, 2001.
16. Nock Steven L. The Costs of Privacy: Surveillance and Reputation in America. New York: Aldine de Gruyter, 1993.
17. Walker Guevara Marina. ICIJ releases database revealing thousands of secret offshore companies // ICIJ. 9 May 2016. URL: <https://panamapapers.icij.org/blog/20160509-offshore-database-release.html>.

Авторская справка

АТАНАСОВ Пламен Атанасов, доктор философии по специальности „Общественные коммуникации и информационные науки“ (Журналистика – кризисный паблик рилейшенс), Софийский университет "Св. Кл. Охридский", София, Болгария. E-mail: atanasov@abv.bg.

UDC 316.77

DOI: 10.25686/2410-0773.2020.1.77

REPUTATION CRISES ONLINE**Plamen Atanasov***Sofia University "St. Kliment Ohridski", Sofia (Bulgaria)*

Introduction. Communicational interactions in the web space expand day by the day. They acquire an ever increasing importance. Among the affected areas are the functioning of the image and the reputation. The reason is the widespread invasion of the Big Web which is also evident in the social interactions between people and companies. The present article aims to at least partially explore the present changes.

Methods. The arisen scientific matter is presented via the prism of existing research regarding reputation and trust, the logical approach, and the dialectic transition from the abstract to the concrete. Conclusions are based on the examples accessible via the mass media.

Results. It was shown that the image and reputation complex is dependent on the levels of trust. This quality is constant and retains its specificity in relation to the different types of organisations. The changes affect the selection of tools for guiding perceptions. Today this selection is under pressure from the computer-mediated communication on the Internet.

Conclusion. After the social invasion of the Internet, the reputation and the image retain their specifics, place and role in the society - organisations type of interactions. The factors leading to reputational crises are expanded by the addition of the space - time shifts on the Internet, by the single-sided messages on social media, the opportunities for falsifying information via websites. It was also shown that besides threats, the Internet has the potential to expand the number of mechanisms for protecting and developing companies' and institutions' reputations.

Keywords: reputation, image, reputation crises, Internet, trust.

References

1. Bentele Gjunter. Obshhestvenoto doverie v publichnata komunikacija [Social Trust in public communication], Petev T., Zlateva M. (s#stav.). Pblík rílejshns i konflikti v demokraticnoto obshhestvo [Public relations and conflicts in the democratic society], Sofija: SU „Sv. Kl. Ohridski“, FZhMK, 2000.
2. Dauling G. Reputacija firmy: sozdanie, upravlenie i ocenka jeffektivnosti [Creating corporate reputations: identity, image, and performance], Moscow: IMIDZh Kontakt, 2003.
3. Dzheri Djevid, Dzheri Dzhulija. Bol'shoij tolkovyj sociologicheskij slovar' [Dictionary of Sociology], Collins, Vol. 1. Moscow: VEChE, 1999
4. Kachopo Dzh., L. Frebar. Otkrivane na psihologijata. Naukata za psihikata [Discovering Psychology], Sofija: Iztok-Zapad, 2015.
5. "Jeto ne bor'ba s korrupciej, jeto zakonnaja ohota v otnoshenii kapitalov". V mire pojavitsja pervyj mezhdunarodnyj antikorrupcionnyj centr [This is not anti-corruption, this is a lawful capitals hunt'. The world saw the establishment of the first anti-corruption centre], *Kommersant FM*, 12.05.2016. Available at: <http://www.kommersant.ru/doc/2983947>
6. Mal'kov Dmitriy. Panama nashlas' v gosimushhestve. Uvolen krasnojarskij chinovnik iz "panamskogo dos'e", *Kommersant*, 19.05.2016. Available at: <http://www.kommersant.ru/doc/2990707>
7. Mincbjerg Genri. Struktura v kulake: sozdanie jeffektivnoj organizacii [Structure in fives. Designing effective organizations], per. s angl. pod red. Ju. N. Kapturevskogo, Sankt Peterburg: Piter, 2004.
8. Mishhenko O. Deutsche Bahn otvetil na tvit Gretty Tunberg o perepolnennyh poezdah [Deutsche Bahn's answer to Greta Tunberg's tweet], *DW*, 15.12.2019. Available at: <https://p.dw.com/p/3UrTX>
9. Mylnikov P. Grete Tunberg ne dostalos' mesta v nemeckom poezde [There wasn't a space for Greta Tunberg in a German train], *DW*, 15.12.2019. Available at: <https://p.dw.com/p/3Upnl>
10. Russo Zhan-Zhak. Ob obshhestvennom dogovore ili Principy politicheskogo Prava [Du contrat social ou Principes du droit politique], per. s franc. A.D. Hajutina i V.S. Alekseeva-Popova, Moscow: KANON- press, 1998.
11. Tairov Rinat. «Otdyh prevratilsja v haos»: starejšij v mire turoperator Thomas Cook zakrylsja iz-za dolgov [“Vacation turns into chaos”: the world's oldest tour operator Thomas Cook closes, due to debts], *Forbes*, 23.09.2019. Available at: <https://www.forbes.ru/biznes/384035-otdyh-prevratilsya-v-haos-starejšiy-v-mire-turoperator-thomas-cook-zakrylsya-iz-za>
12. The AMF Enforcement Committee fines Bloomberg LP for dissemination of false information, *AMF*, 16.12.2019. Available at: https://www.amf-france.org/en_US/Actualites/Communiqués-de-presse/Comission-des-sanctions?xtcr=1&isSearch=true&docId=workspace%3A%2F%2FspacesStore%2F8e3bf0d3-a022-4b39-a6c7-4b7fde7aa221&lastSearchPage=https%3A%2F%2Fwww.amf-france.org%2FmagnoliaPublic%2Famf%2Fen_US%2FResultat-de-recherche%3FTEXT%3Dbloomberg%26LANGUAGE%3Den%26isSearch%3Dtrue%26simpleSearch%3Dtrue%26valid_recherche%3DOK&xtmc=bloomber&docVersion=1.0

13. Arlt Hans-Jürgen. Krisen sind auch nicht mehr das, was sie einmal waren. Über die Differenz funktionaler und individueller Kommunikation, *Krisenmanagement in der Mediengesellschaft*, Noltig T., Thiessen A. (Hrsg), Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften / GWV Fachverlage GmbH, 2008.

14. Dijk Jan A.G.M. van. The network society: Social Aspects of new Media, 2nd edition, London: Sage Publications, 2006.

15. Mitroff Ian, Gus Aganos. Managing Crises before They Happen & What Every Executive and Manager Needs to Know about Crisis management, New York: AMACOM, American Management Association, 2001.

16. Nock Steven L. The Costs of Privacy: Surveillance and Reputation in America, New York: Aldine de Gruyter, 1993.

17. Walker Guevara Marina. ICIJ releases database revealing thousands of secret offshore companies, ICIJ, 9 May 2016. Available at: <https://panamapapers.icij.org/blog/20160509-offshore-database-release.html>.

Author's Bio

Plamen ATANASOV – PhD in Public Communications and Information Sciences (Journalism – Crisis Public Relations), Sofia University “St. Kliment Ohridski”, Sofia, Bulgaria. E-mail: atanasovp@abv.bg.

Библиографическая ссылка

Атанасов П. А. Репутационные кризисы онлайн // SocioTime / Социальное время. – 2020. – № 1(21). – С. 77-87. – DOI: 10.25686/2410-0773.2020.1.77

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЕКТЫ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

А. А. Возьмитель

Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва (Россия)

Введение. В результате распада СССР и последующих «реформ» бывшая сверхдержава превратилась в сырьевой придаток Запада, практически потерявший суверенитет и национальные интересы. Весьма естественная реакция на эти процессы нового руководства России – попытки объединения постсоветского пространства в различных формах и видах, а также инициирование участия России в ряде международных интеграционных проектов с целью более эффективного развития ее экономики и возвращения стране статуса великой державы.

Методы: анализ научных публикаций по теме, официальных источников, выступлений политических лидеров, заключения экспертов, социокультурный анализ, изучение материалов статистики и социологических исследований.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Общий вывод проведенного анализа – необходимость преодоления непоследовательности отношений России с ее ближайшими соседями, выстраивание стратегического курса в этом направлении, исходя из четко сформулированных долговременных национальных интересов России. Обсуждение этих вопросов ведется довольно активно в публичном пространстве, а в последнее время – в научных публикациях.

Заключение. Учитывая реальное отношение россиян к переменам, в ответ на жесткие санкции Запада надо использовать новое «окно возможностей» для перехода страны на рельсы эффективного и социально ответственного развития. В связи с этим в статье рассматривается опыт Китая, разработавшего уникальные, краткие и предельно четкие принципы международных отношений, а также высокоэффективную западную модель экономического развития, обеспечивающие ему общепризнанный статус мирового лидера.

Ключевые слова: глобализация, интеграция, постсоветское пространство, модели развития.

Введение. Актуальность и значимость, а также большую остроту обозначенной проблеме придает размежевание различных социально-политических сил как на международной арене, так и внутри нашей страны в связи с отношением к идее интеграции самой по себе, а также к тем путям и средствам, которые могут обеспечить ее эффективную реализацию.

С распадом СССР, когда закончилась эпоха «биполярного мира», для России весьма остро встала проблема ее места и роли в глобализирующемся мире. В том числе и потому, что она сама стала полем реализации разнообразных геополитических проектов: «балканизации», изоляции и т.п. И надо сказать, реализуемых достаточно успешно, поскольку никогда ранее на её горле так тесно не смыкалось «дружественное» кольцо. В этой ситуации будущее России в мире остаётся в достаточной мере неопределённым. Она в настоящее время входит в ряд международных союзов: БРИКС, Евразийский и Таможенный союзы, ОДКБ, ШОС (Шанхайская организация сотрудничества) и ряд других объединений, большин-

ство из них азиатской направленности. Однако роль и влияние России в этих союзах обусловлены прежде всего не новыми наработками или реализацией целенаправленной стратегии, а в большей мере наличием ядерных сил и прочих элементов глобальной военной мощи.

Аналитики международники справедливо полагают, что «с учетом своего опыта и влияния в мировой политике Россия фактически берет на себя роль «интеллектуального» катализатора по развитию БРИКС. Однако другие страны-члены, прежде всего Китай, воспринимают российские инициативы в ряде случаев без особого энтузиазма, понимая, что за ними нет финансовой основы» [1, с. 125]. И при любом раскладе Китай вряд ли станет «безусловным» стратегическим союзником сегодняшней России: «Этот союз маловероятен в рамках БРИКС (да и в ШОС тоже – А.В.). Более реально превращение Китая в главный полюс влияния внутри этого объединения со всеми вытекающими сложностями для остальных стран-членов, в том числе и России» [1, с. 124].

Не меньше проблем с самоопределением на геополитической карте и у стран – бывших республик СССР [19]. Однако эти проблемы носят иной характер, поскольку их самоопределение не может проходить с позиции силы. За 20 лет раздельного существования бывших советских республик каждая из них успела приобрести свой собственный опыт выхода на международную арену, который наряду с рядом преимуществ ведения самостоятельной независимой политики высветил целый ряд проблем, связанных с целенаправленным влиянием определенных блоков, преследующих собственные интересы, а также с необходимостью принятия новых условий (политических, экономических, культурных и т.п.) «входа» в те или иные геополитические союзы.

Например, интеграция в рамках Евросоюза основывается не только на экономических мотивах. Здесь есть определенный социокультурный код, наработанный веками, сплавляющий народы и государства. Очевидно, что вхождение в такой союз на долговременной основе возможно на уровне не столько политических договоренностей, сколько культурных традиций. Отсюда следуют вопросы о социокультурной идентичности, сохранении её исторической обусловленности, динамике ценностей и социокультурных ориентирах нового поколения постсоветских стран, которое не имеет опыта жизни в СССР. Отсутствие стратегического курса развития России, неопределенность и непоследовательность выстраивания ее отношений с ближайшими соседями, попытки российского руководства восстановить постсоветское пространство только на экономической основе при отсутствии какой-либо идеологии российской государственности не вызывает энтузиазма у стран СНГ. В результате бывшие советские республики все больше сближаются с другими мировыми и региональными лидерами.

Исходя из сказанного выше, «ключевой интеграционный проект для России – это, конечно, Евразийский экономический союз. Отрадно, что партнеры реализуют наши приоритеты в ЕАЭС вместе с нами, мы действуем достаточно эффективно. Суть этих подходов – использовать возможности интеграции для стимулирования роста экономик всех стран-участниц, чтобы отдачу, практическую пользу от сотрудничества чувствовали граждане и бизнес» [2]. Особая роль

в развитии ЕАЭС принадлежит Союзному государству (СГ), России и Беларуси, которое справедливо рассматривается как "катализатор и своего рода масштабная лаборатория глубокой интеграции. Это предмет нашей особой гордости. Ведь мы смогли расширить рамки интеграции от экономики до социальных и даже, отчасти, политических вопросов. Нам удалось серьезно продвинуться в обеспечении равных прав граждан, унификации национальных законодательств, координации внешнеполитической деятельности. Реальным стало осуществление масштабных межгосударственных программ, в том числе и в сфере научно-технического сотрудничества" [3]. Значимыми плодами деятельности этой "лаборатории" стали Таможенный союз России, Беларуси и Казахстана, Единое экономическое пространство и Евразийский экономический союз.

Методы исследования. Главный из методов исследования – аналитический. Анализ внешнеполитической ситуации, а также достаточно сложно складывающихся дружеских отношений России и Беларуси в реинтеграционном поле их взаимодействия. Примечательно в этом плане высказывание Х. Клинтон о том, что США не допустят воссоздания никаких форм союзов, включая таможенный, на постсоветском пространстве. Не секрет, что эта политика прямо соответствует существующему на Западе плану отделения России от Европы путем создания своеобразного «санитарного кордона» вдоль западных границ РФ, составленного из ряда стран – бывших республик распавшегося Советского Союза и бывших дружественных ему государств Центральной Европы.

Среди этих «окончательно оторванных» государств создатели этого плана очень хотели бы видеть именно Белоруссию, поскольку это отчетливо обнаружило бы «преодоление» прежних наиболее тесных и дружественных связей, которые исторически возникли у России с ее ближайшим окружением, и появление соответствующих этому плану идейно-политических переориентаций. Поэтому успешная интеграция России и Беларуси представляет собой во внешнеполитическом плане наиболее радикальное средство противодействия подобным попыткам формирования антироссийских блоков, а во внутривнутриполитическом – сохранение и укрепление в каждой из этих стран исторических традиций совместного решения назревших трудностей и задач на почве согласованного и взаимовыгодного объединения и распределения усилий во всех основных сферах общественной жизни.

Выгоды реинтеграции наших стран достаточно очевидны для них: расширение размера эффективной территории, на которой можно без больших дополнительных инвестиций развивать промышленность и сельское хозяйство; на основе использования позитивного опыта друг друга возможность наиболее полно раскрыть экономические потенциалы России и Беларуси, перераспределяя производство и рынки сбыта путем взаимодополнения, осуществляя инновационно-модернизационные совместные проекты, которые помогут преодолеть кризис и интенсифицировать реальную интеграцию в социально-экономической сфере; обеспечение общей безопасности от внешних угроз за счет тесного военного сотрудничества; сохранение политической самостоятельности в более благоприятной ситуации и др.

Однако после распада СССР все страны СНГ (в том числе и Беларусь) взяли курс на полную независимость от Москвы, действуя в отношениях с ней по принципу «максимум экономических выгод – минимум политических обязательств». В новейшей истории российско-белорусских отношений этот принцип отчетливо прослеживается до настоящего времени. Так, у российской стороны вызывает много вопросов «многовекторность» белорусской внешней политики. Проясняет ситуацию декан экономического факультета Белорусского госуниверситета М.М. Ковалев: «У Беларуси главный вектор политики – быть другом для тех, и других, и становиться все больше посредником между Россией и в первую очередь странами Евросоюза в рамках провозглашенной нашим Президентом интеграции интеграций» [4, с. 38]. Отсюда не всегда дружественное поведение Беларуси на международной арене, «потепление» отношения к Европе и «похолодание» к России. Фиксируемый результат: «внешняя политика Союзного государства отсутствует как некая явно видимая реальность» [5]. Несмотря на отдельные успехи в экономической сфере, становление Союзного государства идет очень медленно, наталкиваясь на большое количество трудностей и препятствий, в том числе связанных с различиями в подходах к построению системы экономических и политических отношений элит, находящихся у власти в объединяющихся странах.

Об этих трудностях и препятствиях весьма точно, на наш взгляд, высказываются опрошенные нами эксперты. А.В. Фадеев – зав. отделом Беларуси Института стран СНГ: "Заложенные в Договоре принципы «суверенного равенства государств-участников», принятия решений на высшем уровне по формуле 1 + 1 и добровольности выполнения взаимных обязательств (ст.3, п.1) при значительном фактическом неравенстве политического, военно-стратегического и экономического потенциалов привели к «замораживанию» интеграции. В Белоруссии сегодня нет политических партий, в программных документах которых имелась бы задача реинтеграции с Россией. Этому препятствует основной закон – Конституция Республики Беларусь (РБ) и политика правящего режима, ориентированная на отстаивание суверенитета и независимости, национальный эгоизм, упорное отстаивание своих сугубо узко понимаемых национальных интересов, полномочий и преимуществ. Россия рассматривается политической элитой РБ в качестве энергоресурсного придатка к национальной экономике и источника льготных кредитов».

Л.В. Егорова – член ВЭС ГД ФС РФ, отмечает – «отсутствие понятия "национальные интересы Союзного государства". С.Н. Бабурин, известный политик, экс-заместитель руководителя Парламентского Собрания России и Беларуси, считает, что «компрадорский олигархат, сложившийся в РФ с 90-х годов XX века; жажда российского бизнеса захватить ключевые предприятия Белоруссии; низкий уровень совмещения рыночной российской и государственной белорусской экономик; остановка с созданием Союзного государства, несформированность органов власти и правовой системы Союзного государства ведут к его профанации». Таким образом, налицо необходимость корректировки политических, правовых и экономических принципов взаимодействия России и Беларуси,

которые исходили бы из национальных интересов Союзного государства, нередко различно понимаемых обеими сторонами. Сформулированные программой действий по реализации положений договора от 8 декабря 1999 г. о создании Союзного государства стратегические цели: *устойчивое социально-экономическое развитие государств-участников Союза на основе объединения их материального и интеллектуального потенциалов, позитивного для самих трудящихся использования рыночных механизмов функционирования экономики, а также создания и развития унифицированных денежно-кредитных, бюджетно-налоговых и валютных систем, финансовых рынков, роста материального благосостояния граждан обеих стран*, – предельно общи, многозначны и не охватывают круга важнейших проблем, связанных с национальными интересами Союзного государства.

Общий вывод проведенного анализа – необходимость преодоления непоследовательности отношений России с ее ближайшими соседями, выстраивание выверенного стратегического курса в этом направлении в интересах реальных потребностей и взвешенных целей национальной безопасности российского общества в новых геополитических условиях, отягощенных нарастающими гибридными войнами [20].

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Эти идеи формируются на основе анализа реальных отношений, складывающихся прежде всего в рамках Союзного государства России и Беларуси – катализатора интеграции на всем постсоветском пространстве. И они прямо связаны с ответами на вопросы, поставленные президентом В.В. Путиным еще в 2012 году: «Как мы сможем улучшить нашу жизнь, сделать более справедливым наше общественное устройство? Какой вектор социального и экономического развития предпочтём?» [6].

Попытаемся ответить на него в сугубо предварительном порядке. Нынешняя модель социально-экономического и политического развития России непривлекательна ни для подавляющего большинства россиян, ни для их соседей. Вектор общественных настроений сегодня «против правящих элит, устранение которых воспринимается как необходимое условие для начала любых перемен» [7 с 100]. На смену многолетней ориентации россиян на стабильность пришел запрос на перемены [8, с. 329]. В ответ на санкции Запада надо использовать «новое окно возможностей» для обоснования национального вектора развития России, уходя от криминального капитализма и рыночного фундаментализма, который сегодня подвергают основательной критике даже его недавние апологеты. В этом ключевая задача первостепенной важности – формирование новой общероссийской идеологии с целью долговременной консолидации общества.

Власть, возглавившая нашу страну после Беловежских соглашений, сознательно разрушила общегосударственную и международную идеологию советского образца, ничего не предложив людям, обществу, миру взамен. Российское государство в этот крайне сложный для всего народа переходный период ничего не предприняло для того, чтобы люди почувствовали, что они общность, члены одного общества, что они нужны государству, что власть за них «болеет». Все

это, наряду с спровоцированной самой же властью экономической, политической и информационной дестабилизацией страны, привело к массовой потере гражданами и обществом всяческих ориентиров. Общество заболело аномией, утратило целостность образа жизни, систему общепринятых, разделяемых большинством базовых и житейских ценностей, что привело к попыткам внедрения заимствованных идеологических конструкций [18]. Под прикрытием якобы «идеофобии», либералов с помощью СМИ, а также личного примера известных политиков и бизнесменов в России воцарилась идеология продажности (все продается – дело только в цене), оборотной стороной которой является безудержное потребление, навязываемое людям в качестве высшей ценности. Соответственно, главным символом успеха и единственной мерой всего сущего становятся деньги, добытые любой ценой, включая цену человеческой жизни. Деструктивная роль этой идеологии [20; 21] прослеживается в тотальной коррупции, расчеловечивании людей, рукотворных катастрофах, массовых отравлениях, «развитии» от кризиса к кризису и т.д. Эксперты, занимающиеся изучением роли идеологии в будущем, приходят к выводу, что эффективный позитивный ее вариант может быть выработан и реализован только в рамках концепции (сценария) социального государства [9]. Необходимость возвращения к национально ориентированной идеологии должна стать национальной идеей и национальным проектом современной России [18].

Действительно, эффективно противостоять продажности может идеология социальной справедливости, свободы, а также личной правовой и социальной ответственности руководителей госструктур и частного бизнеса за положение дел в стране, субъектах Федерации, городов, поселков и т.д. в рамках их компетенции. Справедливости, обеспечиваемой народовластием; свободы, гарантируемой социально ориентированной рыночной экономикой; ответственности госструктур и бизнеса перед законом и гражданским обществом. Эта идеология поможет соединить ностальгию по лучшему в прошлом с энергией достижения лучшего будущего; восстановить основу демократии – суверенитет народа: власть, отражающую и выражающую жизненно важные интересы основной массы населения (смыслы народа должны стать смыслами власти и реализоваться в ее деятельности); разрешить главное противоречие, зафиксированное нами в ходе проведенного анализа между необходимостью интеграции государств постсоветского пространства и рассогласованием интересов их правящих группировок, а также интересов властных структур и простых граждан России и Беларуси.

Эта прагматическая идеология перехода от отчужденной социальности к аутентичному социальному государству близка и понятна гражданам государств постсоветского пространства, ибо в ней отражается главный смысл реинтеграции этих стран – повышение уровня и качества жизни простых людей, большинства населения. Однако, судя по оценкам наших экспертов, сегодня от интеграционных процессов сливки снимают правящие группировки и крупный бизнес. Как верно подметил кинорежиссёр С. Урсуляк, снявший сериал «Ненастье» о противостоянии «афганцев» и «новых русских» в лихие 90-е, у нас жизнь устроена так, «что для большей части населения любое время плохое, а для меньшей части

населения любое время замечательное!» [10]. В этих условиях ни о каких «прорывах» говорить не приходится, поскольку неравенство и несправедливость в России всегда реальны в своих политических, экономических и социальных последствиях.

Заключение. Здесь вполне уместно обратить внимание на опыт Китая, который добился впечатляющих успехов во внутренней и внешней политике за достаточно короткий промежуток времени реформ, начавшихся на рубеже 80-х, немного раньше нашей перестройки. Так, за тридцать лет реформ средний уровень жизни и доходов населения увеличился в 16 раз и значительно превысил названный Ден Сяопином критерий среднего достатка в 800 долларов США [11, с. 35]. Средний уровень жилой площади на человека составил к 2010 году 32,9 кв.м в городах и 37,1 кв.м. в сельской местности [12, с. 173]. Имея всего 7 % мировой пашни (Россия – 55 %), Китай производит 571 миллион тонн зерновых. С 1991 по 2011 год число ученых и инженеров увеличилось в 3,9 раза, расчеты на НИОКР возросли с 39,9 млрд юаней в 1995 году до 861 млрд юаней в 2011 году. Более 30 % экономического роста страны связано с реализацией передовых технологий [12, с. 172].

Китай сегодня «на первом месте по числу владельцев домов, пользователей Интернета, выпускников вузов и миллиардеров...за прошедшие десятилетия реформ экономический рост Китая был в 10 раз больше, чем в США, и сейчас он по темпам вдвое быстрее». [13, с. 23]. И еще: «если в 2011 г. российская экономика была меньше китайской в 9 раз, то в 2016 г. – почти в 13 раз» [14].

Умело сочетая традиционные конфуцианские ценности с гуманистическими постулатами коммунистической идеологии, трезво оценивая позитивный и негативный опыт социалистического строительства, в том числе и в нашей стране (китайцы убеждены, что заслуг у Мао Дзе Дуна было в два раза больше, чем ошибок [15]), Китай создал собственную, незападную модель экономического и социального развития, превосходящую «американскую по эффективности...и конфликт между двумя сверхдержавами не столько в том, чем плох Китай, сколько в том, не слишком ли он хорош» [13, с. 23].

Именно поэтому он опасен не только для США и Запада в целом, но и для многих из тех, кто сегодня занимает ведущие позиции в экономике России: олигархов, либералов, крупного бизнеса и т.п. И это одна из причин того, что Китай не является «безусловным» стратегическим союзником России. Для того чтобы это произошло, нам надо поучиться у него в использовании подходов к разработке национальной эффективной модели экономического и социального развития, учитывающей традиции, культуру и менталитет народа, его представления о прошлом, настоящем и будущем страны, реальные причины наших достижений и провалов. И, конечно же, проанализировать китайский опыт социалистического строительства (после феодального другого у него не было), включая принципиальные положения сорокалетней реформации, обеспечившей стремительное многоплановое развитие Китая, обретение им статуса мирового лидера. К числу таких принципов относятся обновленная китайская модель международных отношений «стремление к единению без унификации», что во внешнеполитической

практике означает следующее: «а) укреплять мир, продолжать сотрудничество с Западом, не становясь его союзником и не принимая его ценностей; б) добиваться гармонии в международных отношениях без конфликтов» [16, с. 149].

Именно такой краткой, но всеобъемлющей четкой, недвусмысленной и абсолютно адекватной позиции нам не хватает в наших отношениях с дальними и ближними соседями. «Один пояс, один путь» способствуют как достижению баланса двусторонней открытости стратегий «привлечение зарубежного» и «выход за границу», так и достижению взаимной выгоды, гуманистического подхода, беспроигрышных результатов для всех участников этого масштабного инфраструктурного проекта [17]. Весьма важным элементом долгосрочной внешнеполитической стратегии Китая является «предложение мировому сообществу культурного потребления и культурных достижений, альтернативных западным», в результате «осмысления содержания и последствий «холодной» войны», сопровождавшейся бескомпромиссной идеологической борьбой двух мировых систем и ответом на насаждение всему человечеству, в т.ч. Китаю, культурной гегемонии Запада» [16, с. 149, 151]. Можно привести и другие примеры успешного подхода Китая к решению сложных внутренних и международных проблем. Однако речь идет об осмыслении китайской модели в целом, чтобы найти действительно реальные пути выхода нашей страны из тупика либерализма и перехода ее на рельсы эффективного экономического развития, что является условием взаимовыгодного партнерского сотрудничества с другими странами и, безусловно, стратегического – с Китаем.

Список литературы

1. Астахов Е. Такие разные страны-члены БРИКС. И все-таки вместе // *Международная жизнь*. 2018. № 8. С. 115-126.
2. Путин В.В. Выступление Президента Российской Федерации на совещание послов и постоянных представителей Российской Федерации. Москва: МИД, 19 июля 2018 года // *Международная жизнь*. 2018. № 8. С. 7-13.
3. Лукашенко А.Г. О судьбах нашей интеграции // *Известия*. 17 окт. 2011.
4. Ковалев. В контексте геополитики и глобальных проблем // *Беларуская думка*. 2017. № 4.
5. Гронский А.Л. Союзное государство России и Белоруссии: проблемы и перспективы // *Постсоветское пространство: роль внешнего фактора*. Москва: ИМЭМО РАН, 2018. С. 42-59.
6. Путин В.В. Россия сосредотачивается // *Известия* 06.01.12.
7. О чем мечтают россияне: Идеалы и реальность / под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, Н.И. Тихоновой. Москва: *Весь мир*, 2013. 400 с.
8. Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян / под ред. М. К. Горшкова и В.В. Петухова. Москва: *Весь мир*, 2018. 381 с.
9. Дахин А.В., Сергеева Э.А. Идеальная позиция государства в современном социальном контексте // *SocioTime / Социальное время*. 2019. № 2(18). С. 96-103.
10. Шигарева Ю. Когда закончится ненастье? // *АИФ*. 2018. № 46.
11. Титаренко М. А. Россия и Китай: Стратегическое партнерство и выгоды времени. Москва: Форум, 2014.
12. Долгов К. Стратегия войны и мировой политики // *Международная жизнь*. 2015. № 6. С. 158-175.
13. Косырев Д. Чем плох Китай // *Огонек*. 2018. № 45.
14. Илларионов А. Золотые горы // *Ведомости* 5 мая 2017.
15. Овчиников В. Семьдесят на тридцать // *Российская газета*. 2003. № 261.
16. Цзи Юешен. Приоритеты внешней культурной политики Китая в условиях глобализации // *Власть*. 2017. № 10. С. 148-154.

17. Лепский В. Е., Журенков Д. А., Савельев А. М. Научная дипломатия и социальные инновации // SocioTime / Социальное время. 2019. № 2(18). С. 54-62.

18. Шалаева С.Л., Шалаев В.П. Либеральная (псевдолиберальная) культура как фактор глобальной западофикации и глобального управления // Socio Time / Социальное время. 2015. № 2. С. 112-122.

19. Шалаев В.П. Мироззренческо-образовательная западофикация как технология глобализации и угроза национальной безопасности России (философский анализ) // Socio Time / Социальное время. 2015. № 1. С. 57-71.

20. Шалаев В.П. Не запад в глобальном обществе потребления // Socio Time / Социальное время. 2016. № 2 (6). С. 71-81.

21. Петрушков М.Г., Шалаев В.П. Гибридные войны и национальная безопасность Российской Федерации // Socio Time / Социальное время. 2019. № 4 (20). С. 37-47.

Авторская справка

ВОЗЬМИТЕЛЬ Андрей Андреевич – доктор социологических наук, главный научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, член научного совета «Социально-политические проблемы формирования ЕАЭС» при Отделении общественных наук РАН. Москва, Россия E-mail: vozmitel@isras.ru.

UDC 316.4.063.3

DOI: 10.25686/2410-0773.2020.1.88

INTEGRATION PROJECTS IN RUSSIA: PROBLEMS AND PERSPECTIVES

A. A. Vozmitel

*Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)*

Introduction. The collapse of the USSR and the subsequent reforms turned the former superpower into a country without sovereignty and without national interests. Post-Soviet Russia was considered by other countries as a commodity appendage of the Western economies. Therefore, a natural reaction of the new Russian government to these processes was the attempt to reintegrate the former Soviet countries and to initiate Russia's participation in several international integration projects. The goal of this policy was to develop the economy and to return to the country the status of the superpower.

Methods. Analysis of scientific publications on the topic, analysis of official sources, speeches of political leaders, expert opinions, sociocultural analysis, statistical data and sociological analysis.

Results. The general conclusion of the performed analysis is that there is a need to overcome the inconsistency in Russia's relationships with its closest neighbors and to develop Russia's strategic policy, which would be based on clearly defined national interests. These issues have been already quite actively discussed by public and recently in the scientific literature.

Conclusion. Considering the real attitude of the Russians to the occurred changes and in response to the rigid sanctions of the Western countries, Russia should use the 'window of opportunities' to reach an effective and socially responsible development. In this regard, the paper considers the experience of China with its unique, concise and very clear principles used in sphere of international relations and the highly effective non-western model of the economic development. Both Chinese economic model and as its foreign policy provide China with the worldwide accepted leading status.

Keywords: globalization, integration, post-Soviet space, development models.

References

1. Astahov E. Takie raznye strany-chleny BRIKS. I vse taki vmeste [These different member countries of the BRICS. And yet together], *Mezhdunarodnaya zhizn*, 2018, No. 8, pp. 115-126.
2. Putin V.V. Vystuplenie Prezidenta Rossijskoj Federacii na soveshchanie poslov i postoyannyh predstavitelej Rossijskoj Federacii. [Address by the President of the Russian Federation to the meeting of ambassadors and permanent representatives of the Russian Federation], Moscow MID, 19 iyulya 2018 goda, *Mezhdunarodnaya zhizn*, 2018, No. 8, pp. 7-13.
3. Lukashenko A.G. O sud'bah nashej integracii [About the fate of our integration], *Izvestiya*, 17 okt. 2011.
4. Kovalev. V kontekste geopolitiki i global'nyh problem [In the context of geopolitics and global problems], *Belaruskaya dumka*, 2017, No. 4.
5. Gronskij A.L. Soyuznoe gosudarstvo Rossii i Belorussii: problemy i perspektivy. Postsovetskoe prostranstvo: rol' vneshnego faktora [The Union State of Russia and Belarus: problems and prospects], Moscow: IMEHO RAN, 2018, pp. 42-59.
6. Putin V.V. Rossiya sosredotachivaetsya [Russia focuses], *Izvestiya*, 06.01.12.
7. Chem mechtayut rossiya: Idealy i real'nost' [What Russians dream about: Ideal and reality], edited by M. K. Gorshkov, R. Krumm, N. I. Tikhonova, Moscow: Ves' mir, 2013, 400 p.
8. Dvadcat' pyat' let social'nyh transformacij v ocenkah i suzheniyah rossiyan [Twenty-five years of social transformations in the assessments and judgments of Russians], edited by M. K. Gorshkov and V. V. Petukhov, Moscow: Ves' mir, 2018, 381 p.
9. Dahin A.V., Sergeeva Je.A. Idejnaja pozicija gosudarstva v sovremennom social'nom kontekste [Ideological position of the state in the modern social context], *SocioTime*, 2019, No. 2(18), pp.96-103.
10. Shigareva Yu.U. Kogda zakonchatsya nenast'e? [When will the bad weather end?], *AIF*, 2018, No. 46.
11. Titarenko M. A. Rossiya i Kitaj: Strategicheskoe partnerstvo i vygody vremeni [Russia and China: Strategic partnership and the benefits of time], Moscow: Forum, 2014.
12. Dolgov K. Strategiya vojny i mirovoj politiki [Strategy of war and world politics], *Mezhdunarodnaya zhizn*, 2015, No. 6, pp.158-175.
13. Kosyrev D. Chem plokh Kitaj [What's wrong with China], *Ogonek*, 2018, No. 45.
14. Illarionov A. Zolotyie gory [Golden mountains], *Vedomosti*, 5 maya 2017.
15. Ovchinikov V. Sem'desyat na tridcat [Seventy by thirty], *Rossijskaya gazeta*, 2003, No. 261.
16. Czi Yueshen. Prioritety vneshnej kul'turnoj politiki Kitaya v usloviyah globalizacii [Priorities of China's foreign cultural policy in the context of globalization], *Vlast*, 2017, No. 10, pp. 148-154.
17. Lepskij V. E., Zhurenkov D. A., Savel'ev A. M. Nauchnaja diplomatija i social'nye innovacii [Scientific diplomacy and social innovation], *SocioTime / Social'noe vremja*, 2019, No. 2(18), pp. 54-62.
18. Shalaeva S.L., Shalaev V.P. Liberal'naja (pseudoliberal'naja) kul'tura kak faktor global'noj zapadofikacii i global'nogo upravlenija [Liberal (pseudo-liberal) culture as a factor in global westernisation and global governance], *Socio Time / Social'noe vremja*, 2015, No. 2, pp. 112-122.
19. Shalaev V.P. Mirovozzrenchesko-obrazovatel'naja zapadofikacija kak tehnologija globalizacii i ugroza nacional'noj bezopasnosti Rossii (filosofskij analiz) [Worldview-educational westernisation as a technology of globalization and a threat to the national security of Russia (philosophical analysis)], *Socio Time / Social'noe vremja*, 2015, No. 1, pp. 57-71.
20. Shalaev V.P. Ne zapad v global'nom obshhestve potreblenija [Not West in a Global Consumption Society], *Socio Time / Social'noe vremja* 2016, No. 2, pp. 71-81.
21. Petrushkov M.G., Shalaev V.P. Gibridnye vojny i nacional'naja bezopasnost' Rossijskoj Federacii [Hybrid wars and national security of the Russian Federation], *Socio Time / Social'noe vremja*, 2019, No. 4, pp. 37-47

Author's Bio

VOZMITEL Andrey Andreevitch, Dr.Sci. (Soc.), Chief Researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, member of the scientific Council "Socio-political problems of the EAEU formation" at the Department of social Sciences of the Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia. E-mail: vozmitel@isras.ru.

Библиографическая ссылка

Возьмитель А.А. Интеграционные проекты России: проблемы и перспективы // SocioTime / Социальное время. – 2020. – № 1(21). – С. 88-97. – DOI: 10.25686/2410-0773.2020.1.88

РОЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В СТАНОВЛЕНИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ

О. М. Коморникова

Шадринский государственный педагогический университет, Шадринск (Россия)

Ведение. Становление гражданского общества – одна из стратегических задач развития страны. В его рамках создаются качественно новые образцы социальных ценностей и практик. Цель работы – выделить противоречия развития гражданского общества в российских условиях и показать роль человеческого капитала в их преодолении.

Методы. Анализ проблемы основан на идеях социогуманизма, системно-синергетического, социокультурного, институционального подходов.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Становление гражданского общества в России затрудняет незавершенность трансформации практик и социокультурных ориентиров поведения, в результате отсутствуют признанные и одобряемые обществом и одновременно соответствующие целям его стратегического развития нормы. В связи с этим идея гражданского общества должна быть дополнена идеей человеческого капитала, понимание которой в последнее время в научных работах расширяется. Его развитие рассматривается в контексте формирования нового типа личности, обладающей такими социальными качествами, как умение найти баланс социальных и индивидуальных интересов, осознание ответственности за последствия своей деятельности и за происходящее вокруг, готовность принимать активное участие в социальных процессах.

Заключение. Проведенный теоретический анализ позволяет сделать ряд выводов. В условиях современного общества растет значимость самоорганизации различных сфер жизни, соответственно, предъявляются новые требования к качествам личности. Эти качества могут развиваться и реализоваться в рамках гражданского общества и, по сути, характеризуют новый тип личности, обладающей совокупностью ценностей, установок, способностей, которые интегрируются понятием «человеческий капитал». Личность, обладающая им, способна воплотить в реальность ценности и практики гражданского общества, преодолеть широко распространенную в данный момент пассивную безучастность россиян, их иждивенческие настроения, задать более определенные ценностные приоритеты общества.

Ключевые слова: гражданское общество, социальные практики, социокультурная программа, трансформация, гражданская активность, человеческий капитал.

Введение. Перед современной Россией стоит задача поиска новых путей и стратегий развития, которые должны учитывать ее исторически сложившуюся социокультурную специфику, а также новые реалии постиндустриального общества. Все чаще и общественные, и политические деятели говорят о необходимости формирования (или возрождения традиций) гражданского общества в России. Это позволит создать более эффективную модель взаимодействия государства и общества, расширить сферы деятельности граждан по принятию решений, обезопасить от ряда уязвимостей, с которыми сталкивается современное общество. Например, отсутствие доверия, коммуникаций между обществом и властью создает питательную почву для вмешательства извне, дисгармонизирует отно-

шения внутри страны. В связи с этим все явственнее ощущается потребность в качественно новых образцах социальных отношений, которые, в частности, развиваются и реализуются в рамках гражданского общества.

Методы исследования. Анализ проблемы основывается на идеях системно-синергетического, социокультурного и институционального подходов, которые активно используются современными российскими учеными для изучения процессов становления гражданского общества в России. Феномен человеческого капитала рассматривается с точки зрения междисциплинарного подхода.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Идея гражданского общества существует в научном дискурсе уже не одно столетие. В разные эпохи ее концептуальной разработкой занимались Т. Гоббс, Дж. Локк, Ш. Монтескье, Г. Гегель, Ю. Хабермас и др. Ее развитие прошло от идей, связанных с естественным правом и общественным договором, до проблем рационализации общественной жизни. Гражданское общество рассматривалось в политическом, правовом и духовно-нравственном контекстах.

Современные российские исследователи активно используют понятие «гражданское общество» для анализа новых социальных реалий. Его рассматривают как один «из центральных герменевтических ключей для понимания сложности отношений современного общества и современного государства. Это своего рода «знак времени» или концептуальный код эпохи» [3, с. 25]. Предлагается и более широкое понимание, не ограничивающее его научный потенциал только лишь сферой взаимоотношений общества и государства. Значимость гражданского общества для социума в целом заключается в том, что оно является фактором институциональных изменений, так как именно в нем апробируются необходимые для общественного развития нормы и образцы и при их целесообразности в дальнейшем закрепляются на уровне новых социальных институтов [6, с. 66]. То есть оно является условием коренных изменений, «прорыва», запрос на которые созрел в российском обществе.

Проблематика гражданского общества российскими социологами рассматривается на основе институционального и социокультурного подходов. Первый акцентирует внимание на социальных практиках, институциональных структурах, определяющих пространство социальных ограничений, возможностей, второй – на культурных программах, социально-ценностных структурах, задающих границы трансформации российского общества. Данные подходы взаимодополняют друг друга [7].

Институциональным основанием гражданского общества выступает высокая степень самоорганизации всех сфер жизни общества, когда жизненные задачи люди предпочитают решать путем совместной деятельности, основанной на договорных отношениях добровольного сотрудничества [1, с. 77-78; 6, с. 66]. Подчеркнем, что для современной трактовки гражданского общества особую значимость имеет именно высокая степень самоорганизации различных сфер жизнедеятельности общества.

Социокультурными основаниями гражданского общества выступают ценности и установки, которые не просто присутствуют в различных дискурсах, но

являются неотъемлемой и неотчуждаемой частью мировоззрения широких слоев населения. Идея гражданского общества должна «пройти известную стадию вызревания в рамках существующей в обществе культуры» [12, с. 111]. Ценности и установки могут создаваться как в рамках данной культуры, так и заимствоваться извне, затем они должны получить достаточно широкое распространение и одобрение, чтобы укорениться в системе детерминант социального поведения.

Для становления гражданского общества в современной России характерен ряд противоречий. В силу сосредоточенности граждан на личных интересах, исторически сложившейся значимости роли государства в организации жизнедеятельности, установки на самоорганизацию, социальную активность слабо выражены. В настоящее время значительная часть россиян связывает решение жизненно важных задач не с собственной активностью, в том числе и в рамках совместной деятельности как одной из основ гражданского общества, а с государством. Как всероссийские, так и региональные исследования показывают, что для россиян характерна пассивность в различных сферах возможного гражданского поведения, иждивенческие настроения [2, с. 104; 10, с. 10; 11].

Затрудняет становление гражданского общества и незавершенность процессов трансформации. В связи с этим, по мнению ряда исследователей, возникает противоречие, связанное с функционированием отличных друг от друга институционализированных моделей и социокультурных программ гражданственности [2, с. 99]. Действительно, для современных россиян характерно расхождение декларируемых ценностей и установок (они характеризуют социокультурные программы) и реализуемых в реальных действиях (они отражают возможности и существующие социальные практики).

Проблема, на наш взгляд, не ограничивается только этим противоречием. Прежде всего, отметим, что содержание социокультурных программ как таковых в современном состоянии не может обеспечить успешное развитие российского общества. Во-первых, в силу неопределенности, поскольку прежние советские ценности полностью или частично утратили свою значимость, а новые или вовсе не появились, или не имеют авторитета, широкого распространения в массовом сознании. Бывшие долгое время в качестве ориентира либеральные западные ценности не в полной мере подходят к российским социокультурным традициям и практикам. Во-вторых, сформировавшиеся в переходный период ценности и установки во многом были обусловлены необходимостью выживания в новых условиях, но сейчас они тормозят трансформацию существующих практик социального взаимодействия, переосмысление актуальной иерархии системы ценностей.

Одним из направлений преодоления указанных противоречий развития гражданского общества является наличие граждан не в административном или бытовом, а в общественно-политическом смысле – людей с гражданским самосознанием [13, с. 115]. Для современности в целом характерна тенденция смещения центра принятия решений по социально значимым вопросам с верхних уровней социальной организации на нижние (о чем уже говорилось выше). В связи с этим Ю. М. Резник отмечает: «Гражданский этос современного социума характеризу-

ется тенденцией перехода к персоналистической модели социального поведения людей» [12, с. 118].

В современном обществе гражданское самосознание должно иметь такие мировоззренческие основания, как стремление к интеграции, ориентированность на активное участие в жизни социума, способность и готовность брать на себя ответственность за осуществляемую деятельность. Это новый тип мышления, который должен развить и укоренить в массовом сознании социокультурные программы, институционализировать социальные практики, отличные, например, от опыта советского общества, когда гражданская активность была распространена и достаточно эффективна, но она инициировалась не «снизу», а государственными структурами и служила механизмом мобилизации [2, с. 100].

Обладать указанными выше характеристиками может тип личности, имеющий качественно новые характеристики. В связи с этим, на наш взгляд, идея гражданского общества должна быть дополнена идеей человеческого капитала. Такое внимание к характеристикам индивидов дает возможность по-новому взглянуть на социологическую проблематику. Вопрос о соотношении индивида и общества поднимался многими мыслителями. В частности, Н. Элиас пишет: «То, что обозначается двумя различными понятиями «индивид» и «общество» – как это предстает в нынешнем употреблении, является не двумя раздельно существующими объектами, а различными, но неразделимыми уровнями человеческого универсума» [15, с. 62]. Введение понятия «человеческий капитал» позволяет сделать шаги в сторону объединения этих объектов и дать новые возможности изучения социальных процессов современности.

Понятие «человеческий капитал» активно используется в экономической науке, но интерес к нему в последнее время возрастает и в других сферах научных исследований. В социологии, педагогике при анализе многих современных проблем исследователи, так или иначе, все чаще обращаются к этому концепту.

Основы экономического подхода к изучению человеческого капитала были заложены Г. Беккером, Т. Шульцем, А. Маршаллом. Человеческий капитал рассматривается ими как способности, знания, мотивы человека, которые при целесообразном использовании способствуют росту производительности и доходов. Данный подход к человеческому капиталу нельзя трактовать слишком узко, поскольку он не игнорирует духовно-мотивационную составляющую, но более ориентирован на выявление экономических результатов его влияния. Поэтому обратимся к другому подходу в понимании человеческого капитала, предложенному А. Сенем, Дж. Коулманом. Развитие этих идей связывают с реалиями постиндустриальной экономики, обусловившей дальнейшее расширение требований к работнику [14]. Добавим к этому, что в целом изменение основ социальной организации порождает потребность общества в новых образцах поведения индивида в различных сферах жизнедеятельности при выполнении свойственного ему ролевого набора, то есть новые требования не ограничиваются только лишь трудовой деятельностью.

Дж. Коулман отмечает, что человеческий капитал создается путем внутренней трансформации самих индивидов, вызываемой их навыками и способностями

ми, давая возможность действовать иначе [8, с. 126]. Здесь обращено внимание на внутреннюю работу индивидов, которая позволяет изменить их ценности и компетенции. Российский исследователь С.А. Кравченко также отмечает, что содержание человеческого капитала определяется не только внешними факторами [9, с. 9].

Российскими учеными дается еще более широкое понимание человеческого капитала. В работах В.С. Голубева, В.В. Бушуева данное понятие рассматривается в контексте концепции социогуманизма. Человек предстает здесь как существо биологическое, социальное и духовное одновременно. Биологическую сущность человека отражает витальный капитал, который дается от рождения; в процессе социализации приобретает интеллектуальный капитал, а в результате собственной внутренней работы над собой накапливается духовный капитал [4, с. 132]. В свою очередь, духовное развитие предполагает изменение мировоззрения и ценностных ориентиров, приоритетов, воплощение «гуманитарного кода функционирования» общества [4, с. 138]. Такие социально значимые изменения также представляются возможными при наличии внутренней работы человека.

Этот подход позволяет по-иному взглянуть на проблемы становления гражданского общества, когда социально значимые изменения, формирование новых социокультурных программ и практик требуют активизации внутренних ресурсов индивида, поскольку этих целей не достичь только включенностью в социальное взаимодействие, влиянием извне.

Поскольку в данной работе человеческий капитал рассматривается как ресурс разрешения противоречий становления гражданского общества, мы подразумеваем под ним совокупность характеристик индивидов (интеллектуальных, духовных), которые могут способствовать мобилизации их внутренних ресурсов для трансформации существующих социокультурных программ и институционализированных практик.

По мнению С.А. Кравченко, «содержание и характер человеческого капитала не имеют универсального характера: они изменяются во времени и пространстве, варьируются от страны к стране, специфичны в конкретных культурах» [9, с. 8]. Понимание его содержательных характеристик в российских условиях подразумевает прежде всего ориентированность на деятельность граждан за пределами частной жизни, их готовность и возможность активно участвовать в происходящих социальных процессах, которую С.Г. Кирдина обозначает термином «гражданское участие» [6], более конструктивное (пусть и критическое) отношение к социальным реалиям. По мнению ряда ученых, в масштабах страны человеческий капитал включает в себя и климат в обществе [5, с. 38]. Формирование более благоприятного климата в российском обществе требует от личности способности более глубокого анализа социальных процессов, основанного на объективной информации, отказ от восприятия, вытекающего из стереотипов или эмоций. Это условия преодоления не вполне адекватной ситуации, когда общественное обсуждение сосредоточено на постоянном принижении своей страны, «посыпании головы пеплом», при этом объективная информация не актуализирова-

на, не хватает конструктивной критики и, как следствие, – широкое распространение негативно окрашенных настроений в обществе.

Заключение. Процессу становления гражданского общества в современной России характерен ряд противоречий, обусловленных изменением ценностных и экономических оснований жизнедеятельности российского общества, а также переходом к постиндустриальному обществу, порождающему новые требования к личности.

Среди противоречий, препятствующих развитию гражданского общества, отметим следующие:

1. В обществе воспроизводятся исторически сложившиеся социокультурные традиции (в частности, важна роль государства в организации различных сфер жизни, но это вступает в противоречие с потребностью современного общества в высокой степени самоорганизации);

2. Заимствованная западная идеологическая платформа гражданского общества вступила в противоречие с существующими социокультурными программами, практиками. В результате до сих пор мы имеем некоторую неопределенность ценностных основ гражданского общества и социальной организации в целом;

3. Отказ от части советских ценностей, утрата значимости ряда имевшихся на тот момент оснований социальной организации привели в переходный период к формированию практик, которые способствуют реализации непосредственных жизненных потребностей, но препятствуют решению стратегических задач развития страны в целом;

4. Негативная социальная атмосфера дисгармонизирует взаимодействие социальных структур и институтов. По сути, в своей деятельности они могут препятствовать реализации стоящих перед ними задач.

Одним из направлений разрешения противоречий становления гражданского общества в России является развитие человеческого капитала как воплощенного в индивиде потенциала гражданского участия, готовности и способности к самоорганизации, социальной рефлексии.

Человеческий капитал выполняет функции, которые нельзя достичь другим путем, – он обеспечивает реализацию определенных действий, особенно пока они не закреплены в трансформирующихся социокультурных программах и практиках. Конечно, усилия на индивидуальном уровне должны подкрепляться и деятельностью на уровне основных социальных институтов (государство, образование, СМИ), поскольку человеческий капитал создается пусть и усилиями индивидов, но его ориентиры задаются как извне, так и внутренней деятельностью. Большую роль могут здесь сыграть и общественные объединения, создающие и транслирующие качественно новые образцы поведения. То есть, в принципе, речь идет о самоорганизации общества на всех уровнях его субъектности (индивид, социальные группы, общество). Самоорганизация и ее поддержка становятся спусковым крючком, важным фактором развития общества, в основе которого (развития) социальная самореализация человека, реализация заложенного в него человеческого капитала. И здесь мы близки принципам социальной синергетики, основанной на теории саморегуляции [16].

Анализируя процессы в российском обществе в контексте социокультурного и институционального подходов, мы видим, что имеющиеся основания социальной жизнедеятельности не позволяют сделать «прорыв», коренным образом изменить ситуацию в стране. Для изменения сложившихся тенденций и векторов развития необходимо задействовать новые ресурсы, в частности, человеческий капитал. Конкретизация его содержательных характеристик для российских условий является задачей дальнейшего исследования.

Список литературы

1. Басов С.А. Гражданское общество и гражданские отношения: поиск смысла // Социологические исследования. 2012. № 2. С. 74-82.
2. Гаврилюк В.В., Маленков В.В., Гаврилюк Т.В. Современные модели российской гражданственности // Социологические исследования. 2016. № 11. С. 97-106.
3. Голенкова З.Т. Гражданское общество в России // Социологические исследования. 1997. № 3. С. 25-36.
4. Голубев В.С. Структурная энергия жизни, человеческий капитал и факторы здоровья // Общественные науки и современность. 2011. № 2. С. 131-140.
5. Гуманистические ориентиры России / ред. кол.: Л.И. Абалкин, А.В. Барышева, Д.Е. Сорokin. Москва: Институт экономики РАН, 2002. 391с.
6. Кирдина С.Г. Гражданское общество: уход от идеологемы // Социологические исследования. 2012. № 2. С. 63-73.
7. Кирдина С.Г. Социокультурный и институциональный подходы как основа позитивной социологии в России // Социологические исследования. 2002. № 12. С. 23-32.
8. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 122-139.
9. Кравченко С. А. Становящаяся сложная социальная реальность: проблема новых уязвимостей // Социологические исследования. 2013. № 5. С. 3-12.
10. Мерсиянова И. Вовлеченность россиян в добровольчество // Информационно-аналитический бюллетень о развитии гражданского общества и некоммерческого сектора в РФ. 2015. декабрь, № 4(8). С. 6-10. URL: https://grans.hse.ru/data/2016/03/24/1127955802/Bulleten%208_web.pdf (дата обращения 3.09.2018).
11. Нужны ли нашему обществу общественные организации? / Всероссийский центр изучения общественного мнения. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=743> (дата обращения 24.08.2018).
12. Резник Ю.М. Гражданское общество как идея // Социально-гуманитарные знания. 2002. № 4. С. 108-118. URL: <http://shgpi.edu.ru/biblioteka/cgi-bin/search/search.exe?Z21ID=&I21DBN=STATI&P21DBN=STATI&S21STN=1&S21REF=10&S21FMT=fullw&C21COM=S&S21CNR=20&S21P01=3&S21P02=0&S21P03=A=&S21COLORTERMS=0&S21STR=%D0%A0%D0%B5%D0%B7%D0%BD%D0%B8%D0%BA%20%D0%AE%2E%20%D0%9C%2E>
13. Симонян Р.Х. Элита или все-таки номенклатура? (размышления о российском правящем слое) // Общественные науки и современность. 2009. № 2. С. 114-124.
14. Тихонова Н.Е., Каравай А. В. Динамика некоторых показателей общего человеческого капитала россиян в 2010-2015 гг. // Социологические исследования. 2018. № 5. С. 84-98.
15. Элиас Н. Понятие фигурации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. III, № 3. С. 62-65.
16. Шалаев В.П. Из истории системосинергетики в пространстве отечественного и западного социально-гуманитарного знания // Socio Time / Социальное время. 2017. № 1. С. 80-100.

Авторская справка

КОМОРНИКОВА Ольга Михайловна, кандидат социологических наук, доцент кафедры филологии и социогуманитарных дисциплин, Шадринский государственный педагогический университет, Шадринск, Курганская область, Россия. E-mail: olya.orexovo@yandex.ru.

UDC 316.7

DOI: 10.25686/2410-0773.2020.1.98

THE ROLE OF HUMAN CAPITAL IN THE FORMATION OF CIVIL SOCIETY IN RUSSIA

O. M. Komornikova

Shadrinsk State Pedagogical University, Shadrinsk (Russia)

Introduction. The formation of civil society is one of the strategic objectives of the country's development. It creates qualitatively new models of social values and practices. The aim of the work is to highlight the contradictions in the development of civil society in Russian conditions and to show the role of human capital in overcoming them.

Methods. The analysis of the problem is based on the ideas of sociohumanism, system-synergetic, socio-cultural, institutional approaches.

Results. Formation of civil society in Russia complicates incompleteness of transformation of practices and sociocultural reference points of behavior. As a result, there are no norms recognized and approved by society and at the same time corresponding to the purposes of its strategic development. In this regard, the idea of civil society should be supplemented by the idea of human capital, the understanding of which has recently been expanding in scientific works. Its development is considered in the context of the formation of a new type of personality with such social qualities as the ability to find a balance of social and individual interests, awareness of responsibility for the consequences of their activities and for what is happening around, willingness to take an active part in social processes.

Conclusions. The theoretical analysis allows to draw a number of conclusions. In the conditions of modern society the importance of self-organization of various spheres of life grows, accordingly new requirements to qualities of the person are made. These qualities can develop and be realized within the framework of civil society and, in fact, characterize a new type of personality with a set of values, attitudes, abilities, which are integrated by the concept of human capital. The person possessing it is capable to embody in reality values and practices of civil society, to overcome widespread at present passive indifference of Russians, their welfare mentality, to set more certain valuable priorities of society.

Keywords: civil society, social practices, socio-cultural program, transformation, civic activity, human capital.

References

1. Basov S.A. Grazhdanskoe obshchestvo i grazhdanskije otnoshenija: poisk smysla [Civil society and civil relations: the search for meaning], *Sociologicheskie issledovanija* [Sociological studies], 2012, no. 2, pp. 74-82. (in Russian)
2. Gavriljuk V.V., Malenkov V.V., Gavriljuk T.V. Sovremennye modeli rossijskoj grazhdanstvennosti [The modern model of the Russian citizenship], *Sociologicheskie issledovanija* [Sociological studies], 2016, no. 11, pp. 97-106. (in Russian)
3. Golenkova Z.T. Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii [Civil society in Russia], *Sociologicheskie issledovanija* [Sociological studies], 1997, no. 3, pp. 25-36. (in Russian)
4. Golubev V.S. Strukturnaja jenergija zhizni, chelovecheskij kapital i faktory zdorov'ja [Structural energy of life, human capital and health factors], *Obshhestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and modernity], 2011, no. 2, pp. 131-140. (in Russian)
5. Gumanisticheskie orientiry Rossii [Humanistic landmarks of Russia], ed. col.: L. I. Abalkin, A.V. Barysheva, D. E. Sorokin, Moscow: Institute of Economics RAS, 2002. 391p. (in Russian)

6. Kirdina S.G. Grazhdanskoe obshhestvo: uhod ot ideologemy [Civil society: moving away from ideologies], *Sociologicheskie issledovanija* [Sociological studies], 2012, no. 2, pp. 63-73. (in Russian)
7. Kirdina S.G. Sociokul'turnyj i institucional'nyj podhody kak osnova pozitivnoj sociologii v Rossii [Sociocultural and institutional approaches as the basis of positive sociology in Russia], *Sociologicheskie issledovanija* [Sociological studies], 2002, no. 12, pp. 23-32. (in Russian)
8. Coleman J. Kapital social'nyj i chelovecheskij [Social and human capital], *Obshhestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and modernity], 2001, no. 3, pp. 122-139. (in Russian)
9. Kravchenko S. A. Stanovjashhajasja slozhnaja social'naja real'nost': problema novyh ujazvimostej [Emerging complex social reality: the problem of new vulnerabilities], *Sociologicheskie issledovanija* [Sociological studies], 2013, no. 5, pp. 3-12. (in Russian)
10. Mersyanova I. Vovlechnost' rossijan v dobrovol'chestvo [Involvement of Russians in volunteering], *Informacionno-analiticheskij bjulleten' o razvitii grazhdanskogo obshhestva i nekommercheskogo sektora v RF* [Information and analytical Bulletin on the development of civil society and the non-profit sector in RF], 2015, December, no 4(8), pp. 6-10. Available at: https://grans.hse.ru/data/2016/03/24/1127955802/Bulleten%208_web.pdf (Accessed 3 September 2018).
11. Nuzhny li nashemu obshhestvu obshhestvennye organizacii? [Do our society need public organizations?], *Vserossijskij centr izuchenija obshhestvennogo mnenija* [Russian public opinion research center], Available at: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=743> (Accessed 24 August 2019).
12. Reznik Ju.M. Grazhdanskoe obshhestvo kak ideja [Civil society as an idea], *Social'no-gumanitarnye znanija* [Social and humanitarian knowledge], 2002, no 4, pp. 108-118. (in Russian)
13. Simonjan R.H. Jelita ili vse-taki nomenklatura? (razmyshlenija o rossijskom pravjashhem sloe) [The elite or is it the nomenclature? (reflections on the Russian ruling class)], *Obshhestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and modernity], 2009, no. 2, pp. 114-124. (in Russian)
14. Tihonova N.E., Karavaj A. V. Dinamika nekotoryh pokazatelej obshhego chelovecheskogo kapitala rossijan v 2010-2015 gg. [Dynamics of some indicators of the total human capital of Russians in 2010-2015], *Sociologicheskie issledovanija* [Sociological studies], 2018, no. 5, pp. 84-98. (in Russian)
15. Elias N. Ponjatje figuracii [The concept of figuration], *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii* [Journal of sociology and social anthropology], 2000, t. III, no. 3, pp. 62-65. (in Russian)
16. Shalaev V.P. Iz istorii sistemasinergetiki v prostranstve otechestvennogo i zapadnogo social'no-gumanitarnogo znanija, *Socio Time / Social'noe vremja*, 2017, no. 1, pp. 80-100.

Author's Bio

КОМОРНИКОВА Ольга Михайловна, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of Department of Philology and Social and Humanitarian Disciplines, Shadrinsk State Pedagogical University, Kurgan region, Shadrinsk, Russia. E-mail: olya.orexovo@yandex.ru.

Библиографическая ссылка

Коморникова О. М. Роль человеческого капитала в становлении гражданского общества в России // SocioTime / Социальное время. – 2020. – № 1(21). – С. 98-106. – DOI: 10.25686/2410-0773.2020.1.98

УДК 911.37

DOI: 10.25686/2410-0773.2020.1.107

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ЛОКАЛЬНОЙ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ СИСТЕМЫ РАССЕЛЕНИЯ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ

¹В. А. Нежданов, ²Ю. М. Ромашов

¹Агентство городского развития Обнинска – Обнинский бизнес-инкубатор, Обнинск (Россия);

²Центр геопространственного экономического анализа МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва (Россия)

Введение. Актуальность статьи обусловлена утверждением концепции «Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года», где после долгих дискуссий сформулировано определение термина «агломерация». В настоящее время работы по развитию агломерации с центром в г. Обнинске вышли на уровень концептуальных построений. Цель статьи – проанализировать процесс развития локальной северо-восточной системы расселения Калужской области и формирования северной агломерации Калужской области.

Методы. Базовые методы исследования — метод анализа документов и статистических данных в совокупности с расчетами авторов, сравнительно-географический метод и метод системного анализа.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Проанализированы противоречия в системе определений термина «агломерация» и процесс трансформации северо-восточного скопления поселений Калужской области в среднюю агломерацию второго порядка, входящую в состав Московской агломерации, имеющую большой потенциал инновационного развития.

Заключение. Перспективы последующих работ состоят в актуализации концепции развития Северной агломерации Калужской области. Статья предназначена для работников науки и образования, руководителей различных уровней управления предприятиями и организациями, государственных и муниципальных служащих, представителей современной управленческой интеллигенции.

Ключевые слова: система расселения, агломерированные формы расселения, групповая система населенных мест, агломерация второго порядка, северная агломерация Калужской области.

Введение. Агломерированные формы расселения являются наиболее прогрессивными в экономически развитых странах. После длительных дискуссий концепция «Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года», утвержденная Правительством РФ 13 февраля 2019 года № 207 [5], зафиксировала основы «законодательного регулирования городских агломераций и межмуниципального сотрудничества». Круглый стол с таким названием состоялся в Государственной думе РФ 15.02.2019 и продемонстрировал состояние реальной практики развития агломераций в России [1].

Цель данной статьи – доказать, что северо-восточное скопление поселений Калужской области является самостоятельной агломерацией второго порядка, входящей в состав расширяющейся Московской агломерации. Для достижения цели сформулированы следующие задачи: проанализировать процесс трансформации северо-восточного скопления поселений Калужской области в агломера-

цию второго порядка; показать спорную ситуацию с определением понятия «агломерация», обозначить структуру, состав и пограничное положение агломерации с центром в г. Обнинске в составе Московской агломерации.

Групповая система расселения северо-востока Калужской области в современном виде сложилась на протяжении последних 50 лет XX в. в процессе развития города Обнинска и преобразования его в первый наукоград России. Исторические поселения, существовавшие на этой территории, – г. Боровск и г. Малоярославец – не формировали единой групповой системы населенных мест. Старинный малый город Боровск развивался в стороне от главных дорог. Существует предание, что старообрядческое духовенство, имеющее авторитет в городе, не допустило прокладки железной дороги. Нынешние малые города (Малоярославец, Балабаново, Белоусово, Ермолино) получили толчок к развитию именно с появлением железной дороги в конце XIX в., которая предоставила им возможность транзитной транспортировки сырья и готовой продукции на направлении Москва – Киев [10].

Расположение г. Обнинска на пересечении сети автомобильных дорог Московской агломерации (МЗ, А130 и А108) между названными выше городами, развитие городских поселений Балабаново, Ермолино, Белоусово, Жуков в непосредственной близости от нового города позволило создать предпосылки для формирования локальной групповой системы расселения – агломерации. Карты плотности населения Калужской области уже в 1970-х гг. XX в. ярко демонстрируют расположение и развитие будущих агломераций – Калужской и Обнинской.

К концу XX–началу XXI в. между двумя древними городами – Боровском и Малоярославцем – была сформирована сеть поселений, которые постепенно обретали статус городских. Поселку Балабаново был присвоен статус города в 1972 г. В 1996 г. село Жуково было объединено с пгт Протва и получило статус города и наименование г. Жуков. Поселок Белоусово получил статус города в 2004 г., пгт Ермолино – в 2008 г.

Город Обнинск становится центром концентрации социально-экономического потенциала для окружающих территорий, источником их импульсного развития. Численность населения г. Обнинска в 1989 г. превысила 100 тыс. чел. и он перешел в разряд средних городов. Присвоение статуса наукограда Российской Федерации в 2000 г. обеспечило Обнинску лидерство в развитии и позволило занять место центра системы расселения [17].

В документах стратегического планирования Калужской области г. Обнинск как подцентр системы расселения фигурировал с 1998 г. Схема районной планировки Калужской области (1998 г.) предусматривала деление территории области на три системы расселения с центрами сферы услуг в Калуге, Кирове, Людиново и тремя подцентрами в Обнинске, Кондрово, Сухиничах. Схема территориального планирования Калужской области (СТП КО), выполненная Научно-проектным институтом пространственного планирования «ЭНКО» (Санкт-Петербург) в 2008 г. предполагала деление территории области на 5 систем расселения (центры – Калуга, Обнинск, Киров-Людиново, Сухиничи, Юхнов), выделяя северо-восточное скопление поселений с центром в г. Обнинске как самостоятельную систему расселения [7].

В 2009 г. система расселения с центром в г. Обнинске впервые *официально* была названа *агломерацией* в Стратегии социально-экономического развития Ка-

лужской области до 2030 года. В разделе «Стратегические перспективы социально-экономического развития Калужской области» рассматриваются «перспективы нового расселения», где «Обнинско-Боровская агломерация обозначена как потенциальный территориальный центр, замыкающий на себя новые селитебные зоны Московской агломерации» [11].

Тем не менее, несмотря на устоявшийся характер теоретических представлений о развитии агломерированных форм расселения, существуют разночтения в определении понятия «агломерация». В советской теории архитектуры и градостроительства существовала концепция «групповой системы населенных мест» (ГСНМ), которая определялась как «совокупность городских и сельских поселений различной величины и экономического профиля, объединенных развитыми территориально-производственными связями, а также общей инженерной инфраструктурой, единой сетью центров социально-культурного обслуживания и мест отдыха населения». ГСНМ находились на разных стадиях формирования, от слабо развитых и развитых групповых до складывающихся агломерационных и устойчивых агломераций. Агломерацией называлась «высокоурбанизированная система территориально сближенных и экономически взаимосвязанных населенных мест, объединенных устойчивыми и интенсивными трудовыми, культурно-бытовыми и производственными связями, общей социальной и инженерно-технической инфраструктурой» [15].

В географической науке системы агломерированного расселения впервые были описаны в 1971 г. В. Г. Давидовичем, который выделил 514 «городских агломераций и небольших локальных групп городов, поселков и сел СССР». Однако в географической науке наблюдалась подмена понятий. Под городскими агломерациями понимались только крупные (город-ядро должен иметь численность населения от 100 до 250 тыс. чел.) системы расселения в отличие от прагматичного подхода Бюро цензов США, где используется термин «стандартный метрополитенский статистический ареал» (SMSA). Метрополитенским ареалом называется округ (графство), где имеется город с людностью 50 тыс. чел. и более или два близкорасположенных города с суммарной численностью не менее 50 тыс. чел. Подробный обзор понятий и терминов приводится в работах Г.М. Лаппо, Д. В. Кузнецова, П. М. Поляна, Т. И. Селивановой, А. А. Ткаченко, А. А. Фомкиной [16].

Аналогичная подмена понятий наблюдается и в настоящее время. Концепция «Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года», упомянутая во введении, дает определение только крупной и крупнейшей агломераций – «совокупность компактно расположенных населенных пунктов и территорий между ними с общей численностью населения (от 500 тыс. чел. до 1000 тыс. чел. – крупная; более 1000 тыс. чел. – крупнейшая), связанных совместным использованием инфраструктурных объектов и объединенных интенсивными экономическими, в том числе трудовыми, и социальными связями» [5].

Вместе с тем в проекте концепции «Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года», разработанной в 2016 г., применялся более мягкий количественный ценз, где агломерацией называлась «урбанизированная территория, представляющая собой систему расселения, состоящую из не входящего в состав другой агломерации города – центра агломерации

с населением, как правило, от 100 тыс. чел. и более и внешней (пригородной) зоны с численностью городского населения от 10 тыс. чел. и более, границы которой определяются регулярными и интенсивными трудовыми, производственными, административно-деловыми, торгово-бытовыми, транспортно-логистическими, рекреационными и другими связями города-центра и населенных пунктов внешней зоны (близко к концепции ГСНМ) [13]. В отличие от США, статистический учет агломераций в РФ до сих пор не ведется.

Вызывает определенные дискуссии существование агломерации с центром в г. Обнинске. Правительством РФ была принята программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. распоряжением Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р), в рамках реализации которой по Калужской области представлен проект «Цифровая агломерация в Калужской области» (в ГО «Обнинск») [12, 18]. 20 декабря 2018 г. в Москве под председательством заместителя министра строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ А. Чибиса прошла конференция «Умный город. Старт проекта». В рамках секционной работы конференции заместитель губернатора Калужской области Д. Разумовский представил концепцию проекта «Цифровой мост» между Калугой и Обнинском, заключено соглашение между двумя городскими округами [3].

В то же время, в соответствии с Указом Президента РФ № 204, для развития транспортной инфраструктуры России разработан национальный проект «Безопасные и качественные автомобильные дороги», в рамках которого заявлена Калужская агломерация, в составе ГО «Калуга» и ГО «Обнинск», Бабынинского, Дзержинского, Малоярославецкого, Перемышльского и Ферзиковского муниципальных районов [2].

Тем не менее существует устоявшаяся точка зрения в географической науке, а также в теории архитектуры и градостроительства по поводу существования агломерации с центром в г. Обнинске. Северная часть Калужской области исторически развивалась в тесной связи с промышленными узлами Московской области, и компактная система поселений с центром в г. Обнинске традиционно тяготеет к юго-западной части Московской агломерации. Географические исследования традиционно относят северо-восточное скопление поселений Калужской области к агломерациям второго порядка Московской агломерации [8, 9].

Современные проекты развития столичного региона рассматривают Обнинскую агломерацию второго порядка как часть Московской. Проект развития Московской агломерации института «Урбаника» также включает северо-восточное скопление поселений вокруг г. Обнинска в столичную агломерацию в качестве агломерации второго порядка [4].

ЦНИИП Минстроя РФ предлагает рассматривать Московский столичный регион как конурбацию, т.е. «...крупное многоцентровое скопление городских агломераций» с включением в ее состав Обнинской агломерации. По версии А. М. Лолы (ЦНИИП Минстроя РФ), Московская радиальная конурбация включает Обнинскую агломерацию наравне с другими субагломерациями второго порядка – Серпуховской, Коломенской, Егорьевской и др.

Методы. Базовые методы исследования – аналитический, библиографический, картографический и сравнительно-географический методы, метод системного анализа.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение.

Анализ документов дает основание заявить, что агломерация с центром в г. Обнинске существует. Она соответствует определению термина «агломерация», заложенному в проекте концепции «Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года» от 2016 г., что является близким по содержанию к определениям из традиционной концепции ГСНМ. Она имеет сложную полифункциональную структуру, которая состоит из ядра, центральной урбанизированной территории, внешней зоны агломерации и периферии. В состав агломерации входят городской округ Обнинск и шесть малых городов (Малоярославец, Балабаново, Жуков, Боровск, Ермолино, Белоусово), что является уникальным явлением для Центрального федерального округа.

Численность населения города Обнинска как ядра агломерации и остальных городов, входящих в её состав, сопоставимы, что позволяет считать эту групповую систему поселений развитой агломерацией без гипертрофированного центра. Индекс агломеративности (отношение численности населения городов-спутников к численности городского населения всей агломерации) – 0,46 (см. таблицу).

Города, входящие в состав Обнинской агломерации

Город	Площадь (на 1.01.2016, га)	Население (на 1.01.2018, чел.)
Обнинск	4297	115 029
Малоярославец	1805	27 448
Балабаново	1785	25 608
Жуков	2112	13 576
Боровск	2430	10 734
Ермолино	724	10 089
Белоусово	296	9 575
ВСЕГО	13 449	212 059

На основании изохрон транспортной доступности ядра агломерации выделены *структурные элементы* агломерации, которые объединяются недельным циклом жизнедеятельности жителей агломерации. Вся территория агломерации в административных границах полностью попадает в зону 1,5-часовой транспортной доступности от центра агломерации.

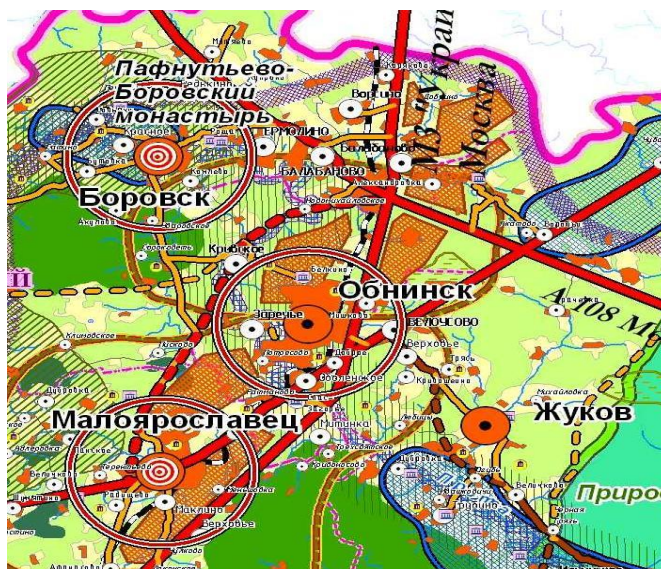
В пределах рассматриваемой системы расселения могут быть выделены следующие *зональные элементы* (рис. 2):

- *ядро агломерации* – городской округ Обнинск, ресурсы для развития градостроительной деятельности на территории которого крайне ограничены;
- *центральная урбанизированная зона* – города Боровск, Балабаново, Белоусово, Ермолино, Малоярославец, Жуков, сельское поселение Ворсино;
- *внешняя зона* – относительно урбанизированные ареалы интенсивного влияния городов Боровск, Балабаново, Белоусово, Малоярославец, Жуков;
- *периферия* – окраинные территории Боровского, Малоярославецкого и Жуковского районов.

Существует интенсивная встречная маятниковая миграция населения между местом работы, обучения, местами осуществления финансово-деловой деятельности, посещения объектов культуры и прочих объектов социальной сферы в радиусе часовой транспортной доступности. Одновременно происходит стягива-

ние населения в центральную и северную зоны агломерации. Ситуация осложняется близостью московской агломерации, куда был направлен значительный поток мигрантов на протяжении длительного периода (конец XX – начало XXI вв.). Однако за последние два десятилетия Обнинская агломерация становится миграционно привлекательной для населения и бизнеса московского столичного региона.

На фоне сокращения численности населения большинства муниципальных районов Калужской области территории, составляющие агломерацию, отличаются стабильным приростом численности населения (за исключением Малоарославского района). Здесь, без сомнения, существенную помощь в анализе, прогнозировании и проектировании этих процессах могла бы сыграть социальная синергетика, владеющая сценарным подходом и математическим моделированием социальных процессов [19].

Карта северо-восточной части Калужской области. Большие круговые диаграммы – полюса роста, центральные секторы вдоль дорог с штриховкой – зоны перспективного градостроительного развития (СТП КО, ЭНКО, 2008 г.) [7]

Заключение. В настоящее время Центром геопространственного экономического анализа МГУ им. М.В. Ломоносова разработан проект Концепции создания Северной агломерации Калужской области, где заложена новая модель экономического роста (инвестиции, инновации, высококвалифицированные кадры, международное сотрудничество) [14]. Концепция требует актуализации в соответствии с новыми документами пространственного развития. Одновременно с разработкой концепции создана рабочая группа, которая занимается управлением развития агломерации. Наименование агломерации (Обнинско-Боровская), прозвучавшее в Стратегии социально-экономического развития Калужской области до 2030 года, обосновано наличием второго по численности муниципального

района, включающего городские поселения Боровск, Балабаново, Ермолино. Тем не менее можно было бы называть агломерацию Обнинско-Малоярославецкая по названию второго по численности города, входящего в агломерацию. В зависимости от выбранной модели управления агломерация может быть названа соответствующим образом: Обнинская, Обнинско-Боровская, Обнинско-Малоярославецкая, Северо-восточная агломерация Калужской области.

Список литературы

1. В ГД обсудили вопросы регулирования городских агломераций. URL: <http://duma.gov.ru/news/29803/>
2. В Калужской области завершаются работы 2019 года по реализации национального проекта «Безопасные и качественные автомобильные дороги». URL: <https://admoblkaluga.ru/main/news/events/detail.php?ID=275084>
3. Калужская область представила проект «Цифровой мост» на федеральном уровне. URL: <https://www.kaluga-gov.ru/?q=news>
4. Концепция долгосрочного развития Московской агломерации (проект института «Урбаника»). URL: <http://urbanica.spb.ru/project/kontseptsiya-dolgosrochnogo-razvitiya-moskovskoj-aglomeratsii/>
5. Концепция «Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года». URL: <http://static.government.ru/media/files/UVAIqUfT08o60RktoOX122JjAe7irNxc.pdf>
6. На территории Калужской области создана «Калужская агломерация». URL: http://www.admobninsk.ru/news/news_15101.html
7. Материалы по обоснованию проекта Схемы территориального планирования Том II: Калуга, 2008. URL: <http://base.garant.ru/46905648/b89690251be5277812a78962f6302560/>
8. Махрова А.Г., Перцик Е.Н. Агломерации второго порядка Московского столичного региона (типологический анализ) // Вестник Московского университета. Сер. 5: География. 1988. № 6. С. 3-9.
9. Махрова А. Г., Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Москва: мегаполис? агломерация? мегалополис? URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0517/links.php>
10. Минеева Д.О. Ретроспектива развития малых городов и поселений Калужской области // Градостроительство. 2015. № 1. С. 37-41. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24717205>
11. О стратегии социально-экономического развития Калужской области до 2030 года: постановление Правительства Калужской области (в ред. от 13.07.2012 № 353, 26.08.2014 № 506, 12.02.2016 № 89, 25.05.2017 № 318). URL: <http://admoblkaluga.ru/sub/econom/strategy/>
12. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации». URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf>
13. Проект Концепции «Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года». URL: <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/planning/sd/>
14. Проект Концепции создания Северной агломерации Калужской области. URL: http://komitet4.km.duma.gov.ru/upload/site28/Kaluzhskaya_oblast.pdf
15. Рекомендации по проектированию крупных городов как центров групповых систем населенных мест / ЦНИИП градостроительства. Москва, 1989. URL: <http://lib.ssga.ru/fulltext/UMK/120303/>
16. Ткаченко А. А., Фомкина А. А. Агломерированное расселение: к проблеме идентификации и учета. URL: <https://istina.msu.ru/journals/95205/?p=3>
17. Указ Президента Российской Федерации от 06.05.2000 № 821 «О присвоении статуса наукограда Российской Федерации г. Обнинску Калужской области». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/15466>
18. Цифровая экономика Калужской области: в основе концептуальный проект агломерации URL: <http://investkaluga.com/media/news/tsifrovaya-ekonomika-kaluzhskoy-oblasti-v-osnove-kontseptualnyu-proekt-aglomeratsii/>
19. Шалаев В.П. Из истории системосинергетики в пространстве отечественного и западного социально-гуманитарного знания // Socio Time / Социальное время. 2017. № 1. С. 80-100.

Авторская справка

НЕЖДАНОВ Владимир Анатольевич – кандидат географических наук, Агентство городского развития Обнинска – Обнинский бизнес-инкубатор, г. Обнинск, Россия.
E-mail: vnej@mail.ru.

РОМАШОВ Юрий Михайлович – заместитель директора Центра геопроостранственного экономического анализа МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.

UDC 911.37

DOI: 10.25686/2410-0773.2020.1.107

**FEATURES OF THE DEVELOPMENT
OF THE LOCAL NORTH-EASTERN SETTLEMENT SYSTEM
OF THE KALUGA REGION**

¹V. A. Nezhdanov, ²Yu. M. Romashov

¹City Development Agency – Obninsk Business Incubator, Obninsk (Russia);

²Lomonosov Moscow State University, Center for Geospatial Economic Analysis, Moscow (Russia)

Introduction. The relevance of the article is due to the approval of the Concept of Spatial Development Strategy of the Russian Federation for the Period up to 2025, where after long discussions the definition of the term agglomeration has been formulated. Currently, the work on the development of the agglomeration with the center in Obninsk has reached the level of conceptual constructions. The purpose of the article is to analyze the process of development of the local North-Eastern settlement system of the Kaluga Region and the formation of the Northern agglomeration of the Kaluga Region.

Method of research. The basic research methods are the method of analysis of documents and statistical data in conjunction with the calculations of the authors, the comparative geographical method and the method of system analysis.

Results. The author examines the contradictions in the system of definitions of the term agglomeration and the process of transformation of the North-Eastern cluster of settlements of Kaluga Region in second order agglomeration being a part of Moscow Metropolitan area which has great potential for innovative development.

Conclusion. The prospects for further work are to update the concept of development of the Northern agglomeration of Kaluga Region. The article is intended for workers of science and education, heads of various levels of management of enterprises and organizations, state and municipal officials, representatives of modern management intelligentsia.

Keywords: settlement system, agglomerated forms of settlement, group system of settlements, second order agglomeration, Northern agglomeration of Kaluga region

References

1. V GD obsudili voprosy regulirovaniya gorodskikh aglomeratsiy [The State Duma discussed the regulation of urban agglomerations]. Available at: <http://duma.gov.ru/news/29803/>.

2. V Kaluzhskoy oblasti zavershayutsya raboty 2019 goda po realizatsii natsional'nogo proekta «Bezopasnye i kachestvennye avtomobil'nye dorogi» [In the Kaluga region, the work of 2019 on the implementation of the national project "Safe and high-quality roads" is being completed]. Available at: <https://admoblkaluga.ru/main/news/events/detail.php?ID=275084>.

3. Kaluzhskaya oblast' predstavila projekt "Tsifrovoy most" na federal'nom urovne [Kaluga region presented the Digital Bridge project at the federal level]. Available at: <https://www.kaluga-gov.ru/?q=news>

4. Kontseptsiya dolgosrochnogo razvitiya Moskovskoy aglomeratsii (proekt instituta "Urbanika") [Concept of long-term development of the Moscow agglomeration (project of the Urbanika Institute)]. Available at: <http://urbanica.spb.ru/project/kontseptsiya-dolgosrochnogo-razvitiya-moskovskoj-aglomeratsii/>.
5. Kontseptsiya "Strategii prostranstvennogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda" [Concept "Spatial Development Strategy of the Russian Federation for the period up to 2025"]. Available at: <http://static.government.ru/media/files/UVAIqUtT08o60RktoOXI22JjAe7irNxc.pdf>.
6. Na territorii Kaluzhskoy oblasti sozdana "Kaluzhskaya aglomeratsiya" [On the territory of the Kaluga region created the "Kaluga agglomeration"]. Available at: http://www.admobninsk.ru/news/news_15101.html.
7. Materialy po obosnovaniyu proekta Ckhemy territorial'nogo planirovaniya [Materials on the justification of the draft Territorial Planning Scheme], Vol. II. Kaluga, 2008. Available at: <http://base.garant.ru/46905648/b89690251be5277812a78962f6302560/>.
8. Makhrova A. G., Pertsik E. N. Aglomeratsii vtorogo poryadka Moskovskogo stolichnogo regiona (tipologicheskii analiz) [Agglomerations of the second order of the Moscow metropolitan region (typological analysis)], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 5: Geografiya*. [Bulletin Moscow University. Series 5. Geography], 1988, No. 6, pp. 3-9.
9. Makhrova A. G., Nefedova T. G., Treyvish A. I. Moskva: megapolis? aglomeratsiya? megalopolis? [Moscow: metropolis? agglomeration? megalopolis?]. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0517/links.php>.
10. Mineeva D.O. Retrospektiva razvitiya mal'kh gorodov i poseleniy Kaluzhskoy oblasti [Retrospective of the development of small towns and settlements of the Kaluga region], *Gradostroitel'stvo* [Urban planning], 2015, No. 1, pp. 37-41. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24717205>.
11. O strategii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Kaluzhskoy oblasti do 2030 goda^ Postanovleniya Pravitel'stva Kaluzhskoy oblasti v redaktsii ot 13.07.2012 No. 353, 26.08.2014 No. 506, 12.02.2016 No. 89, 25.05.2017 No. 318 [On the strategy of socio-economic development of the Kaluga region until 2030 (Resolutions of the Government of the Kaluga region as amended by 13.07.2012 No. 353, 26.08.2014 No. 506, 12.02.2016 No. 89, 25.05.2017 No. 318)]. Available at: <http://admoblkaluga.ru/sub/econom/strategy/>.
12. Programma "Tsifrovaya ekonomika Rossiyskoy Federatsii" [Program "Digital Economy of the Russian Federation"]. Available at: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf>.
13. Strategii prostranstvennogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2030 goda [Spatial Development Strategies of the Russian Federation for the Period up to 2030], Draft Concept. Available at: <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/planning/sd/>.
14. Proekt Kontseptsii sozdaniya Severnoy aglomeratsii Kaluzhskoy oblasti [Draft Concept for the Creation of the Northern Agglomeration of the Kaluga Region]. Available at: http://komitet4.km.duma.gov.ru/upload/site28/Kaluzhskaya_oblast.pdf.
15. Rekomendatsii po proektirovaniyu krupnykh gorodov kak tsentrov gruppovykh sistem naselennykh mest [Recommendations for the design of large cities as centers of group systems of populated areas], TsNIIP gradostroitel'stva. Moscow, 1989. Available at: <http://lib.ssga.ru/fulltext/UMK/120303/>
16. Tkachenko A. A., Fomkina A. A. Aglomerirovannoe rasselenie: k probleme identifikatsii i ucheta [Agglomerated settlement: to the problem of identification and registration]. Available at: <https://istina.msu.ru/journals/95205/?p=3>.
17. O prisvoenii statusa naukograda Rossiyskoy Federatsii g. Obninsku Kaluzhskoy oblasti [On assigning the status of a science city of the Russian Federation to Obninsk, Kaluga Region]: Decree of the President of the Russian Federation dated 06.05.2000 No. 821. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/15466>.
18. Tsifrovaya ekonomika Kaluzhskoy oblasti: v osnove kontseptual'nyy proekt aglomeratsii [Digital economy of the Kaluga region: the basis is the conceptual design of the agglomeration]. Available at: <http://investkaluga.com/media/news/tsifrovaya-ekonomika-kaluzhskoy-oblasti-v-osnove-kontseptualnyy-proekt-aglomeratsii/>.

19. Shalaev V. P. Iz istorii sistemoinergetiki v prostranstve otechestvennogo i zapadnogo sotsial'no-gumanitarnogo znaniya [From the history of systemoinergetics in the space of domestic and Western socio-humanitarian knowledge], *Socio Time / Sotsial'noe vremya*, 2017, no. 1, pp. 80-100.

Author's Bio

NEZH DANOV Vladimir Anatolevich – Ph. D. (Geography), City Development Agency – Obninsk Business Incubator, Obninsk, Russia. E-mail: vnej@mail.ru.

ROMASHOV Yuri Mikhailovich – Deputy Director of Center for Geospatial Economic Analysis, Economics Faculty, Moscow State University named after M. V. Lomonosov, Moscow, Russia. E-mail: rgl507@gmail.com.

Библиографическая ссылка

Нежданов В. А., Ромашов Ю. М. Особенности развития локальной северо-восточной системы расселения Калужской области // *SocioTime / Социальное время*. – 2020. – № 1(21). – С. 107-116. – DOI: 10.25686/2410-0773.2020.1.107

ИСТОРИЯ

УДК 316.334.4:316.77

DOI: 10.25686/2410-0773.2020.1.117

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОЙ КОММУНИКАЦИИ КАК СОЦИАЛЬНОГО ИНСТИТУТА В КОНЦЕПЦИЯХ МЫСЛИТЕЛЕЙ ДРЕВНЕГО МИРА В ФОРМИРОВАНИИ КОММУНИКАТИВНО-ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ

О. О. Айвазян

*Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма,
Краснодар (Россия)*

Введение. Статья посвящена рассмотрению особенностей правовой культуры и коммуникации в концепциях мыслителей Древнего мира в рамках исследования коммуникативно-правовой культуры личности, что непосредственно отражается в современном социокультурном обществе.

Методы. Изучаются и анализируются теории философов, социологов и правоведов Древней Греции и Древнего Рима, в которых отражалась мысль о взаимообусловленности коммуникации и права, а также по проблематике становления коммуникативно-правовой культуры личности.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. В работе рассматриваются научные труды древнегреческих философов и мастеров ораторского искусства Сократа, Платона, Аристотеля, которые отождествляли право и коммуникацию. По их справедливым замечаниям, теория красноречия – это важнейший элемент оратора как в процессе профессиональной правовой коммуникации, так и в ходе обыденного коммуникативного взаимодействия в правовой сфере. Также они указывали на значимость умения убеждать, что, безусловно, входит в коммуникативно-правовую компетентность личности, и этот навык оказывает положительный эффект на формирование коммуникативно-правовой культуры как будущего правоведа, так и специалиста любой сферы деятельности. В статье рассматриваются научные изыскания, раскрывающие содержание основ построения коммуникации в правовой сфере представителей Древнего Рима, таких как Марк Порций Катон Старший, Сервий Сульпиций Гальба, Гай Папирий Карбон, Гай Скрибоний Курион, Марк Антоний, Квинт Гортензий Гортал, Марк Туллий Цицерон и др. В Древнем Риме важным был образовательный процесс в школах ораторского искусства, направленный в основном на развитие навыков правовой коммуникации, а это механизм формирования коммуникативно-правовой культуры общества.

Заключение. В завершении исследования приводятся выводы о значимости коммуникативно-правовой культуры как личности, так и общества в целом. Без надлежащей коммуникативной компетентности личности в правовой сфере невозможно достижение высокого уровня коммуникативно-правовой культуры.

Ключевые слова: право, коммуникация, судоговорение, Древний мир, коммуникативно-правовая культура.

Введение. Начиная с античного периода исследованием проблематики становления и функционирования коммуникативно-правовой культуры как будущих специалистов права, так и общества в целом через призму правовой коммуникации как социального института занимались многие ученые и мыслители. В связи с этим возникает необходимость более подробного рассмотрения теорий ученых Древнего мира, поскольку истоком становления системы формирования коммуникативно-правовой культуры будущих правоведов, включающей мастерство ораторского искусства в процессе судебного публичного говорения, были Древняя Греция и Древний Рим [6, с. 72]. Так, необходимо особо отметить научные труды древнегреческих мыслителей, философов и мастеров ораторского искусства Сократа, Платона, Аристотеля и др. [9, с. 496].

Целью исследования является изучение основ становления коммуникативно-правовой культуры личности в трудах ученых Древнего мира.

Методы. Исследование включает изучение, анализ и обобщение литературных источников античного периода по проблематике становления коммуникативно-правовой культуры личности.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Культура – это способ ценностного освоения действительности. «...Культура – взгляд на мир сквозь призму добра и зла, полезного и вредного, умного и глупого, прекрасного и безобразного» [11, с. 154-155].

Культура способствует формированию интеллекта, нравственности, духовности и творческих навыков. При этом, представляя собой продукт личности, культура направлена на гармонизацию социальной жизнедеятельности и искоренение животных инстинктов в человеке. Под влиянием культуры происходит формирование внутреннего мира человека, раскрывается сущность его личности. Однако существуют негативные последствия воздействия культуры на личность, которые заключаются в том, что антисоциальная или несформировавшаяся культура способствует деградации человечества. Культура формируется под влиянием различных факторов: социальных, правовых, коммуникативных, антропологических и культурных. Каждый из представленных факторов является элементом целостной системы, разновидностью которой представляется коммуникативно-правовая культура, которая оказывает значительное воздействие на формирование личности. Человек, находясь в правовом обществе с несформировавшейся коммуникативной культурой, может столкнуться с невозможностью достижения взаимопонимания, которое важно для эффективного взаимодействия в социуме. Также необходимо отметить и то, что, несмотря на особую значимость коммуникативной компетентности в социуме, существуют проблемы, характеризующиеся низким уровнем коммуникативной культуры. Это, безусловно, сказывается на общем развитии личности [20, с. 24]. Из этого следует необходимость развития коммуникативно-правовой культуры личности.

Коммуникативно-правовая культура личности представляет собой сознательное применение средств языка в различных правовых ситуациях с учетом норм и ценностей. При этом можно утверждать, что коммуникативно-правовая деятельность является основой жизнедеятельности каждого члена общества.

И без владения навыками свободной коммуникации невозможно эффективное социально-правовое, психологическое и интеллектуальное формирование личности. Личность в правовой сфере должна владеть навыками правильного и ясного изложения своих мыслей, чувств и идей с учетом предъявляемых норм и правил к речи. Также важно отметить то, что, овладевая навыками коммуникативно-речевой культуры в социально-правовом поле функционирования, каждая личность проявляет уважительное отношение к языку, речи и основам права, что представляется важным элементом, указывающим на уважение к законодательству и социокультурной структуре общества как своей страны, так иных государств. В целях подтверждения представленной гипотезы исследования считаем необходимым обращение (вторичный анализ) к концепциям и теориям ученых Древнего мира, раскрывающих основы формирования коммуникативно-правовой культуры личности.

К истокам риторической (коммуникативной) культуры, являющейся основой публичных выступлений в процессе судебных разбирательств и иной правовой деятельности, можно отнести имя древнегреческого мыслителя Сократа (ок. 470-399 гг. до н.э.) [7, с. 367]. Суть и содержание его идей заключались в умении и навыках кратко задавать вопросы, выслушивать ответ и на вопросы кратко отвечать, беседуя. Таким образом, слово Сократа обладало страстной устремленностью к смыслу, к истине. Он учил «провидеть загадки, поставленные человеку для разрешения, разгадывать их, рассуждая вслух, учить этому других, вовлекая их в эту захватывающую работу, нащупывать и показывать смысловые пути от мысли к слову» [16, с. 147].

Также не менее важными и значимыми являются труды, направленные на изучение данной проблематики древнегреческого философа и оратора Платона (427-347 гг. до н.э.) [12, с. 632], ученика Сократа. Согласно его теории красноречия, важным составляющим оратора в процессе судебного разбирательства является умение убеждать, что, безусловно, оказывает положительный эффект на систему формирования правовой культуры как будущего правоведа, так и специалиста данной области. По мнению Платона, убедительность речи – это «искусство гигантов мудрости» [5, с. 592].

Наибольший интерес вызывают научные трактаты древнегреческого мыслителя Аристотеля, который в своем основном научном труде в рамках ораторского искусства под названием «Риторика» (ок. 355 г. до н.э.) раскрывал понятие «риторика», заключающееся в возможности находить основные способы убеждения относительно каждого данного предмета [2, с. 256], что также раскрывает сущность правил построения акта коммуникации в различных отраслях, в частности в правовой сфере. Верно утверждение Аристотеля: «Слово – самое сильное оружие человека» [2, с. 256].

Среди научных изысканий представителей Древнего Рима, раскрывающих содержание основ построения коммуникации в правовой сфере, особо выделяются труды таких мастеров ораторского искусства, философов, правоведов и государственных деятелей, как Марк Порций Катон Старший [22, с. 438], Сервий Сульпиций Гальба [3], Гай Папирий Карбон [21], Гай Скрибоний Курион [19],

Марк Антоний [1], Квинт Гортензий Гортал [17, с. 2465], Марк Туллий Цицерон [4, с. 592] и др. [8, с. 288].

Становление основ ораторского искусства (коммуникации) в правовой сфере в истории Древнего Рима датируется последним периодом Республики и заканчивается вместе с нею. В его основу легли труды философов, социологов, правоведов Древней Греции. Нельзя не отметить и то, что в период открытия в Древнем Риме школ ораторского искусства подавляющее большинство молодежи устремилось обучаться в них. Подобное стремление молодого поколения того периода обуславливалось происходящим противостоянием рабов и рабовладельцев, патрициев и плебеев, а также многочисленными процессами по обвинению в таких преступлениях, как вымогательство, насилие, измена и т. п. [13, с. 12]. Таким образом, образовательный процесс в древнеримских школах ораторского искусства, направленный в основном на развитие навыков судоговорения (правовой коммуникации), способствовал формированию правовой культуры молодежи.

Одним из основных и крупнейших мастеров ораторского искусства (коммуникации) в правовой сфере, а также основателем латинского красноречия был оратор и автор литературы по правовым основам Марк Порций Катон Старший (234-149 до н. э.) [18]. Его мастерство высоко оценивали Цицерон и Плутарх, поскольку содержание его речей имело внутренний смысл. В процессе выступления на судебных разбирательствах в качестве обвинителя им рассматривалось существо дела. Речь его соответствовала основным нормам красноречия: ясности, логичности, точности, краткости и выразительности. Он мог давать объективную оценку, верно использовал средства невербальной коммуникации – жестикуляцию. Это было направлено на управление и воздействие на сознание слушателей, что позволяло Катону выигрывать дела.

Другим выдающимся мастером ораторского искусства в правовой сфере (правовой коммуникации) Древнего Рима был судебный оратор Сервий Сульпиций Гальба [23]. Его особая предрасположенность к правовому образу мышления, к умению находить и использовать доказательную базу повлияли на общественное признание его как высококлассного судебного оратора. В ходе выступления в рамках судебного разбирательства речь Гальбы была настолько выразительной, яркой, достоверной и действенной, что в конце ему все аплодировали. Тем самым он заслужил высокую оценку Цицерона как оратора.

Особый интерес к судебному ораторскому искусству (правовой коммуникации) в Древнем Риме возникает в середине II в. до н. э., при этом основы построения судебного красноречия базируются на древнегреческих нормах правовой речи.

Структура судоговорения состояла из пяти элементов: 1) вступительная речь; 2) разговор по существу дела; 3) аргументация обвинителя; 4) опровержение защитника; 5) заключительная речь.

Основываясь на структуре судоговорения, римские школы ораторского искусства прививали обучаемым навыки подбора и применения на практике аргументов, так как от достоверности аргументации зависел исход судебного разби-

рательства и любой деятельности социально-правового характера. Помимо этого обучение включало формирование правосознания, правопонимания и правовой терпимости, что, безусловно, способствовало становлению правовой культуры.

В этот период в Древнем Риме также можно выделить еще нескольких знаменитых мастеров судебного красноречия: Гая Папирия Карбона, своими выступлениями на уголовных и гражданских делах снискавшего благосклонность и высокую оценку Цицерона; Гая Скрибония Куриона, который обладал такими навыками правового красноречия, что Цицерон называл его речь блистательной [24, с. 232].

Марк Антоний (143-87 вв. до н. э.) [15, с. 36] – один из древнеримских судебных ораторов. Основным средством в процессе защиты у него был пафос. Отличительной чертой Антония являлось то, что в арсенале его навыков были способность быстрого оценивания ситуации и обстановки, умение импровизировать и эффективно воздействовать на процесс судебного разбирательства, знание основ судоговорения, т.е. правовой коммуникации в суде, что указывает на его высокий уровень коммуникативно-правовой культуры.

В доцицероновский период одним из последних мастеров судоговорения был Квинт Гортензий Гортал [17, с. 2465]. Он обладал искусством покорять сознание и воздействовать на мышление всех участников судоразбирательства. Его речевые навыки отличались красотой, богатством, доступностью, точностью и уместностью, голос был приятным на слух, а манеры – достойными, что указывает на его высокую как общую культуру, так и правовую. Посредством умения выделять главное, анализировать и оспаривать доводы противников, представлять неоспоримые аргументы Гортензий достигал своей цели, а именно выигрывал судебные дела.

Не умаляя значение внесенного вклада в науку и общество норм и правил основ правового красноречия (коммуникации) всех перечисленных мастеров слова Древнего Рима, необходимо отметить, что одним из основных представителей красноречия того времени являлся Марк Туллий Цицерон (106-44 вв. до н. э.) [24, с. 232]. По мнению Цицерона, «есть два искусства, которые могут возвести человека на самую высокую ступень почета: одно – это искусство хорошего полководца, другое – искусство хорошего оратора» [14]. Также им было отмечено то, что особым условием достижения успеха в процессе ораторского выступления является убежденность говорящего и способность повлиять на убеждения слушателей. Но без наличия знаний материала и умения его расположить выступление оратора не позволит убедить слушателей.

На основании всего сказанного не вызывает сомнения вопрос о важности формирования коммуникативно-правовой культуры в целях становления полноценной личности. Несмотря на значительное влияние коммуникативно-правовой культуры на формирование личности, все же значительное воздействие оказывает социум, или социальное окружение.

Социальное окружение представляет собой основополагающий фактор, оказывающий значительное влияние на формирование личности, ибо каждый желает получить высокую оценку своих качеств и достоинств от других представите-

лей общества. А в случае получения негативной оценки и характеристики происходит разрушение личности, что приводит к ее деградации.

Коммуникативно-правовая культура находит свое отражение в различных сферах и областях жизнедеятельности современного социума, среди которых выделяются:

- 1) законодательство, функция которого стабилизировать законотворческую деятельность, отвечающую потребностям общества;
- 2) власть имеет целью воздействовать на сознание общества, в рамках которого происходит формирование коммуникативно-правового мышления населения;
- 3) общество включает осознание всех правил, норм и законов, соблюдение их своим отношением и поведением.

По нашему мнению, коммуникативно-правовая культура включает правовой опыт, мышление и деятельность в процессе коммуникативного взаимодействия. Культура представляется комплексом, включающим определенные компоненты соционормативного характера, без которых невозможна социально-правовая и коммуникативная адаптация личности.

Соционормативными компонентами культуры являются цивилизованность, национальные традиции, исторические обычаи.

С учетом сказанного актуализируются элементы коммуникативно-правовой культуры личности: нормативное поведение и общение; объективность и логичность речемыслительной деятельности; коммуникативно-правовая грамотность; духовная и нравственная идеология; преемственность правовых и коммуникативных ценностей.

В рамках коммуникативно-правовой культуры, сохраняющей уникальность отдельной личности, иерархия представленных элементов устанавливается на основе консенсуса представлений об общечеловеческих ценностях культуры и мнения о благе для каждого человека [10, с. 144].

Из всего вышеизложенного следует логическое умозаключение о том, что коммуникативно-правовая культура формируется под влиянием осознанного восприятия личностью ценностных ориентиров социума, позволяющих исключить правовой и коммуникативный нигилизм, безграмотность и интолерантность во всех сферах жизнедеятельности.

Заключение. Итак, из всего вышеизложенного следует вывод, что коммуникативно-правовая культура личности представляют собой неотъемлемый элемент человеческой жизнедеятельности в современном обществе. И без наличия культуры невозможно достижение взаимопонимания представителей различных этносов и сфер деятельности в современном социокультурном пространстве. К тому же социокультурные основы права и коммуникации реализуются благодаря культуре через коммуникативные ценности (язык, речь, уважение к партнерам по коммуникативному взаимодействию) и правовые ценности (закон, правопорядок, свобода, мораль, равенство). Все современные ценности происходят от предыдущих исторических эпох и их ценностей.

Для того чтобы реализовать потенциал коммуникативно-правовой культуры в аспекте исследуемой проблематики, необходим учет веяний прошлого, раскрывающих основы права и коммуникации (правового общения), которые в предшествующие годы характеризовались обильным насыщением ценностных ориентиров. Построение современного правового государства, наделенного коммуникативными и правовыми ценностями, зависит от того, насколько личность чувствует свою ответственность как правовую, так и социокультурную, и способна эффективно взаимодействовать в процессе коммуникации.

Таким образом, проанализировав научные изыскания ученых Древнего мира в рамках исследования коммуникативно-правовой культуры личности, мы пришли к логическому выводу, что право и коммуникация как социальные институты взаимосвязаны и взаимообусловлены. Без надлежащей коммуникативной компетентности личности в правовой сфере невозможно достижение высокого уровня коммуникативно-правовой культуры.

Список литературы

1. Антоний Марк // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). 1890-1907. URL: <http://libbabr.com/?book=332> (дата обращения 09.09.2019).
2. Аристотель. Риторика / пер. О. П. Цыбенко. 2-е изд. Москва: Лабиринт, 2007. 256 с.
3. Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей / пер. М. Л. Гаспарова; издание подготовили М. Л. Гаспаров, Е. М. Штаерман; отв. ред. С. Л. Утченко. Москва: Наука, 1993.
4. Звиревич В. Т. Цицерон. Санкт-Петербург: Наука, 2016. 255 с.
5. Ивакина Н. Н. Основы судебного красноречия (риторика для юристов): учебное пособие. 3-е изд. Москва: Норма, Инфра-М, 2011. 592 с.
6. Козаржевский А. Ч. Античное ораторское искусство. 2-е изд. Москва, 2012. 72 с.
7. Ксенофонт. Сократические сочинения: пер. с древнегреч. / Ксенофонт; вступ. ст. и примеч. С. Соболевского. Москва: Мир книги: Список литературы, 2007. 367 с. (Великие мыслители).
8. Кузнецова Т. Н., Стрельникова И. П. Ораторское искусство в Древнем Риме. Москва, 1976. 288 с.
9. Ораторы Греции / под ред. С. М. Аверинцева. Москва, 1985. 496 с.
10. Орлова Э. А. Культурная антропология. Москва: Академический проект, 2004. С. 144.
11. Основы социологии: курс лекций / под ред. А. Г. Эфендиева. Москва: Знание, 1993. С. 154-155.
12. Платон. Сочинения: в 4 т. Т. 1: пер. с древнегреч. / под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2006. 632 с.
13. Сергеев М. Е. Жизнь Древнего Рима. Москва; Ленинград, 1964. С. 12.
14. Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве. Москва, 1972.
15. Crook J. A. Legal Point about Mark Antony's Will // The Journal of Roman Studies. 1957. Vol. 47, no. 1/2. Pp. 36-38.
16. Gerasimos Santas. The Socratic Paradoxes // Philosophical Review. 1964. No. 73. pp. 147-164.
17. Münzer F. Hortensius // Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. 1913. Bd. VIII, 2. Kol. 2465.
18. Plutarchi Vitae parallelae. C. Sintenis, Teubner, 1879. XII.
19. Scribonii. Реальный словарь классических древностей / авт.-сост. Ф. Любкер; под редакцией членов Общества классической филологии и педагогики Ф. Гельке, Л. Георгиевского, Ф. Зелинского, В. Канского, М. Куторги и П. Никитина. Санкт-Петербург, 1885.
20. Shkharpatseva M. Kh., Ayvazyan O. O. Features of development of speech of lawyers in modern culture during the formation of the social structure // Paradigmata Poznání. Praha, Česká Republika. 2016. No. 3. pp. 24.
21. Smith William. A Dictionary of Greek and Roman biography and mythology. By various writers. Illustrated by numerous engravings on wood. Making of America Books Sir, ed. 1813-1893.

22. Till R. Zu. Plutarchs Biographie des Älteren Cato // Hermes. 1953. Bd. 81, H. 4. pp. 438-446.
23. Tullii M. Ciceronis scripta... p. 1, v. 2, rec. Gul. Friedrich. Lps., 1891. I, 58.
24. Wilkinson L. P. Cicero and the relationship of oratory to literature. The Cambridge History of Classical Literature / ed. by E.J. Kenney, W. V. Clausen. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. 232. p.

Авторская справка

АЙВАЗЯН Оксана Оганесовна, кандидат педагогических наук, начальник редакционно-издательского отдела, доцент кафедры философии, культуроведения и социальных коммуникаций, Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма, г. Краснодар, Россия. E-mail: O.O.Ayvazyan@mail.ru.

UDC 316.334.4:316.77

DOI: 10.25686/2410-0773.2020.1.117

**FEATURES OF LEGAL COMMUNICATION AS A SOCIAL INSTITUTE
IN THE CONCEPTS OF THINKERS OF ANCIENT WORLD
IN THE FORMATION OF A COMMUNICATIVE
AND LEGAL CULTURE OF PERSONALITY**

O. O. Ayvazyan

Kuban State University of Physical Education, Sports and Tourism, Krasnodar (Russia)

Introduction. The article is devoted to the consideration of the features of legal culture and communication in the concepts of thinkers of the Ancient World as part of the study of the communicative and legal culture of the individual, which is directly reflected in modern sociocultural society.

Methods. Ancient Greece and Ancient Rome philosophers, sociologists and legal scholars' theories which captured the idea of the interdependence of communication and law, as well as the problems of the formation of a communicative and legal personality culture are studied and analyzed.

Results. The paper deals with the scientific works of the ancient Greek philosophers and orators of Socrates, Plato, Aristotle who identified law and communication. According to their fair remarks, the theory of eloquence is the most important speaker's characteristic both in the process of professional legal communication and in the course of everyday communicative interaction in the legal sphere. They also pointed out the importance of the ability to convince, which, undoubtedly, is an element of the communicative and legal competence of the individual, and this skill exerts a beneficial effect on establishing a communicative and legal culture of both the future lawyer and a specialist in any field. The author of the article gives consideration to the disciplines inquiries that provide insight into the content of the foundations of communication in the legal sphere of Ancient Rome figures, such as: Mark Portius Cato Sr., Servius Sulpicius Galba, Guy Papirius Carbon, Guy Scribonius Curion, Marc Antony, Quintus Gortenzius Gortal, Mark Tullius Cicero and others. The educational process in ancient Rome Atheneums, was important, it was aimed mainly at the development of the legal communication skills which a tool to establish a communicative and legal culture of society.

Conclusion. The author makes conclusions on the importance of the communicative and legal culture of both the individual and society as a whole since without the person's proper communicative

competence in the legal sphere, it is impossible to achieve a high standard of communicative and legal culture.

Keywords: law, communication, pleading, Ancient World, communicative and legal culture.

References

1. Anthony Mark, *Enciklopedicheskiy slovar Brokgauza i Efrona* [Brockhaus and Ephron Encyclopedic dictionary]. 86 v. (82 v. and 4 additional). 1890-1907. Available at: <http://libbabr.com/?book=332> (date of the link 09.09.2019). (in Russian).
2. Aristotle Ritorika [Rhetoric], Russ. ed.: Tsybenko O. P. Ritorika, 2nd ed., Moscow, Labirint, 2007, 256 p. (in Russian).
3. Gaius Suetonius Tranquillus Zhizn dvenadcati cezarej [The Lives of the twelve Caesars]. (Russ. ed.: Gasparov M. L., Shtaerman E. M., Utchenko S. L. Zhizn dvenadcati cezarej. Moscow, Nauka. 1993.).
4. Zvirevich V. T. Ciceron [Cicero], Saint Petersburg, Nauka, 2016. (in Russian).
5. Ivakina N. N. Osnovy sudebnogo krasnorechiya (ritorika dlya yuristov) [Fundamentals of judicial eloquence (rhetoric for lawyers)], 3rd ed., Moscow: Norma, Infra-M. 2011, 592 p. (in Russian).
6. Kozarzhovsky A. Ch. Antichnoe oratorskoe iskusstvo [Ancient oratory], 2nd ed. Moscow, 2012, 72 p. (in Russian).
7. Xenophon. Sokraticheskie sochineniya: perevod s drevnegrecheskogo [Socratic writings: translation from ancient Greek], Russ. ed.: Moscow, Mir knigi, Literatura, 2007, 367 p.
8. Kuznetsova T. N., Strelnikova I. P. Oratorskoe iskusstvo v Drevnem Rime [Oratory in Ancient Rome], Moscow, 1976, 288 p. (in Russian).
9. Averintseva S. M. Oratory Grecii [Speakers of Greece], Moscow: Hudozhestvennaya literature, 1985, 496 p. (in Russian).
10. Orlova E. A. Kul'turnaya antropologiya [Cultural Anthropology], Moscow, Academic project, 2004, pp. 144.
11. Osnovy sotsiologii. Kurs lektsiy [The basics of sociology. Lecture Course], ed. A.G. Efendieva, Moscow, Knowledge, 1993, pp. 154-155.
12. Platon. Sochineniya: v chetyreh tomah. T. 1, translated from ancient Greek [Works: in four volumes. Vol. 1], Russ. ed. A. F. Losev and V. F. Asmus, Saint Petersburg, publishing house of Saint Petersburg University, 2006, 632 p.
13. Sergeenko M. E. Zhizn Drevnego [Life Of Ancient Rome], Moscow, 1964, p. 12. (in Russian).
14. Cicero. Tri traktata ob oratorskom iskusstve [Three treatises on oratory], Moscow, 1972. (in Russian).
15. Crook J. A Legal Point about Mark Antony's Will. *The Journal of Roman Studies*, 1957, vol. 47, no. 1/2, pp. 36-38.
16. Gerasimos Santas The Socratic Paradoxes. *Philosophical Review*, 1964, no. 73, pp. 147-164.
17. Münzer F. Hortensius. Paulys Realencyclopädie der classischen. *Altertumswissenschaft*, 1913, vol. viii, no. 2, p. 2465.
18. Plutarchi Vitae parallelae. Sintenis, Teubner, vol. XII, 1879.
19. Scribonia (1885) Real dictionary of classical antiquities [A real dictionary of classical antiquities], Russ. ed.: Gelbke F., George L., Zelinsky F., Cannes V., Kutargi M., Nikitin P. Real dictionary of classical antiquities, Saint Petersburg, publishing house of Saint Petersburg University, 1885.
20. Shkhatpatseva M. Kh., Ayvazyan O. O. Features of Development of Speech of Lawyers in Modern Culture During the Formation of the Social Structure. *Paradigmata Poznání*. Praha, Česká republika, 2016, no. 3, pp. 24.
21. Smith William A Dictionary of Greek and Roman biography and mythology. Illustrated by numerous engravings on wood. Making of America Books Sir. ed. 1813-1893.
22. Till R. Zu. Plutarchs Biographie des Älteren Cato, *Hermes*, 1953, vol. 81, no. 4, pp. 438-446.
23. Tullii M. Ciceronis scripta... Gul. Friedrich. 1891, vol. I, pp. 58.
24. Wilkinson L. P. Cicero and the relationship of oratory to literature. *The Cambridge History of Classical Literature*, Cambridge: Cambridge University Press, 1982, pp. 232.

Authors' Bio

AYVAZYAN Oksana Ogenesovna, PhD in Education Science, Head of the Editorial and Publishing Unit, Associate Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, Kuban State University of Physical Education, Sports and Tourism, Krasnodar, Russia. E-mail: O.O. Ayvazyan@mail.ru.

Библиографическая ссылка

Айвазян О. О. Особенности правовой коммуникации как социального института в концепциях мыслителей Древнего мира в формировании коммуникативно-правовой культуры личности // SocioTime / Социальное время. – 2020. – № 1(21). – С. 117-126. – DOI: 10.25686/2410-0773.2020.1.117

УДК 316.7

DOI: 10.25686/2410-0773.2020.1.127

ВОСПРИЯТИЕ ФРАНЦУЗОВ И РОССИЯН: ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА, ТРАДИЦИЯ

Д. А. Барташевич, С. Н. Гавров

Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва (Россия)

Введение. Цель – рассмотрение культурных особенностей страны и проведение исследования об отношении французов к русским, а также представление актуальных выводов о взаимодействии менталитетов двух стран. В процессе глобализации все более отчетливо проявляется актуальность изучения национальных образов мира, менталитета других стран, их культурных особенностей для упрощенной интеграции в данные общества.

Методы. Метод интервьюирования используется для выяснения реального отношения французов к русским и понимания взгляда изнутри на ситуацию, которая происходит во Франции по отношению к русским. Метод контент-анализа предполагает анализ источников литературы на тему интеркультурной социализации и культурной эволюции.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Представлен современный диалог культур Франции и России. Дан анализ повторной инкультурации и социализации россиян в Париже, формирования экстра- и интраобразов России и россиян, Франции и французов глазами друг друга. Рассмотрена эволюция культуры повседневности и высокой моды Франции как инструментов социализации и инкультурации россиян в Париже. Представлен тематический анализ эксклюзивных интервью российских экспатов, живущих во Франции.

Заключение. Доказано, что мы разные, но вместе создаем коммуникативный универсум, формируя новые смыслы, влияя на восприятие себя и другого, россиян и французов, продолжая длительный исторический процесс культурного и политического сотрудничества и соперничества.

Ключевые слова: инкультурация, социализация, эмиграция, мода, культурные особенности, культурное наследие, Франция, Россия, Париж, интраобраз, экстраобраз нации, Хемингуэй, Вуди Аллен, Фитцджеральд, Гертруда Стайн, Пикассо, Пьер Карден, Кристиан Диор, Анна Мулен, Elle, Marie Claire, Vogue.

Введение. Особенностью современного нам мира стала беспрецедентная плотность человеческих контактов, массовые перемещения людей, капитала, товаров и услуг, доступность информационных потоков. Наиболее развитые общества как на Западе, так и на Востоке становятся все более мультикультуралистичными, дробными, состоящими из ряда этнических общин. Так, поток легальных и нелегальных эмигрантов придает новые полутона и оттенки европейскому социокультурному и конфессиональному ландшафту, где христианские храмы начинают чередоваться с мечетями, а мусульманские одежды контрастируют с сохранившимися памятниками готической архитектуры.

В постсоветский период в России также произошли серьезные изменения, открывшие нас миру, иным культурам, цивилизациям, конфессиям, причем не только на внешних, ознакомительно-туристических уровнях, но и в практике живого повседневного общения. Неотъемлемой частью такого общения уже давно стал межкультурный диалог России и Франции. Меняются эпохи, на смену вы-

соколобым интеллектуалам, бегущим от притеснений советской власти, в поздний советский и постсоветский период из СССР/России едут люди более приземленные, так называемая «экономическая эмиграция», а в последние годы во Францию вновь едут политические оппоненты российской власти. Франция, Париж принимают и адаптируют вновь пришедших на французскую землю, повторно инкультурируя и социализируя в новых языковых, культурных, социальных условиях выходцев из России [1; 2].

Целью работы является рассмотрение культурных особенностей страны, исследование отношения французов к русским; представление актуальных выводов о взаимодействии менталитетов двух стран.

В процессе глобализации все более отчетливо проявляется актуальность изучения национальных образов мира, менталитета друг стран, их культурных особенностей для упрощенной интеграции в данные общества.

Задачей работы является поиск ответов на вопросы: «Насколько сильно мы (русские) отличаемся от французов?», «Насколько сильно отличаются наши мировоззренческие и поведенческие стереотипы?», «Как французы относятся к русским?».

Методы исследования. Авторы использовали метод интервьюирования. Интервью были взяты непосредственно у россиянок, переехавших во Францию и живущих там уже достаточно длительное время.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. В чем же Франция являлась новатором и что она продолжает дарить миру для поддержания своего статуса «модной и прогрессивной» страны? Если задать себе простой вопрос, какие ассоциации в первую очередь вызывает Франция, то ответ придет практически сразу: Франция – страна сыра, вина, моды и искусства [8].

Самой явной ассоциацией является мода, которая берет свое начало вовсе не со времен Шанель, а много раньше. Перенесемся в XVII век во двор Людовика XIV, или, как его называют, «короля солнце», привнесшего и популяризовавшего моду во Франции как таковую. Людовик Великий считался знатоком вкуса и создателем модных тенденций, он диктовал стиль одежды и вводил новые правила придворного этикета. Именно при нем начинает формироваться столовый этикет, королевский этикет, да и в целом этикет в том виде, в котором мы его понимаем сейчас. Влияние французского стиля было столь велико, что постепенно он начал распространяться по всей Европе.

В 1675 году министр финансов Жан-Батист Кольбер создает женскую гильдию швей – *Les maîtresses couturières*, которая вначале занимается только пошивом нижнего белья и детской одежды, а позже начинает шить остальные предметы женского гардероба. В то время мода была привилегией аристократии. Законы, ставящие в зависимость от социального статуса количество и качество одежды, существовали во Франции ещё с XIII века. Было четко определено, сколько одежды мог иметь один человек, из какой ткани можно было её сшить, количество материала, которое шло на пошив одного платья, кто и какой фасон мог се-

бе позволить. Новатор в сфере моды, Франция подарила миру еще много того, чем сейчас очень активно пользуется все человечество и не может представить своей жизни без этого.

Важной частью гардероба делового человека является костюм, история которого также начинается во Франции, но уже в XVIII веке. В контексте XVIII века нельзя не упомянуть о Великой французской революции, которая послужила толчком для развития страны. Конечно, эта революция была не первой в мире революцией такого плана, но впечатление, которое она произвела на мир, сложно сравнить с впечатлениями о других революциях (исключением, наверное, можно считать Великую Октябрьскую социалистическую революцию, также полностью изменившую систему государственного устройства). Французская революция первая поменяла политический строй страны на 180 градусов. Это был резкий переход от абсолютной монархии к первой республике, чего не делало ни одно государство до этого. Франция и с этой точки зрения смогла показать себя как новатор, как прогрессивная держава, народ которой легко может свергнуть короля, казнить его, да и поменять весь уклад жизни в целом.

Но вернемся к истории костюма и к тому, что Франция и здесь проявила себя как «новатор», как та страна, которая готова креативить и создавать что-то новое. В период революции аристократическая мода уходит и начинается становление буржуазной моды, главным признаком которой считается единообразие. Можно выделить несколько модных направлений того времени: период Консульства, Амбир (1804-1825), период Реставрации (1825-1850).

В период Консульства начинается формирование уже знакомого нам мужского костюма. В это время стали использовать шерстяные ткани темных тонов для пошива одежды. Под костюм обычно шили белую рубашку, яркие панталоны из атласа. Ленточки и парики постепенно начинают уходить в прошлое. Женский костюм начинает претерпевать изменения в сторону упрощения. В небытие уходят корсеты, кринолины, батики, ленты и вся вычурность, уступая место более свободным и спокойным цветам и тканям. Период Амбир – следующий этап французской моды – господствовал в период правления Наполеона. Название «Амбир» происходит от французского «Empire», что и характеризует Империю времен Бонапарта. Период Реставрации – время после свержения Наполеона и Венского конгресса, когда начала восстанавливаться монархия во Франции. Зарождается такое направление, как романтизм. Франция продолжает диктовать моду, а Париж остается культурным центром Европы.

Данные стили, конечно, имеют свое место, но уже в истории. Если продолжать говорить о Франции как о новаторе, то стоит упомянуть мадемуазель Габриель «Коко» Шанель, при которой началось становление французской моды уже в достаточно современном ее виде. Если посмотреть с одной стороны, она не открыла ничего нового, а просто совершила очередную революцию, показав, что женщина может носить костюм наравне с мужчиной, ездить в мужском седле на лошади и носить маленькое черное платье с одной ниткой жемчуга. Коко Шанель смогла соединить в своих творениях красоту и элегантность, при этом сде-

лав свою моду комфортной. Несмотря на то что прошло уже много лет после ее смерти, благодаря своему вкладу в развитие мировой моды и созданию дома моды «Chanel», она остается бессмертной. Французские кутюрье XX века поистине совершили переворот: Шанель со своим жакетом, короткими клетчатыми юбками, маленьким черным платьем и духами Chanel № 5; Кристиан Диор, создавший новый образ женщины с осинной талией (даже сегодня ни одна коллекция ни одного дизайнера не обходится без диоровского А-силуэта); Ив Сен-Лоран, новатор французской моды, создавший женский брючный классический костюм и смокинг, а также сделавший популярной мини. При Сен-Лоране мода стала определять женщин как уверенных в себе особ. Как говорил сам известный модельер, «мода не просто делает женщин красивыми, она дает им уверенность в себе».

Пьер Карден – феномен в истории моды – по сей день является эталоном французского шика и вкуса. В 1949 году Карден совершил революционный поступок, разработав коллекцию готового платья для промышленного тиражирования. Профсоюз высокой моды исключил дизайнера из своих рядов, но вскоре признал такие коллекции, дав им название «прет-а-порте». В 1958 году он создал первую линию «унисекс», которая объединила мужчин и женщин по принципу общего стиля жизни.

Французская мода развивается до сих пор, а Париж неизменно остается культурной и модной мировой столицей. Во Франции стиль – образ жизни. Может, в этом и заключается секрет французского *art-de-vivre* (искусства жить) и секрет элегантности и таинственности французов?

Но Франция является новатором не только по части моды, революций, забастовок и новых философских течений. Франция – это также страна устоявшихся культурных обычаев и традиций, ради которых туристы со всего мира стремятся посетить ее. Французы очень трепетно относятся к своей истории, и в отличие, например, от русских, с уважением вспоминают королевские династии и Наполеона. Современные традиции и обычаи – следствие истории; они формировались на протяжении всей истории страны. Конечно, многое меняется, но коренные устои на подсознательном уровне продолжают играть важную роль. Одним из таких примеров может служить французский этикет. Первое, что ценят французы в людях, – это вежливость и воспитанность, а уже потом все остальное.

Стоит отметить, что национальный менталитет очень влияет на все стороны жизни, начиная от декора жилища и заканчивая в целом стилем жизни. Для француза дом – это особое место. Конечно, сейчас парижане редко имеют свою собственную квартиру, в основном они живут в маленьких съемных квартирах, с крохотными кухоньками, но обставляют и декорируют свое жилище с особым рвением. Все знают об известных французских блошиных рынках, где порой можно найти уникальные вещи с длинной историей. Для жителей Парижа обязательным является организация салонов, на которые собираются друзья, знакомые, коллеги и в приятной обстановке обсуждают насущные вопросы, конечно, кроме политики (слишком острая для французов эта тема).

За пределами провинции Иль-де-Франс, в других регионах страны, особенно в Провансе, Нормандии, Бретани, Бургундии и т.д., люди обычно живут в собственных домах. Здесь также существует множество традиций: например, во Франции нормально знать своего булочника, мясника, владельца овощной лавки, молочника. Жители провинции организуют ланчи и ужины почти что всей деревней. Также в регионах существует традиция много гулять, кататься на велосипеде и со всеми здороваться. Французы очень эмоциональны, при встрече со знакомыми принято целоваться в обе щеки, независимо от того мужчина вы или женщина.

Французы очень трепетно относятся к своему языку и из принципа не будут разговаривать с иностранцами на английском. Если вы приезжаете в гости, будьте добры говорить на французском. Французы очень суеверны, они не будут церемониться, если их в поведении иностранца что-то заденет, даже из холла гостиницы турист может быть выгнан за то, что раскрыл зонт в помещении, ведь во Франции существуют специальные корзины для этого.

Франция – гастрономический рай для любого гурмана. Для француза прием употребления пищи имеет особенное, фактически сакральное, значение. Даже если будет гореть офис во время обеда, француз ни за что не нарушит свою трапезу. В некоторых французских ресторанах даже существует дресс-код: настолько серьезно французы относятся к употреблению пищи. Столовый этикет – еще одна важная составляющая любого приема пищи у французов. Заранее стоит изучить, какие блюда с каким вином стоит употреблять, в противном случае официанты просто начнут делать замечания об отсутствии у мадам или месье вкуса. Такого отношения к еде, как во Франции, нет больше ни в одной стране мира, что делает ее поистине уникальной, самобытной и придает некий шарм.

Как правило, человек начинает задумываться о том, кто он, о нормах и правилах, задаваемых собственной культурой, тогда, когда встречается с людьми, воспитанными в рамках иной, особенно некомплементарной культуры, воспринимаемой как «чужая». Здесь возможно множество индивидуальных поведенческих реакций, расположенных в диапазоне от полного отторжения, что случается чаще, до полного принятия, интериоризации иных социокультурных норм, выбора новой культурной идентичности. Существуют определенные условия изменения старой и формирования новой культурной идентичности. Когда по воле исторических процессов или по собственной воле человек погружается в инокультурную среду, перед ним встает вопрос о собственной идентичности, о том, кто «мы» и кто «они». Положение людей воспитанных, или, как сейчас принято говорить, прошедших процесс социализации и инкультурации в рамках одной культурной реальности и в течение жизни оказавшихся в иной реальности, подчас переживается как личная драма.

Итак, человек попадает в зону культурной, языковой бифуркации, создаваемой конфликтом прежнего жизненного опыта, в том числе языка, усвоенных норм и ценностей своей культурной среды, и новым социокультурным окружением. Возникает проблема выбора собственной культурной идентичности, чело-

век вынужден самоопределяться, пытаться ответить на вопрос – кто я? Зона бифуркации – это зона смысложизненных поисков, поведенческих экспериментов, возможность выбора, возможность пробовать и ошибаться [3]. В любом случае это зона большей свободы, выхода за пределы налаженной жизни, задаваемой автоматизмом поведенческих реакций в соответствии с усвоенными нормами и ценностями культурной среды, данной человеку при рождении.

Мы знаем, что поиск новой культурной идентичности при вольном или невольном погружении в новую среду – явление давно и хорошо изученное. Процессы аккультурации на протяжении длительного времени изучались известными антропологами, социологами, психологами как в среде вынужденных беженцев и переселенцев, так и добровольных мигрантов. Во все времена существовала тенденция эмиграции россиян во Францию. Сейчас же там проживает достаточное число русских. Чтобы понять, как французы относятся к русским, было проведено интервью с французской писательницей российского происхождения Анной Мулен (автором книги «Париж – город любви, город разбитых сердец», которое представлено ниже [4].

– *Как вы можете оценить в целом отношение французов к русским?*

– Отношение в целом хорошее. Французов привлекает русская культура. На любом мероприятии – балете, спектакле из России, встрече с русскими писателями, даже в русских ресторанах – всегда аншлаг и очень много французов. Французы любят русских девушек. Для них они – воплощение красоты и женственности. Это экзотика, красота, особый шарм, загадочная «русская душа». Мне кажется, яркий пример восприятия французами русских женщин – это Наташа, героиня известного французского фильма 2005 г. «Les Poupées russes» (в российском прокате «Красотки»), балерина из Петербурга, такая вся нежная, спокойная, понимающая. Хотя, например, люди из сферы услуг, сталкиваясь с русскими туристами, всегда их немного побаиваются, считая холодными и не приветливыми. И еще бездумно сорящими деньгами. Могу добавить, что у многих образ России сохранился еще с советских времен. А то и с царских. О современной России французы имеют мало представления. Но это можно понять. Россия для них, скажем так, не является приоритетным туристическим направлением, а по тому, что показывают в новостях или в американских фильмах, сложно составить объективную картину.

– *Какие общие черты Вы можете выделить у русских и французов?*

– Мы верим в Бога и любим Джо Дассена! Хотя в голову, действительно, первым делом приходят религия и культура. Никто, кроме русских, не сможет так самозабвенно подпевать французам под их старые шлягеры. Но вообще довольно сложно сказать. Если думать о разных жизненных сферах – работе, досуге, детях, еде, моде, традициях и т.д., замечаешь, скорее, различия. Наверное, общее есть у отдельно взятых людей, и эта общность основана больше на характере, образовании и т.п., чем на национальной принадлежности.

– *Что больше всего Вам нравится во Франции и во французах?*

– 1) Умение наслаждаться жизнью. Это, наверное, главное, что мне нравится во французах. Они очень ценят свое личное время и пространство, стараются соблюдать баланс между работой и личной жизнью. Это одна из немногих стран, которая добилась 5 недель оплачиваемого отпуска в году, и эти 5 недель они отгуливают без всякого зазрения совести. Еще мне нравится самодостаточность французских женщин. Они считают себя прекрасными и достойными в любом возрасте, не стараются сохранить отношения с мужчиной любой ценой или успеть родить ребенка до 30. Для них важнее состояться самим.

2) Легкость. Люди живут своей жизнью и не лезут к другим. Наверное, М. Лабковский, советуя в своей книге «Хочу и буду» [5] «делать только то, что хочется», думал о французах. Во Франции мне больше всего нравится то, что здесь есть всё для получения удовольствий.

3) Море, горы, северная природа Нормандии и южная природа Прованса, архитектура, еда, мода. Можно вообще не уезжать из страны и иметь самые разнообразные виды отдыха и впечатления.

– *Сложно ли человеку российской ментальности прижиться во Франции?*

– Думаю, что все зависит от человека. Приезжим всегда сложно, ведь у местных уже есть свой сложившийся круг общения, и они не будут каждому открывать свои двери. Нужно быть активным, гибким, а главное – позитивно смотреть на вещи и пытаться понять и адаптироваться, самому идти навстречу людям. Думаю, что у русских девушек очень хорошо получается «офранцузиваться»: благодаря близкому типу внешности они легко становятся похожими на французенок, перенимая их стиль и уверенность в себе.

– *Верны ли стереотипы русских о французах?*

– Смотря какие. У меня, например, было такое представление, что французские мужчины – это сплошные «Николя» и «Себастьяны» из популярного молодежного сериала «Элен и ребята», только и ждущие свою «роурée russe». Мне действительно очень понравились французы: их ухоженный внешний вид, чувство стиля, приветливость, умение и желание вкусно готовить. Но с отношениями все оказалось не так просто. Их легко соблазнить, но не так просто завоевать. Они не спешат связывать себя узами брака, для них нормально родить ребенка после 30 и позже. Они требовательны к своей избраннице. Для крепких отношений нужно прилагать усилия, как, наверно, и везде.

– *Как Вы можете оценить Францию изнутри?*

– Для меня это очень комфортная для жизни страна. Здесь серьезная социальная защита населения со стороны государства, высокий уровень жизни, бесплатная медицина, качественные продукты, разнообразная природа, забота об экологии. Но всё очень дорого, особенно жилье. В этой стране, чтобы пользоваться ее благами, нужно много работать и платить налоги.

Заключение. В каждой стране есть свои плюсы и свои минусы, но если человек захочет интегрироваться в какую-либо среду, у него, несомненно, это получится. Французы – тоже люди, пусть и элегантные, ухоженные, интересные,

эмоциональные. Они преданы своей стране и любят ее. Возможно, если мы могли бы взять хоть часть их ментальности и перенести ее на нашу российскую действительность, то у нас и получилось бы объединить народ общей идеей. Во Франции проживает 22 национальности. Люди, бывает, даже не понимают друг друга, потому что говорят на разных диалектах, но всеобщая любовь к еде, вину, art-de-vivre и своей родине сближает их, создавая невероятно мощную силу. Франция – страна, разделенная на сорок три миллиона французов, справедливо полагает наш современник француз Пьер Данинос. Иными словами, мы разные, но вместе мы создаем коммуникативный универсум [4], формируя новые смыслы, влияя на восприятие себя и другого, россиян и французов, продолжая длительный исторический процесс культурного и политического сотрудничества и соперничества.

Мы отдаем себе отчет в том, что проведенный анализ должен быть наполнен майнстримовскими контекстами влияния глобального бизнеса, потребления, либерализма на систему ценностей и поведение современного человека. Конструирующее, контролирующее и управляющее влияние на человека глобального общества массового производства и потребления нельзя переоценить. Мы здесь согласны с позицией В.П.Шалаева, оно фундаментально [6; 7]. Но это, наверное, тема уже дальнейших наших исследований.

Список литературы

1. Востряков Л.Е., Гавров С.Н. Международное культурное сотрудничество как часть государственной культурной политики России // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 3 (83). С. 152-160.
2. Гавров С.Н., Крыжановская М.П. Теоретические аспекты взаимодействия национальных культур // Современные проблемы исследования культуры. Москва: МГУКИ, 2001. С. 25-33.
3. Гавров С.Н. Государственная культурная политика сквозь призму европейского опыта и трансграничного регионального сотрудничества // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 6 (80). С.60-67.
4. Интервью Дарьи Борташевич с Анной Мулен. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=0zUR3esDmk> (дата обращения 29.09.2019).
5. Лабковский М. Хочу и буду. Москва: Альпина Паблишер, 2019. 656 с.
6. Шалаева С.Л., Шалаев В.П. Либеральная (псевдолиберальная) культура как фактор глобальной западофикации и глобального управления // Socio Time / Социальное время. 2015. № 2. С. 112-122.
7. Шалаев В.П. Осторожно, мутация: человек и общество перед вызовами глобализации, западофикации и потребления: противоречия нарастают // Socio Time / Социальное время. 2015. № 3. С. 48-57.
8. Коммуникативный универсум духовной культуры: монография / М.Н. Эпштейн, В.А. Бажанов, Б.Л. Губман и др. Москва: РосНОУ, 2015. 288 с.

Авторская справка

БАРТАШЕВИЧ Дарья Антоновна, магистр, департамент политологии Финансового университета при Правительстве РФ, г. Москва. E-mail: darja.bartashevich@rambler.ru.

ГАВРОВ Сергей Назипович, доктор философских наук, профессор, департамент политологии Финансового университета при Правительстве РФ, г. Москва. E-mail: gavrov@gmail.com.

UDC 316.7

DOI: 10.25686/2410-0773.2020.1.127

PERCEPTION OF FRENCH AND RUSSIANS: HISTORY, CULTURE, TRADITION

D. A. Bartashevich, S. N. Gavrov

Financial University Affiliated to the Government of the Russian Federation, Moscow (Russia)

Introduction. The goal is to examine the cultural characteristics of the country and conduct research on the attitude of the French to the Russians, as well as to present relevant conclusions about the interaction of the two countries' mentalities. The importance of the issue is that in the course of globalization, the relevance of studying national images of the world, the mentality of other countries, and their cultural characteristics for simplified integration into these societies is becoming more and more apparent.

Research methods. Interviewing method is used to find out the real attitude of the French to the Russians and to understand using the outward glance on the situation in France. Content analysis method or analysis of literature resources on the topic of intercultural socialization and cultural evolution.

Results. The modern dialogue of cultures of France and Russia is considered. The authors analyze the re-inculturation and socialization of Russians in Paris, the formation of extra and intra images of Russia and Russians, France and the French through each other's eyes. The evolution of everyday life culture and couture fashion in France as the tools for socialization and inculturation of Russians in Paris is viewed in the article. A thematic analysis of exclusive interviews of the Russian expats living in France is presented.

Conclusions. It is proved that we are different, however, at the same time, we create a communicative universe, shaping new meanings, influencing the perception of ourselves and others, Russians and French, continuing the long historical process of cultural and political cooperation and competition.

Keywords: inculturation, socialization, emigration, fashion, cultural features, cultural heritage, France, Russia, Paris, intra-image, extra-image of the nation, Hemingway, Woody Allen, Fitzgerald, Gertrude Stein, Picasso, Pierre Cardin, Christian Dior, Anna Moulin, Elle, Marie Claire, Vogue.

References

1. Vostryakov L.E., Gavrov S.N. Mezhdunarodnoe kul'turnoe sotrudnichestvo kak chast' gosudarstvennoj kul'turnoj politiki Rossii [International cultural cooperation as part of the state cultural policy of Russia], *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, 2018, No. 3 (83), pp. 152-160.
2. Gavrov S.N., Kryzhanovskaya M.P. Teoreticheskie aspekty vzaimodejstviya nacional'nyh kul'tur [Theoretical aspects of the interaction of national cultures], *Sovremennye problemy issledovaniya kul'tury* [Modern problems of cultural research], Moscow: MGUKI, 2001, pp. 25-33.
3. Gavrov S.N. Gosudarstvennaya kul'turnaya politika skvoz' prizmu evropejskogo opyta i transgranichnogo regional'nogo sotrudnichestva [State cultural policy through the lens of European experience and cross-border regional cooperation], *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts], 2017, No. 6 (80), pp. 60-67.
4. Interv'yu Dar'i Bortashevich s Annoj Mulin [Interview of Daria Bortashevich with Anna Moulin]. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=0-zUR3esDmk> (data obrashcheniya 29.09.2019).
5. Labkovskij M. Hochu i budu. Al'pina Pablisher [I want and I will. Alpina Pablisher], Moscow, 2019, 656 p.

6. Shalaeva S.L., Shalaev V.P. Liberal'naya (pseudoliberal'naya) kul'tura kak faktor global'noj zapadofikacii i global'nogo upravleniya [Liberal (pseudo-liberal) culture as a factor in global westernisation and global governance], *Socio Time / Social'noe vremya*, 2015, No. 2, pp. 112-122.

7. Shalaev V.P. Ostorozhno mutaciya: chelovek i obshchestvo pered vy'zovami globalizacii, zapadofikacii i potrebleniya: protivorechiya narastayut [Carefully, mutation: man and society before the challenges of globalization, westernisation and consumption: contradictions are growing], *Socio Time / Social'noe vremya*, 2015, No. 3, pp. 48-57.

8. Epshtejn M.N., Bazhanov V.A., Gubman B.L., Gavrov S.N., Klyukanov I.E., Rashkovskij E.B., Semecki I., Tomashov V.V., Tul'chinskij G.L. Kommunikativnyj universum duhovnoj kul'tury [Communicative Department of Spiritual Culture]: monografiya, Moscow: RosNOU, 2015, 288 p.

Author's Bio

BARTASHEVICH Daria Antonovna – Master, Department of Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia. E-mail: darja.bartashevich@rambler.ru.

GAVROV Sergey Nazipovich – Doctor of Philosophy, Professor, Department of Political science, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia. E-mail: gavrov@gmail.com.

Библиографическая ссылка

Барташевич Д. А., Гавров С. Н. Восприятие французов и россиян: история, культура, традиция // SocioTime / Социальное время. – 2020. – № 1(21). – С. 127-136. – DOI: 10.25686/2410-0773.2020.1.127

УДК 94(47).084.9

DOI: 10.25686/2410-0773.2020.1.137

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАСТРОЕНИЯ СОВЕТСКОГО ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА СЕРЕДИНЫ 50-х годов XX века (Часть I)

Л. Г. Мокроусова, А. Н. Павлова*Поволжский государственный технологический университет, Йошкар-Ола (Россия)*

Введение. 50-е годы XX века оказались одной из наиболее динамичных эпох, интерес к которой сохраняется и в настоящее время. Это был уникальный опыт демонтажа тоталитарной системы, изменения политических настроений. Несмотря на обширную источниковую базу и сложившуюся историографию, политические настроения широких слоев советского общества, особенно жителей провинции, до настоящего времени еще недостаточно изучены. Целью настоящей статьи является реконструкция политических настроений середины прошлого века на основе детских воспоминаний современников событий. Объектом исследования стало отношение советских людей к событиям, происходившим в стране после смерти И.В. Сталина, восстановленное по детским воспоминаниям их современников и участников.

Методы. Воспоминания собраны в рамках опроса, проводившегося преподавателями и студентами Поволжского государственного технологического университета. Полученные таким образом материалы исследованы на основе междисциплинарного подхода с использованием сравнительного, системного и ретроспективного методов, с учетом методов и методик исторической антропологии.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Результаты опроса свидетельствуют о том, что первичное отношение к происходившим в стране событиям у детей и подростков формировалось под влиянием родителей, учителей и средств массовой информации, но в дальнейшем благодаря знакомству с литературными произведениями, публицистикой у многих оно трансформировалось в зависимости от господствовавших в обществе мнений. В ходе опросов получили подтверждение некоторые исторические мифы и стереотипы, связанные со смертью И.В. Сталина и вызванным ею общественным резонансом.

Заключение. Проведенные исследования позволяют восстановить особенности политических настроений в советском провинциальном обществе и выявить механизмы формирования исторической памяти.

Ключевые слова: советское общество, провинция, детские воспоминания, смерть И.В. Сталина, репрессии, десталинизация, реабилитация

Введение. Середина XX века в политическом смысле оказалась бурной для руководства СССР: вслед за смертью И.В. Сталина в его ближайшем окружении развернулась борьба за власть, в итоге завершившаяся победой Н.С. Хрущева, с именем которого в сознании многих людей ассоциируется процесс десталинизации, интерес к которому сохраняется до настоящего времени, как и множество связанных с ним мифов. В рассматриваемый период в силу сложившихся обстоятельств наметился некоторый отход от закрытого типа «существования (закрытая система), которое как естественное свойство социальных систем основано на их стремлении к выживанию и устойчивому воспроизводству в неблагоприятных

внешних и внутренних условиях... эти условия объективным образом детерминировали необходимость жесткого контроля внутренних и внешних социальных связей, необходимость экономии наличного культурно-цивилизационного ресурса» [16, с. 53]. Происходившие события затронули все советское общество, однако их восприятие современниками в значительной степени отличалось в зависимости от уровня образования, социального статуса и других условий. В рамках настоящей статьи будут проанализированы политические настроения советского общества середины 50-х гг. прошлого века на основе детских воспоминаний современников событий. Исследование рефлексии провинциальной части советского общества в условиях кардинальных социально-политических трансформаций способствует выявлению закономерностей формирования общественного мнения.

Период советской истории от смерти И.В. Сталина до утверждения единоличной власти Н.С. Хрущева достаточно полно отражен в исторической литературе. Существует несколько версий смерти И.В. Сталина, включая его преднамеренное убийство [1; 2; 5-7]. Документально хорошо отражены произошедшие в связи с этим основные изменения в советском и партийном аппарате [13]. В результате в Советском Союзе началась новая политическая эпоха «коллективного руководства» [2-4; 10; 11], которое попыталось дистанцироваться от «культы личности», «... решить сразу две задачи: во-первых, избавиться от серьезного и очень опасного конкурента; во-вторых, подвести черту под прошлым, сделав из Берия «козла отпущения» [2, с. 98-99]. XX съезд КПСС вошел в сознание советских людей благодаря докладу Н.С. Хрущева «О культе личности Сталина и его последствиях», вызвавшему неоднозначную реакцию в советском обществе, а также и в современной российской историографии [4; 14; 15; 17]. К этому времени Н.С. Хрущев уже устранил основных конкурентов в борьбе за лидерство, как полагает М.Ю. Павлов [9, с. 62]. Завершился этот процесс отстранением от властных рычагов В.М. Молотова, Л.М. Кагановича и, наконец, «претендовавшего на некоторую независимость Жукова» [8, с. 49]. Влияние борьбы за власть в высших эшелонах партийно-советского руководства на провинциальное общество на примере Горьковской области рассмотрели Г.Ш. Сагателян, И.В. Филипчук, полагавшие, что это феномен изменения менталитета населения и отхода народа от коммунистической идеологии [12, с. 104].

Методы. Проблема трансформации массового сознания советских людей в середине XX века в связи с критикой культа личности Сталина и развернувшейся внутривластной борьбой нуждается в более глубоком исследовании и предполагает привлечение новых источников, одним из которых могут быть воспоминания современников. Преподавателями кафедры истории и психологии Поволжского государственного технологического университета был разработан опросник, посвященный событиям советской истории середины 50-х–начала 80-х гг. прошлого века. В течение семи лет (2013-2019 гг.) студентами ПГТУ было опрошено 168 респондентов старше 1950 года рождения, которые являлись свидетелями и участниками происходивших в стране событий. В качестве респондентов выступили жители Республики Марий Эл и сопредельных Киров-

ской, Нижегородской областей, Чувашской Республики и Республики Татарстан, но были среди них и выходцы из Краснодара, Курска, Саратовской области, Мурманска, Дальнего Востока (Находка, Хабаровск, Благовещенск), а также Донецка и Ташкента.

Первая часть опросника посвящена событиям 50-х годов XX века, поэтому наиболее информативными являлись ответы старшей категории респондентов (до 1946 г. рождения), которые к моменту рассматриваемых событий были подростками или молодыми людьми (самый старший респондент – 1927 года рождения (далее – г.р.) – 64 %. Сельские жители среди участников опроса составили 36,7 %, но следует учитывать, что многие из респондентов, родившихся в деревне, в дальнейшем переехали в города. Почти 65 % участников опроса имели среднее или среднее специальное образование, 27 % – высшее. При исследовании анкетных материалов основными стали сравнительный, типологический и системный подходы. Изучение политических настроений предполагает обращение к методологии исторической антропологии, прежде всего структурно-функциональному анализу.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение.

Первый вопрос анкеты касался источников, из которых люди узнали о смерти И.В. Сталина и связанных с этим эмоциях. Одним из основных источников информации в то время служило радио (62 % опрошенных). 20 % респондентов отметили, что о произошедшем узнали от родителей или учителей: «На всех зданиях висели траурные красные флаги, все люди ревели, так я и узнал о смерти Сталина»; «Директор собрал всех на линейку и сообщил о смерти И.В. Сталина. Он сказал: «Умер вождь». Единичными были ответы о получении данного известия от соседей, друзей, в сельсовете. 8 % не ответили на данный вопрос, объясняя это тем, что «был ребенком».

Реакция респондентов на события марта 1953 г. тоже была разной. Большинству происходящее представлялось тогда отнюдь не радостными: «Это событие показалось мне очень трагичным. Многие из моих знакомых плакали»; «Родители рассказывали, что это была страшная трагедия для народа, люди плакали навзрыд»; «Очень переживали, многие на линейке плакали. Мама настолько сильно переживала, что плакала около недели». Подобные ответы дали 62 % респондентов.

«В день, когда по радио объявили о смерти И.В. Сталина, я была в доме у подруги. В школу мы еще не ходили, нам было по шесть лет. Работало радио, но мы его не слушали, были заняты игрой. Вдруг мама подруги очень громко заплакала. Дочка ее спросила: «Что случилось?». Она ответила: «Сталин умер. По радио объявили...» В шесть лет я не осознавала, кто такой Сталин и почему люди переживают его смерть. Но в детской памяти это имя осталось. Мой отец, Попов Михаил Ефимович, участник Великой Отечественной войны, был рабочим лес-промхоза, о политике дома не говорил, и вообще был очень сдержан в высказываниях. В день объявления по радио о смерти Сталина он сказал: «Благодаря Сталину мы выиграли войну». Эти слова он повторял впоследствии еще много раз», – вспоминала одна из участниц опроса.

Приведем воспоминания тогдашней студентки (1936 г.р.): «Я училась на 3 курсе, был урок физкультуры. Нашего преподавателя Евгения Васильевича куда-то вызвали, он вернулся, всех построил и сообщил, что умер Сталин. Мы все ревели, мы очень это переживали, потому что считали, что Сталин – это самый главный человек на свете. Я тогда написала стихотворение, и оно заканчивалось так: «...Генералиссимус советского народа, Великий Сталин, светоч наших дней». Потом висел его портрет во весь рост, долго висели траурные флаги. Нам сразу дали стипендию. Я тогда платье себе купила и книжку Карнауховой на память. До сих пор она у меня хранится, там даже подписано «В день смерти Сталина». Моё стихотворение было напечатано в газете «Молодой Сталинец».

С именем Сталина была связана целая эпоха, ознаменовавшаяся глобальными изменениями, потерями и победами. Все респонденты родились в то время, когда Сталин был единоличным лидером; их родители, как правило, тоже были воспитаны в сталинскую эпоху, поэтому испытывали неподдельную скорбь, как если бы потеряли очень близкого человека. Многие просто не понимали, что будет дальше: «Наша семья плакала и скорбела, мы очень переживали за наше государство, в чьи руки оно попадет после смерти Сталина»; «Мои родственники, знакомые и друзья испытывали волнение за будущее страны, чувство горечи и переживания. Когда эту новость обсуждали в сельском клубе, были те, кто падал в обморок» (14 %). Это объясняли тем, что «именно И.В. Сталин объединил весь народ и внес огромные перемены в историю СССР», «Сталина народ уважал, относился с почитанием, как к идолу. Люди называли его отцом народов». По сути, это был конец целой эпохи. Вероятно, интуитивно население страны это ощущало, хотя будущие политические перемены еще не были очевидны, тем более в провинции.

Лишь около 2 % респондентов в своих ответах отметили радость по поводу смерти «отца народов». «О смерти Сталина сообщали по радио. Как раз во время похорон ехал на учебу на поезде в Васильево. Поезд остановился в лесу и стал давать гудки, все пассажиры встали, но слез ни у кого не было, тем более у молодежи», – отметил респондент 1933 г.р., что указывает на сложившееся уже на тот момент отношение к Сталину. «Многие были рады тому, что прекратится террор и массовые аресты невинных людей. Некоторые односельчане сидели в тюрьмах незаслуженно, за слухи и сплетни. Люди боялись сказать то, что они думают, боялись, что их слова могут быть восприняты двусмысленно, что донесенная информация будет использована против них. Поэтому лишний раз старались не упоминать политику, не обсуждать власть, включая местную», – рассказал респондент 1936 г.р. Последний ответ можно рассматривать как размышление человека о сталинской эпохе, своего рода вторичную объяснительную модель, отражающую его жизненный опыт. Встречаются и объяснения неоднозначного отношения к данному событию, возможно, являющиеся результатом последующих размышлений респондентов. «После смерти народ сожалел, горевал. Но это у нас; в других местах, где репрессия была, может, радовались. Но у нас репрессированных не было. В с. Октябрьское один был Афанасьев Кирилл, он 10 лет отсидел. Поэтому против Сталина у нас никого не было. После смерти его

часто вспоминали, думая о том, как жить без него дальше, все верили в него, он был честный человек. Не воровал ничего, всё делал для народа», – комментировал события того времени респондент 1938 г.р.

Некоторые восприняли события настороженно: «Наша семья, родные, друзья и знакомые отнеслись к этому очень сдержанно и настороженно, с большим испугом, так как мой дед В.П. Герасимов был репрессирован по ст. 58-8. Радовались мы, конечно, возможным изменениям по отношению к репрессированным – массовой амнистии 1,2 млн заключенных, запрету применять «изуверские «методы допроса», снятию паспортных ограничений для граждан, освободившихся из мест заключения, что позволяло им находить работу в крупных городах (это касалось около 3 млн человек). Все это давало надежду на пересмотр дел жертв политических репрессий после разоблачения незаконных приемов госбезопасности и НКВД». Подобные заключения основываются, по всей видимости, не только на личных воспоминаниях, но и информации, полученной в последующем. В них также хорошо просматривается отношение к событию в зависимости от включенности конкретных людей в политические процессы 30-40-х гг.

Несмотря на то что среди респондентов были те, кто в 1953-1955 гг. относился к категории подростков и молодежи, лишь 9 % попытались дать общую характеристику нового руководства партии и государства, пришедшего к власти после смерти И.В. Сталина, изредка перечисляя соратников Сталина и те новые посты, которые они заняли. Настроения простых советских людей той эпохи, живших в провинции, отражает следующий ответ: «Мало кто знал, даже из колхозников. Но знал, например, учитель истории Мельников. Он рассказывал и о смерти И.В. Сталина, и о смене руководящих должностей. При этом я испытывала полное одобрение курса и осуждала деяния, имевшие место в годы культа личности. Мои эмоции были вызваны тем, что сказал учитель истории. Он и объяснил. В деревне у него был непререкаемый авторитет в те годы. А тем спустили сверху в райкоме, что говорить». Это вполне согласуется с мнением исследователей: «На основе манипуляции общественными настроениями создавался особый механизм преодоления кризисных ситуаций... Умение режима овладевать общественными настроениями на уровне эмоций обеспечивало управляемость системы» [2, с. 97].

В характеристиках, которые были даны новому руководству страны, просматриваются стереотипы, истоки которых уходят в период партийной борьбы середины 1950-х гг. Например, говоря о Л.П. Берии (высказались 7 % респондентов), вспоминали «о его жестокости», называли его «предателем, который потерял доверие», песни даже пели: «Берия, Берия, потерял доверие, не жилось тебе в Кремле, полежи в сырой земле!» В своих размышлениях респонденты опирались на свой последующий жизненный опыт: «...В основном (*относились – Л.М., А.П.*) негативно, по моему мнению, такие посты может занимать человек только целеустремленный, по-своему болеющий за государство, жесткий, но соответствующий своему времени»; «Берия – помощник при Сталине. Он руководил арестами, потому что считал: чтобы держать людей в подчинении, нужны расстрелы». Подобные ответы близки к официальным установкам той эпохи, не

преодоленным в обыденном сознании до настоящего времени: «Падение Берия вызвало гнев советских граждан, которые буквально заклеямили «лютого врага».

В девяти анкетах (5 %) содержатся краткие воспоминания о Маленкове: «Маленков у власти был недолго, в деревне люди, далекие от государственных дел, его политику не поняли»; «Слышала, когда сняли Маленкова, все жалели. Их четверо было тогда: Каганович, Маленков, Молотов и еще один примыкающий, только не Берия, не помню. Я ездила тогда в деревню, все деревенские жалели о том, что его сняли, потому что он облегчил жизнь колхозникам»; «По радио про Маленкова говорили, о его снятии с должности главы правительства СССР из-за того, что в стране был голод»; «На слуху были Берия, Маленков и Каганович. О них часто говорили по радио. На некоторое время чувствовались изменения, стало чуть проще жить, когда Маленков к власти пришел и сразу стал что-то предпринимать, но его сдвинули очень быстро». Подобные ответы свидетельствуют о том, что политика, проводившаяся в период нахождения Г.М. Маленкова на посту Председателя Совета Министров СССР, соответствовала интересам широких слоев населения, включая сельских жителей, к которым принадлежали и многие респонденты, хотя и ярлыки, навешанные на ряд советских и партийных руководителей в период борьбы за власть, остались в памяти людей.

О Хрущеве вспомнило гораздо больше респондентов, что не удивительно, поскольку он вышел победителем в борьбе за власть, и с ним связаны важные события в советской истории. «Очень умный, дальновидный политик..., вырвавший СССР вперед в плане космонавтики и вооружения, показавший миру «кузькину мать» в 50 мегатонн», «главный организатор антибериевского заговора» – так определяли его респонденты. Особенности процесса формирования исторической памяти иллюстрирует следующее высказывание: «О Хрущеве узнала уже тогда, когда училась на первом курсе института, да и то после XX съезда партии. После выступления Хрущёва в феврале 1956 года и, очевидно, после осуждения на партсобраниях и других собраниях сталинизма в Краснодаре переименовали улицу имени Сталина в улицу Красную (она называлась так и до революции), убрали с постамента памятник Сталину». Здесь проявляется ретроспекция, когда политический деятель, известный по событиям более позднего времени, лучше запоминается и в связи с событиями более раннего периода, где его роль была, возможно, не столь велика.

Далеко не все респонденты визуально представляли себе тех, кто возглавил страну и партию после смерти И.В. Сталина. На этот вопрос ответило лишь 38 % респондентов, из них 58 % видели портреты соратников И.В. Сталина на открытках, фотографиях в газетах, книгах, знали по фото- и кинодокументам; а «когда стали старше – на демонстрациях ходили с портретами руководителей страны и партии». То, что многие не представляли руководителей государства, связано как с возрастом, так и с тем, что сельским жителям (а таких среди респондентов было немало) не всегда были доступны даже газеты.

Вопрос об изменении отношения к И.В. Сталину после его смерти у многих респондентов вызвал затруднения, что, возможно, связано с возрастом участни-

ков опроса, которые осмыслили происходившие события уже позднее, нередко под влиянием литературных и публицистических произведений. В основном запомнились такие факты, как сокращение упоминаний о Сталине, цитирования его произведений, исчезновение портретов вождя («сняли портреты в школе»). Но этот процесс набирал обороты постепенно, и усиление критики сталинского руководства приходится на период после XX съезда КПСС. Поэтому в воспоминаниях фиксируются такие истории: «Маме как хорошей доярке в 1954 году выделили путевку на сельхозвыставку, тогда мне запомнилось, что мама посетила мавзолей И.В. Сталина в Кремле» (*имеется в виду мавзолей – Л.М., А.П.*). В сознании многих людей хронологические рамки размываются, тем более что временной интервал между смертью Сталина и XX съездом был незначительным. «Я уже приехала сюда, в Йошкар-Олу, и училась в пединституте на вечернем отделении. У нас в вестибюле стоял в полный рост Сталин (*статуя – Л.М., А.П.*). Когда проходил XX съезд, и Хрущёв высказался там против Сталина и против культа личности, сразу убрали Сталина. Пришли на учёбу: весь пол исцарапан, потому что убрали тяжёлый памятник. Это я хорошо помню. Мы все были в недоумении, как-то жалели в то время, что Сталина нет, потому что он на первом плане был, во время войны, всегда его имя называли, всегда говорили, что победа благодаря ему была».

Последняя фраза свидетельствует о действенности советской идеологической машины, оказывавшей влияние не только на сознание, но и на эмоциональное состояние людей. Этот феномен сами респонденты объясняли «...возможно, даже воспитанием, мы росли с глубоким уважением к Сталину, для меня несогласие с его курсом было чем-то невозможным» (1942 г.р.), «Личность Сталина была в моих мыслях наравне с личностью Ленина. Он был нашим общим вождем, поэтому любую критику я воспринимала негативно». В подобном ключе можно рассматривать и следующие воспоминания: «Негативно высказывались (в основном по поводу того, что он плохо обращался с женой). Всегда очень позитивно вспоминали то, что он выиграл войну с фашистской Германией. Вспоминать никогда не прекращали. Часто упоминали в случаях неправильных решений чиновников, политиков фразой «Сталина на вас нет!» Очень ценили Сталина за то, что он выиграл войну, вполне спокойно относились к его курсу. А за репрессии его не осуждали, а осуждали его окружение, поэтому десталинизацию и осуждение культа личности Сталина вообще не понимали. Народ считал, что репрессии осуществлял Берия, а не Сталин» (1934 г.р.).

Респонденты спустя десятилетия стремятся осмыслить ситуацию, сложившуюся в середине 1950-х гг.: «...сначала почитали и восхваляли вождя. Имя и образ Сталина постоянно присутствовали в выступлениях руководства партии и государства... По всему Советскому Союзу проходило увековечивание памяти Сталина, продолжали устанавливаться новые памятники. Был создан Музей Сталина, продолжали праздновать даты со дня рождения, продолжали вручать Сталинские премии, печатать в газетах статьи о Сталине и его деятельности. В годовщину смерти Сталина публиковались фотографии и статьи в центральных газетах. Широко отмечалось 21 дек. 1954 г. 75-летие со дня рождения Ста-

лина: на предприятиях, в учреждениях, вузах, научно-исследовательских институтах и т. д. зачитывались доклады о Сталине, проводились беседы, посвященные ему. По радио передавались статьи, в кинотеатрах показывали фильмы, на первых полосах газет публиковались портреты. В этот день снова вручались Сталинские премии. Таким образом, Сталина продолжали почитать как великого вождя. В магазинах продолжали продаваться его труды, на всех мероприятиях звучал гимн СССР, в тексте которого упоминались Ленин и Сталин. По всей стране стояли памятники Сталину; города, улицы и предприятия по-прежнему носили его имя. На площадях различных городов страны, в интерьерах школ, учреждений, правлений заводов, колхозов, совхозов по-прежнему висели портреты Сталина». Таким образом, в первые годы после смерти И.В. Сталина общество не ощутило серьезных политических изменений; страна шла курсом, намеченным вождем.

Лучше запомнились события, произошедшие после смерти И.В. Сталина и повлиявшие на повседневную жизнь людей: указ об амнистии, когда на свободу вышло более 1 млн заключенных, прекращение производства по 400 тыс. уголовных дел («Первая после смерти Сталина амнистия была в 1953 году, когда были выпущены в основном уголовники. 1955 год добавил уголовников. После этой амнистии я еще застала в Краснодаре (в период учёбы в институте) разгар грабежей и бандитизма»), «выступления в различных городах страны, в Тбилиси с применением оружия и жертвами», «перестали снижать цены (последнее снижение было в апреле 1953 года)», арест Берии, смена руководителей страны.

Респонденты отмечали положительные изменения морально-психологического плана, связанные с постепенным исчезновением страха перед репрессиями. Респондентка 1937 г.р. вспоминала: «После Сталина свободы слова больше было, при Сталине ничего не могли говорить. Как пойдешь в школу: «Смотри, ничего не болтать!»; «После смерти Сталина не только моя семья, коллектив, да и все люди стали «свободнее», раскрепощеннее, можно было говорить о том, о чем думаешь, не боясь, что тебя посадят или расстреляют. При Сталине было все очень строго. Пример: Одна моя знакомая шла с яйцами в Пасху в церковь, запнулась, яйца упали и разбились. Ее спросили: «Почему ты выронила яйца?» Она ответила: «На Черта загляделась!» (недалеко висел портрет Сталина). Через час ее забрали и увезли, после чего ее не видели больше. А мужик после собрания спел частушку: «Если б не было зимы – Не было б и холоду, Кабы не было колхоза – не было и голоду!» Его тут же арестовали и увезли. Вот такая была политика при И.В. Сталине».

При этом некоторые опрошенные отметили, что после смерти Сталина материальное положение ухудшилось: «Во время Сталина все время ждали снижения цен, а после смерти так ничего и не произошло». Другие, наоборот, говорили о позитивных изменениях: «Начали выдавать паспорта, раньше такого не было, было трудно куда-то выехать»; «В колхозе стали платить деньги, стали выдавать хлеб. Еще стали уезжать на целину. Подъем колхоза: увеличили поголовье коров, появились в фермах овцы и кони. Жизнь стала легче». Разница во мнениях, вероятно, связана с социальным статусом и местом жительства на момент рассматрива-

ваемых событий, а также соединением в сознании людей реформ, проводившихся при Г.М. Маленкове и Н.С. Хрущеве.

Заключение. Для советских людей, живших в середине XX века, важнейшим событием послевоенного периода стала смерть И.В. Сталина, ознаменовавшая собой конец целой эпохи. Переход к «коллективному руководству» не привел к кардинальным изменениям в политических настроениях провинциального общества: слишком сильной была вера в непогрешимость системы и ее лидеров, сопряженная со страхом перед репрессиями, который проскальзывает даже в детских воспоминаниях современников событий. Период «коллективного руководства» не вызвал ярких воспоминаний. Советские и партийные лидеры воспринимаются на уровне клише: жестокий Берия; Хрущев, раскрывший правду о культе личности.

Список литературы

1. Авторханов А. Загадка смерти Сталина (заговор Берия). Фракфурт: Посев, 1981. 316 с.
2. Жуков Ю.Н. Тайны Кремля. Сталин, Молотов, Берия, Маленков. Москва: Терра, 2000. 688 с.
3. Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945-1953. Москва, 2000. 229 с.
4. Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация: от Великой Победы до наших дней (книга вторая). Москва: Алгоритм. 688 с.
5. Кобба Д.В. Берия. За что его не любят. Москва: Алгоритм, 2013. 200 с.
6. Мухин Ю.И. Убийство Сталина и Берия. Москва: Крымский мост-9Д, Форум, 2002. 731 с.
7. Мухин Ю.И. Убийцы Сталина. Главная тайна XX века. Москва: Яуза, 2005. 671 с.
8. Павлов М.Ю. «Дело» Г.К. Жукова и установление единоличного лидерства Н.С. Хрущева // Культурная жизнь юга России. 2011. № 1(39). С. 47-49.
9. Павлов М.Ю. Путь Хрущева к «облегченному» культу личности // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2011. № 3 (28). С. 58-66.
10. Пихоя Р.Г. Москва. Кремль. Власть. 40 лет после войны. 1945-1985. Москва: Русь-Олимп, Астрель, АСТ, 2007. 720 с.
11. Пыжиков А. В. Проблема культа личности в годы хрущевской оттепели // Вопросы истории. 2003. № 4. С. 47–57.
12. Сагателян Г.Ш., Филипчук И.В. Отражение обострения борьбы за власть в СССР в 1957 г. (на материалах Горьковской области) // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2019. № 1 (21). С. 103–110.
13. Спицын Е. Россия – Советский Союз 1946-1991 гг.: полный курс истории России для учителей, преподавателей и студентов. Книга 4. Москва, 2015. Режим доступа: <https://www.libfox.ru/615290-evgeniy-spitsyn-rossiya-sovetskiy-soyuz-1946-1991-gg.html> (дата обращения 30.08.19).
14. Ферр Г. Тени XX съезда, или Антисталинская подлость. Москва: Эксмо, 2010. 464 с.
15. Хрущев Н.С. Время, люди, власть: воспоминания. Кн. 1. Москва: Вече, 2016. 896 с.
16. Шалаев В.П. Синергетические свойства России: исторические истоки и историческая судьба // SocioTime / Социальное время. 2018. № 1(13). С. 49-64
17. Grover Furr. Khrushchev Lied. The Evidence That Every «Revelation» of Stalin’s (and Beria’s) Crimes in Nikita Khrushchev’s Infamous «Secret Speech» to the 20th Party Congress of the Communist Party of the Soviet Union on February 25, 1956, is Provably False. Kettering OH (USA): Erythros Press & Media, 2011. 416 p.

Авторская справка

МОКРОУСОВА Лариса Геннадьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и психологии Поволжского государственного технологического университета, г. Йошкар-Ола, Россия. E-mail: MokrousovaLG@volgatech.net.

ПАВЛОВА Анжелика Николаевна, доктор исторических наук, доцент, зав. кафедрой истории и психологии Поволжского государственного технологического университета, г. Йошкар-Ола, Россия. E-mail: PavlovaAN@volgatech.net.

UDC 94(47).084.9

DOI: 10.25686/2410-0773.2020.1.137

***POLITICAL MOOD OF THE SOVIET PROVINCIAL SOCIETY
OF THE MID-50s OF THE TWENTIETH CENTURY***

M. G. Mokrousova, A. N. Pavlova

Volga State University of Technology, Yoshkar-Ola

Introduction. The 50s of the 20th century turned out to be one of the most dynamic epochs to be of interest till the present time. It was a unique experience of dismantling the totalitarian system, changing the political moods. Despite the large number of sources and existing historiography, the political mood of the general public of the Soviet society, especially in the provinces has not been sufficiently studied yet. The purpose of this article is to reconstruct the political mood of the last mid-century using the childhood memories of contemporaries of events.

Research methods. The object of the study was the attitude of the Soviet people through the childhood memories of the contemporaries to the events that took place in the country after I.V. Stalin's death. The memories were collected as part of a survey carried out by the teachers and students of Volga State University of Technology. The materials obtained in this way were investigated using the interdisciplinary approach together with comparative, systemic and retrospective methods, taking into account historical anthropology methods and techniques.

Results. The results of the survey prove that the primary attitude to the events in the country among children and teenagers was formed under the influence of their parents, teachers and mass media. However, later due to studying literary works, political essays, etc. many people transformed their attitude depending on the prevailing public opinion. The surveys proved certain historical myths and stereotypes associated with I.V. Stalin's death and the public response caused by it.

Conclusion. The research conducted allows us to restore the certain political mood of the Soviet provincial society and to find out the mechanisms of historical memory formation.

Keywords: Soviet society, province, childhood memories, I.V. Stalin's death, repressions, de-Stalinization, rehabilitation.

References

1. Avtorkhanov A. Zagadka smerti Stalina (zagovor Beriia) [Mystery of Stalin's death (Beria conspiracy)], Frankfurt: Posev, 1981, 316 p.
2. Zhukov Iu.N. Tainy Kremliia. Stalin, Molotov, Beriia, Malenkov [Secrets of the Kremlin. Stalin, Molotov, Beria, Malenkov]. Moscow: Terra, 2000, 688 p.
3. Zubkova E. Iu. Poslevoennoe sovetskoe obshchestvo: politika i povsednevnost'. 1945–1953 [Post-war Soviet society: politics and everyday life. 1945–1953]. Moscow, 2000, 229 p.
4. Kara-Murza S.G. Sovetskaia tsivilizatsiia: ot Velikoi Pobedy do nashikh dnei (vol. 2) [Soviet civilization: from the Great Victory to the present day (book two)]. Moscow: Algoritm, 688 p.

5. Kobba D.V. Beria. za chto ego ne liubiat [Beria. For which they do not like him]. Moscow: Algoritm, 2013, 200 p.
6. Mukhin Iu.I. Ubiistvo Stalina i Beria [The murder of Stalin and Beria]. Moscow: Krymskii most-9D, Forum, 2002, 731 p.
7. Mukhin Iu.I. Ubiitsy Stalina. Glavnaia taina XX veka [Murderers of Stalin The main secret of the 20th century]. Moscow: Iauza, 2005, 671 p.
8. Pavlov M.Iu. "Delo" G.K. Zhukova i ustanovlenie edinolichnogo liderstva N.S. Khrushcheva ["Case" by G.K. Zhukov and the establishment of sole leadership of N.S. Khrushchev], *Kul'turnaia zhizn' iuga Rossii* [Cultural life of southern Russia], 2011, no. 1(39), pp. 47-49.
9. Pavlov M.Iu. Put' Khrushcheva k "oblegchennomu" kul'tu lichnosti [Khrushchev's path to a "lightweight" personality cult], *Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura* [Caspian region: politics, economy, culture], 2011, no. 3 (28), pp. 58-66.
10. Pikhoia R.G. Moskva. Kreml'. Vlast'. 40 let posle voiny. 1945-1985 [Kremlin. Power. 40 years after the war. 1945-1985]. Moscow: Rus'-Olimp, Astrel', AST, 2007, 720 s.
11. Pyzhikov A.V. Problema kul'ta lichnosti v gody khrushchevskoi ottepeli [The problem of personality cult in the years of the Khrushchev thaw], *Voprosy istorii* [Questions of history], 2003, no. 4, pp. 47-57.
12. Sagatelian G.Sh., Filipchuk I.V. Otrazhenie obostreniia bor'by za vlast' v SSSR v 1957 g. (na materialakh Gor'kovskoi oblasti) [Reflection of the aggravation of the struggle for power in the USSR in 1957 (on the materials of the Gorky region)], *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki* [Bulletin of Omsk University. Historical Sciences Series], 2019, no. 1 (21), pp. 103-110.
13. Spitsyn E. Rossiia – Sovetskii Soiuz 1946-1991 gg. Polnyi kurs istorii Rossii dlia uchitelei, prepodavatelei i studentov. Kniga 4 [Russia – Soviet Union 1946-1991. Full course of Russian history for teachers, teachers and students. Book 4]. Moscow, 2015. Available at: <https://www.libfox.ru/615290-evgeniy-spitsyn-rossiya-sovetskiy-soyuz-1946-1991-gg.html>
14. Furr G. Teni XX s"ezda, ili Antistalinskaia podlost' [Shadows of the XX Congress, or Anti-Stalinist meanness]. Moscow: Eksmo, 2010, 464 p.
15. Khrushchev N.S. Vremia, liudi, vlast'. Vospominaniia [Time, people, power. Memoirs]. Vol. 1. Moscow: Veche, 2016, 896 p.
16. Shalaev V.P. Sinergeticheskie svoistva Rossi: istoricheskie istoki i istoricheskaia sud'ba [Synergistic properties of Russia: historical origins and historical fate], *SocioTime / Social'noe vremia*, 2018, No. 1(13), pp. 49-64.
17. Grover Furr. Khrushchev Lied. The Evidence That Every «Revelation» of Stalin's (and Beria's) Crimes in Nikita Khrushchev's Infamous «Secret Speech» to the 20th Party Congress of the Communist Party of the Soviet Union on February 25, 1956, is Provably False. Kettering OH (USA): Erythros Press & Media, 2011, 416 p.

Author's Bio

MOKROUSOVA Larisa Gennadevna, Kandidat of Historical Sciences, Associate Professor of History and Psychology Department, Volga State University of Technology, Yoshkar-Ola, Russia. E-mail: MokrousovaLG@volgatech.net.

PAVLOVA Anzhelika Nikolaevna, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of History and Psychology Department, Volga State University of Technology, Yoshkar-Ola, Russia. E-mail: PavlovaAN@volgatech.net.

Библиографическая ссылка

Мокроусова Л. Г., Павлова А. Н. Политические настроения советского провинциального общества середины 50-х годов XX века (Часть I) // *SocioTime / Социальное время*. – 2020. – № 1(21). – С. 137-147. – DOI: 10.25686/2410-0773.2020.1.137

ПОДГОТОВКА И ПОРЯДОК ПРИЕМА РУКОПИСЕЙ

Журнал «SocioTime / Социальное время» – это научный, междисциплинарный, рецензируемый аналитический журнал современного социально-гуманитарного знания в области актуальных проблем развития человека и общества.

1. Общая информация. В журнале «SocioTime / Социальное время» публикуются статьи, отличающиеся научной новизной, теоретической и практической значимостью. Авторами статей могут быть ученые-исследователи, кандидаты и доктора наук, преподаватели, аспиранты и соискатели высших учебных заведений и академических институтов России и зарубежных стран, а также исследователи-практики. Принимаются не опубликованные ранее научные статьи и дискуссионные материалы научного характера.

Не допускается направление в редакцию статей, уже опубликованных или отправленных в другие журналы. В случае обнаружения одновременной подачи рукописи в несколько изданий опубликованная статья будет отозвана из печати. Редакция принимает к публикации материалы на русском или английском языках по темам трёх основных рубрик журнала (философия, социология и история).

Особое внимание следует уделить качеству перевода.

2. Требования к оформлению и содержанию статей

2.1. Общие технические требования:

- УДК (UDC) указывается в верхнем левом углу статьи;
- инициалы и фамилия автора статьи, место и город работы или учёбы приводятся на русском и английском языках;
- аннотация статьи (200–250 слов), ключевые слова (5–10 слов) оформляются на русском и английском языках 9-м кеглем;
- текст статьи объемом 0,4–1,0 авторского листа (16–40 тысяч знаков, включая пробелы), оформляется в редакторе Word (шрифт Times New Roman, кегль 11, одинарный интервал) в формате А4. Подрисовочные надписи, таблицы набираются 9-м кеглем. Рисунки представляются в тексте и отдельно в формате jpeg. На таблицы и рисунки должны быть ссылки в тексте статьи;
- ссылки на источники приводятся в тексте в квадратных скобках в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления»;
- список использованной литературы на языке издания (кегль 9) помещается в конце текста и строится в алфавитном порядке;
- транслитерация литературных источников (*References*) осуществляется с использованием сайта <https://translit.ru/> следующим образом: авторы (транслитерация); перевод названия статьи в транслитерированном варианте; перевод названия статьи на английский язык в квадратных скобках; название источника (транслитерация и перевод на английский язык (в квадратных скобках)); выходные данные с обозначениями на английском языке;
- сведения об авторах на русском и английском языках (кегль 8,5): Ф. И. О. полностью, ученая степень, звание, должность, место работы или учебы, почтовый адрес, телефон для связи, E-mail.

2.2. Требования к содержанию и структуре статьи

Аннотация – краткое изложение содержания статьи. В ней должны быть четко обозначены следующие элементы:

- *Введение (Introduction)*;
- *Методы (Methods)*;
- *Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение (Results)*;
- *Заключение (Conclusions)*.

Ключевые слова – основные понятия, раскрывающие содержание статьи.

Структура статьи:

- *Введение:* цель, задачи, актуальность исследования, постановка проблемы, история вопроса, обзор основных исследований и публикаций, на которые опирается автор, современные взгляды на проблему, нерешенные вопросы и т.д.;
- *Методы исследования:* методы и подходы (эмпирические и теоретические), использованные в исследовании; организация и ход исследования.

- *Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение*: изложение основных идей исследования; обобщение и обсуждение его результатов; выводы и рекомендации для дальнейших исследований, вытекающие из работы;

- *Заключение*: теоретическая и практическая значимость полученных результатов; основные направления для дальнейших исследований в этой области.

Список использованных источников оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008. Ссылаться желательно в первую очередь на оригинальные источники из научных журналов, включенных в глобальные индексы цитирования. Рекомендуется использовать 10–30 источников, из них публикаций за последние 5 лет должно быть не менее 5, иностранных источников – 3-5. Следует указать DOI или адрес доступа в Интернете.

3. **Список материалов**, подаваемых в редакцию в бумажном и электронном видах:

- заявление автора на имя главного редактора;
- текст статьи;
- рекомендация научного руководителя (для аспирантов и соискателей);
- справка о проверке статьи на «Антиплагиат» (к изданию допускаются статьи с оригинальностью текста **не менее 80 %**);
- договор на издание статьи.

4. **Порядок рассмотрения рукописи**. Рукопись должна соответствовать требованиям, указанным в пунктах 1-3. Рукопись может быть возвращена автору с замечаниями для доработки. После получения доработанного текста рукопись вновь рассматривается редколлегией. Датой поступления статьи считается день получения редакцией окончательного варианта. Материалы, оформленные не по требованиям журнала, не рассматриваются.

5. Правила оформления статей, образцы документов, порядок рецензирования и архив журнала представлены на сайте журнала SocioTime / Социальное время: <https://www.volgatech.net/sociotime/>.

E-mail: sociotime@volgatech.net.

Телефон редакции (главного редактора): 8-8362-686040.

PREPARATION AND PROCEDURE FOR ACCEPTANCE OF MANUSCRIPTS

"SocioTime / Social Time" is a scientific, interdisciplinary, peer-reviewed analytical journal of modern social and humanitarian knowledge in the field of urgent problems of human and society development.

1. **General information**. The journal "SocioTime / Social Time" publishes articles that are distinguished by their scientific novelty, theoretical and practical significance. Authors of articles can be scientists, researchers, candidates and doctors of science, teachers, graduate students and applicants from higher educational institutions and academic institutes from Russia or abroad, as well as practical researchers. Manuscripts should not contain substantial elements of material that has been published or accepted for publication elsewhere.

In case of discovery of the manuscript in several editions, the published article will be withdrawn from print. The editors accept for publication materials in Russian or English on the topics of three main sections of the journal (philosophy, sociology and history).

Special attention should be paid to the quality of the translation. The translation should be conducted by a native English speaker, written in high-quality English.

2. Requirements to the manuscript design

2.1. General requirements:

- Classification symbols Universal Decimal Classification (UDC) (upper left corner);
- The initials and surname of the author, in Russian and English (centered, font size 10);
- Abstracts of articles in Russian and English (200-250 words, justification page, font size 9);
- Keywords (no more than 5-10, font size 9);
- The manuscript 7-16 pages (16-40 thousand characters, including spaces) in A4 format, including figures, tables and graphs. The text is made in the editor Word (font Times New Roman, size 11, single spaced). The images should be referenced;
- References in the text in square brackets in accordance with the requirements;
- List of references in the language of publication (font size 9) at the end of the text and in alphabetical order;

- Transliteration of literary sources (References) is carried out using the site <https://translit.ru/> as follows: authors (transliteration); translation of the title of the article in a transliterated version; translation of the title of the article into English in square brackets; source name (transliteration, italics); output with designations in English;

- Information about the authors in Russian and English (font size 8,5): Full name, degree, position, place of work or study with a mailing address, tel. and e-mail.

2.2. Requirements for the content and structure of the article (main elements of the article)

Abstract (200–250 words) - summary of the content of the article. It should clearly indicate the following components:

- Introduction: purpose, relevance, problem statement;

- Methods: methods and approaches used by the author in the study;

- The main ideas of the study, the results obtained and their discussion (Results);

- Conclusion: theoretical and practical significance of the research results.

Keywords (5-10 words) reflect the main provisions, achievements, results, terminology of scientific research.

The structure of the manuscript is as follows:

- *Introduction*: purpose, objectives, relevance of the study, problem statement, background, overview of the main studies and publications on which the author relies, modern views on the problem, unresolved issues, etc.;

- *Research methods*: methods and approaches (empirical and theoretical) used in the study; organization and progress of the study;

- *The main ideas of the study, the results obtained and their discussion*: presentation of the main ideas of the study; generalization and discussion of its results; conclusions and recommendations for further research arising from the work;

- *Conclusion*: theoretical and practical significance of the results; guidelines for further research in this area.

The list of sources used is drawn up in accordance with the requirements of GOST R 7.0.5–2008. It is advisable to refer primarily to original sources from scientific journals included in global citation indices. It is recommended to use 10-30 sources, of which there should be at least 5 publications over the past 5 years, 3-5 foreign sources. You must provide a DOI or Internet access address. Sources in foreign languages are given in the original.

3. **Materials shall be sent:**

- The author's statement addressed to the editor;

- The manuscript;

- Recommendation of the supervisor (for students);

- Certificate on checking the article in the "Antiplagiat" system (articles with original text of **at least 80 %** are allowed to be published);

- Contract for the publication of an article.

4. **The review process and publication decision.** The manuscript must meet the requirements specified in paragraphs 1-3. The manuscript can be returned to the author with comments for revision. After receiving the revised text, the manuscript is again considered by the editorial board. The date of receipt of the article shall be the date of receipt of the final edited version of the article. Materials that are not designed according to the requirements of the journal are not considered.

5. Requirements to the manuscript design, examples of the documents, the review process and electronic versions of the journal are presented on the website: <https://www.volgatech.net/sociotime/>.

E-mail: sociotime@volgatech.net.

Tel. (Editor in Chief): 8-8362-686040.

Подписка на журнал осуществляется по «Объединенному каталогу. Пресса России. Газеты и Журналы» (подписной индекс **94236**)